

РОМАН РОМАНОВ МАСТЕР БЕЗ МАРГАРИТЫ

РОМАН
РОМАНОВ

МАСТЕР
БЕЗ
МАРГАРИТЫ

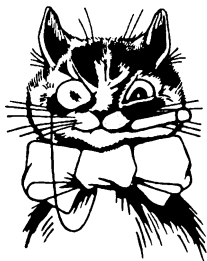
Роман Романов

Роман РОМАНОВ

МАСТЕР без МАРГАРИТЫ

Теория парадоксального
движения
и научно-иронические
откровения

Москва
Издательский дом «Звонница»
2002

УДК 620.08
ББК 30у
Р 69

Художественное оформление
Елена Ененко

Романов Р. И.
Р 69   Мастер без Маргариты: Теория парадоксального движения и научно-иронические откровения. — М.: Издательский дом «Звонница», 2002. — 272 с.

ISBN 5-88093-097-1

Роман Романов, известный артист, всю жизнь одержим одной идеей — открыть новый способ движения. Его научные разработки получили множество патентов. И наконец, как считает автор, он совершил свое главное открытие, которое описано в этой книге. В ней же он с юмором и подкупающей самоиронией рассказывает о судьбе неопита в научной среде, когда от великого до смешного — один шаг. По сути, «Мастер без Маргариты» — настоящий роман Романа Романова с наукой.

УДК 620.08
ББК 30у

ISBN 5-88093-097-1

© Романов Р.И., 2002.
© Издательский дом «Звонница».
Оформление, 2002.

Всякое движение — это суть неравных условий, в которых пребывают действие и противодействие.

Роман Романов

Почему я назвал свою книгу «Мастер без Маргариты», тем самым связав ее со знаменитым романом?

Читая гениальные произведения, иногда замечаешь в судьбах их героев некоторую схожесть с событиями и своей жизни.

Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» подсказал мне, как построить свою книгу — также перебивая ход повествования страницами из ранее написанного. Моя предыдущая книга (к которой я буду возвращаться) называлась «Как я нарушил третий закон Ньютона». Естественно, она должна была вызвать у читателя недоверие к автору: «Он что, шутит? А если серьезно об этом заявляет, то кто же он?»

Известно, что многие относятся к подобным названиям книг как к очередной модной сенсации.

Однако хотелось бы сразу заявить читателю, что автор действительно шутит... Шутит, когда выходит на эстраду, поскольку вся его жизнь прошла в концертных залах, где он как конферансье представлял на сцене самых популярных и выдающихся артистов Эстрады (тогда советской Эстрады).

Так сложилась его судьба... Но мы знаем из истории науки и искусства, какие неожиданности преподносит нам иногда жизнь.

Можно привести целый список людей, выдающиеся заслуги которых никак не связаны с их официальной профессией.

И все-таки вернемся к скандальному названию этой книги. Что заставило автора дать книге это «смелое» название, имел ли он на это право?

Книга, которую вы держите сейчас в руках, надеюсь, даст вам некоторый ответ, если у вас хватит терпения прочитать ее с самого начала и до конца. Я подчеркиваю: **СНАЧАЛА!** Ведь для того, чтобы иметь право на такое название для своей книги, надо было чем-то в жизни пожертвовать. Словом, нужно узнать, чего это стоило автору.

Во-первых, автору это стоило потери некоторого динамизма своей артистической карьеры.

Это стоило ему двойной жизни и сомнительного положения неофита.

Это стоило ему вечной унижительной зависимости от дежурного у проходной завода, какого-нибудь дяди Васи или тети Сони, и полной зависимости от здоровья (после запоя) Эдуарда Борисовича Завязкина, работающего на токарном станке, и какого-нибудь Петровича — его начальника, кто может позволить или не позволить выточить какую-либо деталь для очередного тысячного эксперимента, который может привести к «великому открытию». (И все-таки, если бы не было на Руси таких умелых рук и светлой головы, как у Эдуарда Борисовича Завязкина, никаких бы великих дел и открытий не случилось.)

Я перечислил только главные обстоятельства, то есть отдаленность моей профессии от производственных сфер. Но основное — это круглосуточные размышления и... эксперименты, эксперименты, эксперименты...

И, наконец, можно задать вопрос: а зачем это все ему нужно?

На этот вопрос может ответить только ОН!

Может быть, потому эта книга уводит в «дебри» вечно-го вопроса тайны жизни, что заявлено в названии, перефразируя Булгакова — «Мастер без Маргариты».

Книга состоит из двух частей.

Первая часть — «Теория парадоксального движения» — это продолжение размышлений и развитие идей предыдущей книги.

Вторая часть — «Научно-иронические откровения». В ней реализовалось желание автора рассказать о себе и о своей жизни в самых различных обстоятельствах.

Зная реакцию некоторых читателей на предыдущую книгу «Как я нарушил третий закон Ньютона», хотел бы предупредить, что первая часть написана не для всех. Читатели, любящие острые сюжеты, современную драматургию, связанную с убийствами, ограблениями и сексом, здесь ничего такого не найдут, но то, что у некоторых может подняться давление, которое перейдет в скрежет зубами, топот ногами и стук кулаками по столу, — такие реакции могут быть, это возможно, хотя, повторяю, никаких выстрелов и сексуальных маньяков в этой части не присутствует.

Еще — простой совет. Если кто-то считает, что вся наука уместается в учебнике последнего издания, заканчиваясь последней его страницей, ему не надо читать эту часть.

Мне знакомы и такие читатели, у которых развита особая бдительность — оберегать мудрость, созданную человечеством, от разных профанов и еретиков. Я бы им тоже не советовал читать эту часть книги, потому что у них самих появится желание писать... Писать письма в определенные инстанции.

Я не могу обойти вниманием еще одну группу читателей. Впрочем, это не читатели — они сами пишушие... Вот они-то обязательно прочтут эту часть книги, ну а что потом они напишут, я уже заранее предвижу.

Итак...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ТЕОРИЯ
ПАРАДОКСАЛЬНОГО
ДВИЖЕНИЯ**

ТЕОРИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Эта теория рано или поздно должна была появиться. Слишком долго мы «засиделись» на утверждении положений третьего закона механики. Попытка найти новый принцип движения наталкивалась именно на «противодействие» этому закону. Ньютон, если верить переводу с английского, сформулировал его так: «Действие всегда есть равное и противоположное противодействию».

Но если закон задерживает поиск, значит, нужно пересмотреть сам закон, то есть найти в нем «иные варианты», отражающие существующие движения.

Теория парадоксального движения основана на открытии нового явления в движении материи, о чем и будет рассказано в этой книге.

* * *

Прежде чем объяснять «Теорию парадоксального движения», мне хотелось бы высказать несколько мыслей о строении Вселенной.

В последнее время мы слышим из сообщений ученых, что окружающий звездный мир — наша Вселенная —

расширяется в пространстве. Поэтому мне хотелось бы внести некоторые уточнения.

Когда мы рассматриваем фотографии строения галактик, мы видим, как постепенно редуют звезды в спиральных рукавах галактик. То же самое мы наблюдаем и в эллиптических образованиях.

Это удаление звезд от центра ядра дает ясное представление о динамике звездного вещества.

Однако движение звездных объектов, их расширение и удаление от центра происходят только в самих галактиках и никоим образом не влияют на все мироздание (Вселенную), а это значило бы, что Вселенная должна иметь какие-то дополнительные, «резервные» пространства для расширения. Тогда потребовались бы где-то еще великие пространства пустоты.

Тем не менее нужно признать, что Вселенная единообразна и однолика.

Если бы мы имели возможность увидеть Вселенную за миллиарды, миллиарды световых лет от нас, мы увидели бы точно такой же звездный мир, такое же «небо», какое видим над нами.

Наука о Вселенной отличается от всех наук тем, что все происходящие в ней процессы неостановимы и неповторимы. Поэтому гипотезы, объясняющие движения во Вселенной, даже самые разумные, могут подвергаться сомнениям.

В предыдущей книге я уже высказывал свои сомнения в объяснении рождения материи от «Большого взрыва».

Несмотря на то что эта гипотеза самая «передовая», и ученый мир как бы успокоился с ее появлением, мне все же

думается, что эта гипотеза и самая уязвимая с точки зрения простой логики.

В самом определении «Большой взрыв» уже заложен абсурд.

Название «Большой» никак не соответствует «размерам бесконечности».

Каким ни назови взрыв — «Самый большой» или «Самый маленький», он уже имеет ограниченные размеры в определении и никак не может объяснить происходящие события в бесконечной Вселенной.

Если для «Большого взрыва» «что-то» накапливалось, то это «что-то» должно было бы накапливаться бесконечно, и в каком месте этот взрыв должен был «прогреметь»?

Если признать теорию «Большого взрыва» — значит, надо признать начало рождения Вселенной, что так же невозможно, как признать место, откуда начинается пространство, или секунду, с которой начинается отсчет времени.

Любопытно, что математики, сторонники теории «Большого взрыва», дают точные расчеты: что происходит в первую секунду взрыва, во вторую, через пять минут. Как будто им такой взрыв просчитывать не впервой.

Я определил бы этот «научный процесс» как «математическое шоу».

Я думаю, что Вселенная состоит из трех субстанций — пространства, времени и материи.

Нам всегда представляется невероятной бесконечность пространства. С понятием «время» мы как-то смирились, но когда речь идет о материи, появляется желание найти причины и условия ее появления, ее рождения.

В самом же деле материя является тем же понятием, той же субстанцией, как пространство и время.

Во Вселенной не может быть таких катаклизмов, как в теории «Большого взрыва». Вселенная бескомпромиссно гармонична в своем бытии, развитии и движении. Все три компонента — пространство, время и материя — взаимно связаны.

«В данное время материя находится в состоянии газообразного вещества и сообразно закону газов занимает предоставленный ей неограниченный объем — пространство.

Движение звезд во Вселенной — это свойство газообразного вещества — «горячей Вселенной». Но настанет период «холодной Вселенной»; и это свершит время. Это свершит пространство, в котором газообразное вещество за время движения будет изменять свое состояние, постепенно превращаясь в твердое. (Как мы наблюдаем такой процесс в нашей планетной системе.) Это состояние будет замедлять движение материи. Наступит и нулевой момент скорости, и уже в состоянии твердого вещества начнется движение материи в обратный путь — в обратном направлении, под действием сил гравитации.

Но, как уже известно и как я писал раньше, — природа ничего не делает «просто так».

Природа, как гениальный шахматист, видит на несколько ходов вперед, а когда знаешь конечный результат, становятся понятными все предшествующие действия и события.

Если звезда окружает себя планетной системой, значит, это ей нужно.

Наступит время, когда в каждой звезде произойдет изменение состояния вещества, превращающее ее газообразный шар в твердое тело.

У звезд, которые «разлетаются» в пространстве и находятся на огромных расстояниях друг от друга, появится необходимость сближения, но для того чтобы «наводить мосты», нужно уменьшить пространство или себя увеличить в этом пространстве.

Однако поскольку пространство сократить невозможно, тогда планеты сделают свое дело.

Под действием гравитационных сил с огромными скоростями начнется «падение» планет на бывшую звезду.

С этого момента произойдет «великое крушение» твердого вещества материи.

Из каждой бывшей звезды образуются огромные пылевые облака, из которых в условиях взаимного тяготения появится квазар. Впоследствии он и расцветет вновь в сияющуюся галактику.

И я полагаю, что планетные образования каждой звезды являются важнейшим «инструментом» в эволюционном процессе развития Вселенной*.

Человеческий ум застал Вселенную на определенном этапе ее движения. И понять, что было раньше и что будет потом, человеку не дано. Но если человек поймет и распознает сам механизм движения объектов материи, он сможет объяснить начало и конец пути материи Вселенной.

Слова «начало» и «конец» нужно понимать как один из очередных процессов, происходящих в материи, ибо материя и пространство бесконечны, и, как уже сказано, в

---

* Цитата из книги: Роман Романов. «Как я нарушил третий закон Ньютона». М., «Звонница-МГ», 2000, с. 335—337.

ней (материи) происходят определенные процессы, влияющие на ее движение.

Таким образом, как я себе представляю, «Большого взрыва» не было, однако каждая Галактика находится в состоянии постоянного взрыва, и этот взрыв продолжается миллиарды лет. Этот процесс будет продолжаться до тех пор, пока все галактическое ядро не распадется и не растворится в звездном веществе.

А это значит, повторяю, что Вселенная переживает период, когда материя находится в состоянии газообразного вещества и подчиняется законам газа.

Почему я начал эту часть книги с движения материи во Вселенной? Потому что «Теория парадоксального движения» раскрывает секреты в самой структуре материи, в механизме строения ее частиц.

Для чего природе нужно было создать сложную структуру, которую гений человека уже разобрал по частям и, более того, распознал и свойства той или иной частицы, вес и массу и другие ее секреты?.. И единственное, чего человек еще не знает: для чего, для какой цели природа наделила всеми свойствами и качествами все эти «детали» сложного механизма атома? Для чего, для какой нужды в этом механизме природа создала электрон такой малой массы и запустила его вращаться на орбиту?

Для чего именно в центре всей системы разместила две огромные частицы — протон и нейтрон? И для чего все эти движения располагаются в магнитном поле?

Но мы уже знаем, что природа ничего не делает «просто так». Мудрость природы именно в том, что все, созданное ею, для чего-то ей нужно!

Жизнь на Земле несколько суживает представление человека о многообразии движения.

Окружающий мир, то есть движения живой и неживой материи, человек видит происходящими по единому закону. Весь живой мир в своем движении опирается или на землю, или на воду, или на атмосферу.

Без опоры не мыслится никакое движение!

Реактивное движение используют в подводном мире каракатицы, осьминоги и другие.

Летательные аппараты — самолеты. Этот принцип движения мы наблюдаем в полете птиц.

Движение по земле — это опорное движение всех наземных существ.

Все способы движения, как известно, изучаются наукой бионикой. И эта наука должна была бы включить в орбиту своих интересов самодвижение атома, ибо этот принцип движения также дарит нам природа.

Существует еще мир космоса, и мы знаем, что там земные принципы движения невозможны. Бионика не видит там никакого иного способа движения. И вот в этом, казалось бы, безвыходном положении «пустоты» космоса, где нет никакой опоры, природа находит и создает механизм, способный к самодвижению, — механизм атома.

Думается, что природе надо было миллиарды, миллиарды лет поработать, чтобы создать такой механизм. Что же может натолкнуть человеческую мысль на открытие в этой системе взаимодействующих частиц механизма, способного к самодвижению?

Наука говорит о движении молекул. Даже известна их скорость при заданной температуре, но ни в одном учебнике не найти объяснения причины этого движения.

Температура влияет на внутреннее устройство механизма, который создает движение молекул с определенной скоростью. Но воздействие температуры и скорость движения молекулы не объясняют причины ее движения.

Все эти явления могут быть объяснены только строением вещества из отдельных частиц и движением этих частиц...

Природа же взаимодействия этих частиц нам неизвестна.

И все-таки попробуем поискать причину странного, непонятного поведения механизма.

Палеонтологам по найденным останкам удается воссоздавать скелеты древних животных. Та или иная кость своей формой подсказывает, каково ее назначение и какое место она занимала в скелете динозавра или другого ящера-гиганта.

Гениальные умы прошлого и настоящего открыли строение атома и свойства его отдельных частиц. Теперь, зная свойство той или иной частицы, можно попытаться увидеть в ней ту «деталь», которая и работает на движение всего механизма атома, обеспечивая ему поступательное движение.

Итак, в центре атома, как нам известно, находятся протон, нейтрон, магнитное поле...

Рассмотрим их взаимодействия, не углубляясь в сложности квантовой механики. Откинув все наши познания в этой науке, попробуем описать все эти процессы с «чистого листа».

Если рассматривать атом с точки зрения его самодвижения, то такой анализ как раз и подтверждает уже ранее известные свойства и взаимодействия его частиц.

Центральная часть — магнитное поле — не какое-то абстрактное понятие, это конкретная материальная «деталь» механизма, его свойство.

Если бы центральная часть не обладала этим свойством, весь механизм распался бы. И только благодаря усилиям центральной части — ее магнитного свойства, остальные «детали» удерживаются и «скрепляются» в условиях невесомости.

Таким образом, через механическую конструкцию, можно представить себе расположение частиц в ядре атома.

Как-то в разговоре мой друг упрекнул меня: вы описываете механизм атома и его движение так, как будто до вас никто и не занимался этой структурой.

Я не могу с этим согласиться. Даже судя по статьям Большой Советской Энциклопедии, можно убедиться, как глубоки знания квантовой механики. И в то же время, читая разделы Энциклопедии: «Проблемы строения атома», «Квантование внутренних процессов», «Строение атомов и их свойства», вы не найдете в них описания этого явления.

Работы де Бройля и Шредингера посвящены соотношению энергии и частицы. Распределение электронов в группах, в разных атомах было положено в основу квантовой механики швейцарским физиком Паули.

Но почему-то никто не рассматривал атом с точки зрения его «архитектурного» строения, взаимосвязи всех его частиц и причинности этого взаимодействия.

Рассматривая атом как конкретную машину-механизм, можно определить «содружество» протона и нейтрона и, наконец, увидеть, что магнитное поле «без гвоздей и шурупов» скрепляет и держит эти частицы.

Речь идет о том, как строение этой частицы — механизм атома — влияет на движение материи, ибо неограниченность пространства создает условия для выбора принципов движения.

В пространстве Вселенной материя периодически пребывает в двух состояниях: в газообразном и твердом. Эти два состояния вещества материи и определяют ее направление движения.

Таким образом, строение частиц в атоме, то есть его механизм, определяющий состояние вещества, и создает принцип движения и направление движения материи.

Эти различные направления движения атома и входят в сферу «Теории парадоксального движения».

Итак, в механизме атома, как я позволю себе предположить, существуют два принципа движения. В газообразном веществе — один принцип движения, в состоянии твердого вещества механизм атома «настроен» на другой принцип движения.

Но речь пойдет о том, что же изменяется в этой структуре, создающей тот или иной принцип движения.

За рулем автомобиля сидят люди самых разных профессий: рабочий и инженер, артист и писатель, военный и ученый, и светлая голова — академик, и никто из них не задумывается: почему камеры колес заполнены воздухом, и почему этот воздух в колесах способен держать машину и пассажиров, и почему, чем больше накачиваешь эти камеры, они становятся все более упругими.

Академик скажет: это свойство газов, читайте в учебнике физики раздел «Молекулярная теория».

Но, к сожалению, на этот вопрос в молекулярной теории нет ответа.

Чтобы разобраться и ответить на этот вопрос, попробуем выделить в атоме более простое явление, обусловленное молекулярными движениями, при рассмотрении

которых можно пренебречь более тонкими процессами микромира.

Возможно, получится еще проще и удобнее, если будем рассматривать атом с точки зрения законов классической механики, отбросив все сложности и мудрости квантовой механики.

Прежде всего хотелось бы внести некоторую ясность. Во многих учебниках, энциклопедиях при объяснении строения атома всегда называются его три основные частицы — протон, нейтрон и электрон.

При объяснении внутренних взаимодействий нуклинов (протона и нейтрона) электромагнитные свойства упоминаются как сопутствующее явление внутренних сил.

На самом деле электромагнитные силы являются такой же важной частью строения атома, поэтому атом состоит, как я думаю, не из трех, а из четырех основных частиц: протона, нейтрона, электрона и магнитного поля. Почему я предложил рассматривать механизм атома по законам элементарной механики? Потому что создан механизм — «Машина Романова», которая имитирует основные свойства частиц атома и взаимодействия этих частиц, в результате чего можно наблюдать движение этого механизма в условиях невесомости (то есть на поверхности воды, что приближено к условиям невесомости).

Итак, будем рассматривать механизм атома по законам элементарной механики.

В этом и поможет нам разобраться «Машина Романова».

«МАШИНА РОМАНОВА»

Механизм машины на первый взгляд кажется простым, даже примитивным устройством. На самом деле, когда мы его рассматриваем в действии и в условиях невесомости (на поверхности воды), он требует подробных объяснений (см. рис. 1).

Как видно на рисунке, в машине действуют два электродвигателя. Малый электродвигатель перемещается по большой шестерне. Большой электродвигатель статичен и закреплен на пластине основания.

Рассматривая схему работы электродвигателей, нужно обратить внимание на два условия. Первое: электродвигатели включаются поочередно. Второе: электродвигатели включаются и отключаются в определенных местах окружности.

Что же создает поступательное движение плавучему основанию (в условиях невесомости на воде).

Рассмотрим работу малого электродвигателя. В точке *A* происходит включение электродвигателя. Находясь на планке, закрепленной в центральной шестерне, которая соединена с блоком шестерен, электродвигатель перемещается по большой шестерне (по часовой стрелке) к точке *B*. (Тот же эффект мы можем наблюдать, если движение происходит против часовой стрелки).

На этом участке полуокружности электродвигатель, своей малой шестерней опираясь на зубья большой шестерни, тем самым толкает в противоположную сторону большую шестерню, жестко закрепленную на плавучем основании. Таким образом, усилие малой шестерни передается непосредственно на плавучее основание. Это усилие малого электродвигателя и сцепление малой шестерни с большой шестерней должны были бы вращать всю систему вместе с плотом. Но этого не может происходить, так как центральная шестерня опирается о блок шестерен, который стабилизирует вращательное движение всей системы, находящейся на плавучем основании.

В точке *a* малый электродвигатель отключается. В точке *B* включается большой электродвигатель и отключается в точке *b*.

Работа большого электродвигателя существенно отличается от действия малого электродвигателя. Большой электродвигатель своей шестерней передает усилие через шестеренчатую пару на малую шестерню (надо помнить, что малый электродвигатель не работает) и перемещает, толкая («таща») ее по большой шестерне. И в этом цикле также блок шестерен стабилизирует всю систему, противодействуя вращательному движению плавучего основания.

Некоторые читатели могут подумать, что я описываю механизм так называемого «безопорного» движения.

Многолетние опыты и размышления убедили меня, что «безопорное» движение невозможно уже потому, что само слово «безопорное» исключает какое-либо движение.

Мне известно, что некоторые образованные люди с учеными степенями и мечтатели с умелыми руками стремятся создать механизм «безопорного» движения, но их усилия

тщетны, так как «безопорное» движение так же невозможно, как невозможен и «вечный» двигатель.

Пишут целые трактаты поборники-защитники классических законов, доказывая сложнейшими формулами невозможность и заблуждения создателей механизма «безопорного» движения. Причина этих заблуждений очевидна в том, что сегодняшняя наука не нашла объяснения понятию движения, которое является одним из основных понятий в процессе объяснения действительности.

На самом деле это заблуждение можно опровергнуть одной фразой. Она является эпиграфом моей книги и представлена на первой странице: «Всякое движение — это суть неравных условий, в которых пребывают действие и противодействие».

Заяц, опираясь лапами о Землю, совершает действие, но его летящее тело, получившее равное противодействие, не имеет той же опоры, каким было в его действии.

Идущий человек или спортсмен на беговой дорожке опирается о Землю ногами, это его действие, но его тело получившее равное противодействие, движется, не встречая никакого сопротивления, кроме воздушных вихрей.

Движение на Земле всех ползающих, летающих, плавающих организмов подчиняется закону не действия и противодействия, а закону движения, где существует неравенство условий, в которых пребывают действие и противодействие.

В «безопорном» движении, где механизм является замкнутой системой, не может быть движения, потому что там действие и противодействие находятся в равных условиях.

«Машина Романова» — это тоже замкнутая система. Так почему же в ней совершается поступательное движение.

В этом и заложен ее парадокс, породивший «Теорию парадоксального движения».

Вернемся к ее описанию.

В «Машине Романова» работают поочередно два электродвигателя. Один электродвигатель, малый, соединенный с большой статичной шестерней, перемещаясь по ней посредством малой шестерни, толкает всю систему и плавучее основание в одну (противоположную) сторону вокруг центра масс.

Это усилие является опорой для другого электродвигателя, закрепленного на пластине плавучего основания.

У статичного электродвигателя иное действие. Он, наоборот, увлекает, тащит по зубьям большой шестерни малую шестерню. Это его действие представляет собой опору для следующего действия малого электродвигателя.

Иными словами, опорой являются очередные импульсы противоположных вращений плавучего основания.

Каждый электродвигатель должен преодолеть импульс действия предыдущего электродвигателя. Таким образом, действуют не какие-то внутренние силы, а очередные импульсы вращения массы плавучего основания, они-то и являются взаимной опорой для поочередно действующих электродвигателей.

Это и есть «волновое движение» и «дискретность» при переходе от одного действующего электродвигателя к другому.

Однако это движение не похоже на движение человека, сидящего в лодке и гребущего поочередно то одним, то другим веслом.

Малый электродвигатель, перемещаясь по большой шестерне и «толкая» ее назад, вместе с тем опирается на смещенную массу противоположной стороны плавучего основания.

То же самое происходит с другим, статичным, электродвигателем. Малая шестерня, которую статичный электродвигатель тянет по большой шестерне, также имеет опору от

смещения массы противоположной стороны плавучего основания.

Это колебательное движение плавучего основания почти незаметно, но для электродвигателя эти импульсы ощутимы, представляя для них опору. (Опыты показывают, что прямолинейное движение «Машины Романова» наиболее эффективно, когда отсутствует колебательное движение плавучего основания).

Надо обратить внимание на то, что планка с малым электродвигателем вращается постоянно в одну сторону, а импульсы плавучего основания все время меняют направление вокруг центра масс (см. рис. 1). Причиной этого является расположение электродвигателей, где один вращается по большой шестерне, а другой статичен, и, передавая свое усилие через шестерню, его ось вращается в противоположную сторону.

Под словом «дискретность» нужно понимать то, что при переходе от одного к другому электродвигателю должна возникать «пауза». Если на какой-то момент отключается электродвигатель, эта «пауза» является «толчком», дающим в одном случае тормозящее движение плавучему основанию, в другом, наоборот, — импульс движения.

Нужно понять, что плавучее основание является основой движения механической системы. Но опорой является противоположная сторона плавучего основания, а не действующая сторона электродвигателей. Величина «паузы» зависит от скорости вращения — работы электродвигателей. При быстром вращении эта «пауза» увеличивается, при замедленном — уменьшается. Все эти взаимодействия требуют «терпеливой» регулировки.

Когда наблюдаешь движение «Машины Романова» на поверхности воды, естественно, возникает вопрос: «Какие же силы участвуют в этом поступательном движении?»

Можно ли сказать, что это внутренние силы?

Нет!

Можно ли увидеть здесь влияние внешних сил?

Нет!

Нам известно реактивное движение. Движение от естественных природных условий — силы ветра, воды. Движение механизмов, опирающихся на землю и на разные среды. В данном случае движение возникает не от внутренних сил и оно же не нуждается во внешних опорах, а также ни в каких внешних факторах.

Так как же назвать это движение?

Поскольку оно реально существует в «Машине Романова», ему суждено иметь название парадоксальное движение.

Как я уже писал ранее, «Машина Романова» — это замкнутая система, и только парадоксальные силы способны дать ей поступательное движение.

Механизм атома — это тоже замкнутая система и, естественно, что природа должна была взять на вооружение это парадоксальное движение, так как движение атома совершается в вакууме, где нет никакой среды, а значит, и опоры.

В механизме атома те же «детали», те же взаимодействия частиц, то же волновое движение и дискретность.

Необъяснимость его тайн, возможно, и коренится в том, что пока не обнаружено и не опознано в атоме парадоксальное движение.

Если сравнить движение малого электродвигателя по большой шестерне с частицей атома — электроном, то мы обнаружим, что электрон тоже имеет разные свойства.

В одном случае он ведет себя как главная энергетическая сила, в другом — он лишен этого, пассивен и подчиняется силам, исходящим от центра.

В одном случае спин превращает электрон во вращающееся «рабочее» колесо, в другом — колесо, катящееся под усилением энергетической волны. Иными словами, спин электрона — это «рабочий» цикл в механизме атома.

На рисунке видно, что малый электродвигатель имеет противовес. Если убрать его, то появится эксцентрик, который сразу нарушит динамическое равновесие. Для машины это серьезное нарушение. Появится эксцентрик — уничтожит эффект поступательного движения. В машине образуется колебательное движение.

Наблюдения показали, что даже самое незначительное динамическое нарушение во вращающейся системе является помехой и уничтожает однонаправленное поступательное движение.

А как мы знаем, в атоме на каждой орбите вращается только один электрон. Его движение на орбите с имеющейся массой представляло бы собой движение эксцентрика, но известно, что движение на орбите не выявляет его как эксцентрика.

Как это объяснить?

Электрон движется вокруг ядра на огромных расстояниях от него, но не вызывает никаких колебаний, свойственных при движении эксцентрика. Система атома идеально динамически уравновешена, как и механизм «Машины Романова». Как это достигается в атоме? Здесь я, наверное, внесу самое скандальное представление о механизме атома. Нужно только себе представить, на каком огромном расстоянии от центра вращается электрон. Должна же быть какая-то другая масса на противоположной стороне, чтобы она могла его динамически уравновесить.

Я думаю, что природа сумела найти самое остроумное решение.

Она создала нейтрон такой массы, которая соответствует массе электрона, удаленного от центра. Обе частицы вращаются синхронно. Только одна на огромном радиусе, а другая в центре механизма.

При переходе электрона с одной орбиты на другую соответственно перемещается и нейтрон, вновь создавая динамическое равновесие.

Я описываю «Машину Романова» — получается атом, я описываю атом — получается «Машина Романова».

И это естественно, потому что атом — тоже механизм, только в нем действуют другие «детали» и другие силы.

Удивительно, что ученый мир, раскрывая тайны строения атома, объясняет все его явления в сфере сложной науки квантовой механики, а между тем оказывается, что эти тайны атома можно обнаружить в примитивном механизме, где действуют законы элементарной механики (я имею в виду только определенные свойства атома).

Конечно, над этими выводами можно посмеяться, если бы не было перед глазами «Машины Романова», перемещающейся на поверхности воды.

Было время, когда поведение электрона казалось непонятным. При каких условиях электрон должен «упасть» на центр?

Такие вопросы возникали, когда атом сравнивали с планетарной системой.

Я не буду приводить здесь все сложные расчеты, которые привели бы к выводу, что электрон не может упасть на центр.

Как я полагаю, система атома никакого отношения не имеет к планетарной системе.

Электрон «плотно перемещается» на орбите. Он находится между двух сил. С одной стороны, на него влияет

положительный заряд протона, с другой — его отталкивает от центра магнитное поле. И его место на той или иной орбите определяет периодическое влияние внешних сил.

Об этом стоит напомнить, поскольку в атоме существуют два основных противоположных заряда: протон — положительный заряд, и магнитное поле — отрицательный. От их влияния и зависит прямолинейное движение атома и состояние вещества.

Все эти сравнения и сопоставления с механизмом атома на первый взгляд кажутся наивными, а кто знает, быть может, этот механизм элементарной механики откроет те тайны микромира, которые по сей день скрыты, непонятны и пока не разгаданы. «Дискретность возможных значений энергии атома и квантовый характер его взаимодействий со светом совершенно не укладываются в рамки классической физики. Они противоречат и классической ньютоновской механике, и классической электродинамике.

...Атом ведет себя иначе, он проявляет устойчивость иного рода. Несмотря на то что атом в газе испытывает сотни миллионов столкновений в секунду с другими атомами, его внутренняя энергия в громадном большинстве случаев остается неизменной.

Следовательно, атом — система, обладающая сверхмеханической устойчивостью, то есть устойчивостью, не присущей механическим движениям обычных больших тел и не объяснимой классической механикой» (Большая Советская Энциклопедия). Раскрыты многие тайны движения электрона. И все же все эти сложные движения микромира не могут объяснить известные фундаментальные законы, и все потому, что невозможно объяснить и понять, почему микромир имеет волновое движение и в то же время его движение дискретно.

Это соединение двух понятий волнового движения и дискретности ставит в тупик студента, соприкоснувшегося с квантовой механикой, да и сам профессор-преподаватель, произнося эти слова, никогда не видел, где это волновое движение и где эта дискретность.

Ни одна современная книга не объясняет и не показывает, как выглядит волновое движение и дискретность движения частицы атома, потому что нет правильного представления о расположении его. Глубокое изучение этих процессов откроет еще многие неведомые нам тайны взаимодействия частиц в механизме атома.

Как я уже писал ранее, в «Машине Романова» с переходом работы одного электродвигателя на другой возникает мгновенная остановка (пауза), дающая возможность электродвигателям начинать работу с НУЛЯ.

В движении частиц атома природа это предусмотрела.

Когда электрон движется в спиновом состоянии и переходит на магнитное состояние, в системе атома возникает мгновенная остановка.

Вот это и есть явление, названное «дискретностью», дающее частице обрести «новое дыхание» для совершения действия новой волны в поступательном движении атома.

В учебниках и в энциклопедии не описано это явление.

Авторы Большой Советской Энциклопедии объясняют это тем, что: «Более детальной картины этих процессов квантовая механика не дает, так как она не может объяснить ту двойственность черт, которая выражена в соотношениях де Бройля. Причина заключается в том, что квантовая механика еще не раскрыла природы элементарных частиц, она вообще не рассматривает образование элементарных частиц

и сущность их свойств — заряда, спина и др., она не дает объяснения целостности частиц и атомизма их действия. Квантовая механика изучает лишь особенности движений «готовых» микрообъектов, в этом ее ограниченность. Поэтому она с ограниченной точкой зрения исследует и движение микрочастиц» (Большая Советская Энциклопедия, том 3-й, с. 407).

Волновое движение электрона заложено не в самом электро-не, а в системе атома.

Надо признать, что атом имеет чередование энергетических волн. В этом чередовании и скрыто явление волнового движения и дискретности.

На самом же деле эти понятия являются не какими-то абстракциями, а реально действующими движениями в самом механизме атома.

Во всех макроструктурах движение звездных образований, планет, спутников, других тел совершается по инерции.

Электрон, идущий по орбите, четко «управляется» всем механизмом атома. Он движется в строгой зависимости от двух противоположных зарядов одновременно, от протона и магнитного поля.

Хотелось бы поразмыслить еще, пожалуй, о самом главном.

В учебниках и энциклопедиях как-то скороговоркой пишут о том, что электрон вращается по окружности и эллипсу. Так все-таки, каково же движение электрона?

У электрона, как я думаю, должно быть одно определенное движение.

Мы все время упоминаем, что у атома сверхмеханическая устойчивость, значит, должна быть и сверхмеханическая система движения его частиц.

Я думаю, что именно окружность гарантирует сверхнадежность движения частиц. Но почему возникает упоминание о движении электрона по эллипсу?

Если рассматривать расположение частиц ядра, где протон и магнитное поле находятся в плоскости орбиты, то, естественно, свойства частиц приводят к мысли, что электрон, движущийся в стороне протона, должен реагировать на его положительный заряд и приближаться к нему, а в стороне магнитного поля — удаляться. Очевидно, эти зависимости и привели к размышлению, что электрон имеет эллиптическую орбиту.

В природе не может быть неопределенности. Природа гарантирует надежность в движении частиц атома.

И я думаю, что электрон движется по точной окружности, но центром его окружности является не протон, а магнитное поле, и тогда мы увидим, что для протона орбита электрона является эллипсом, а само движение электрона, его орбита, является точной окружностью.

Такое положение орбиты как раз и отвечает условиям частиц, наделенных каждая своим свойством: отсюда и получается, что у протона малая полуось, а у магнитного поля — большая полуось. Таким образом «волки сыты и овцы целы».

Итак, в атоме не может быть хаотического движения. Эта сверхмеханическая устойчивость атома является необходимым условием в строении материи.

СВОЙСТВО ГАЗОВ

Кто-то из великих ученых сказал: «Эта идея недостаточно сумасшедшая, чтобы она могла привлечь наше внимание».

А вот моя идея, к которой я хочу привлечь ваше внимание, поистине сумасшедшая. Возможно, до такой степени, что уже не сможет даже и привлечь ваше внимание.

Обычный читатель вряд ли ее поймет, потому что в школе или в вузе считал, что квантовая механика ему не понадобится в жизни. А серьезный ученый не станет и вдумываться, просто полистает эти страницы и скажет: «О чем пишет этот автор, он же даже не знает предмета, о котором рассуждает».

Возможно, действительно прав этот умный читатель: я не знаю «предмета», но я думаю об этом «предмете».

Может быть, после такого искреннего признания в своем «научном неофитстве» мне будет легче и спокойнее писать следующие страницы.

Итак, о свойстве газов.

Если в атоме магнитное поле имеет отрицательный заряд, а протон — заряд положительный, ясно, что при таком соотношении двух равных по заряду частиц атом должен

быть нейтральным, и он никак бы не реагировал на сближение с другим таким же атомом. Они мирно соседствовали бы друг с другом и не разбегались.

Однако мы видим совсем другое: при этом соотношении частицы — атомы и молекулы — стремятся уйти друг от друга. А если их сжимать, приближать друг к другу, то им ничего не остается, как давить на стенки сосудов.

Люди это прекрасно поняли и «заточили» газ (воздух) в автомобильные камеры, в надувные лодки и надувные бассейны. Позволили первооткрывателям-воздухоплавателям посмотреть на землю с птичьего полета.

В небе появились огромные «сигары» — дирижабли, заполненные чудодейственным веществом микромира.

И все же, почему молекулы и атомы газа не связаны между собой, а разлетаются в разные стороны? На этот вопрос есть только один ответ — все тот же: это следствие молекулярного движения. Какие же силы в газообразном веществе влияют на частицы, дающие им способность разлетаться в разные стороны? На этот вопрос должен быть ответ.

И я попытаюсь раскрыть эту тайну.

Однако, рассказывая об этом, трудно найти веселые слова. И тем не менее вы должны это прочитать, если хотите понять то, что пока никому не ведомо. Магнитное поле и протон имеют одинаковые противоположные заряды, но их усилия взаимодействовать нарушаются. Кем и почему?

Для этого природа создала электронную систему в атоме (рис. 2).

Таким образом, магнитное поле и протон сохраняют свои заряды, но вследствие механизма взаимодействия протона с

электронной системой в атоме нарушается баланс, что и приводит к свойству газообразного вещества.

Вот теперь мы и подошли к самому главному.

А что же это за механизм, который использует протон, нарушая баланс в атоме?

Это механизм, который природа сумела создать в условиях вакуума и невесомости и который органически вписывается в структуру атома, то есть является его основой движения материи.

Этот механизм я подробно описал в главе «Машина Романова».

Теперь посмотрим, как этот механизм воспроизводит строение молекулы (*рис. 3*).

Если атомы разлетаются в разные стороны, то ведь летящий атом может встретиться на своем пути с таким же атомом, у которого тоже нарушен баланс, — где доминирует усилие на одной стороне. Как раз этими сторонами они и соединяются, создавая молекулу, у которой теперь со всех сторон возникает открытый отрицательный заряд магнитного поля, что и заставляет молекулы газа разлетаться в разные стороны (*см. рис. 4а*)

Можно сделать вывод, что свойства газов, их летучесть и стремление занимать безграничное пространство — это действие магнитного поля, где протон помогает своим усилием нарушать баланс посредством своего механизма, «открывать» магнитное поле со всех сторон у молекулы.

Таким образом, магнитное поле — это частица, обладающая неизменным постоянным отрицательным зарядом, а все изменения баланса в атоме и молекуле происходят за

счет протона, то есть действия его механизма. Причем его влияние уже сказывается внутри молекулы.

В самом деле, казалось бы, зачем природе нужно было создавать все эти частицы и строить из них такой сложный механизм? Потому что пространство Вселенной — это не Земля, где можно опереться на воду или на воздух.

В условиях вакуума надо было создать особый механизм — механизм, действующий по еще неизвестным нам законам. И эти сложности мы, наконец, должны понять.

Не знаю, понятно ли я все это объясняю? Однако я стараюсь. Господи! Но кто это будет читать? Кому это нужно?

Впрочем, не будем отвлекаться. Мне еще нужно объяснить, что же представляет собой твердое вещество с точки зрения теории парадоксального движения.

Здесь предстоит разговор еще более сложный и увлекательный... По крайней мере для меня.

Безусловно, знакомясь с описанием атома и молекулы газообразного вещества, трудно поверить в реальность существования этого явления. Но, может быть, когда я начну описывать эти явления в свойстве твердого вещества, прояснится и механизм газообразного вещества.

Я понимаю, когда объясняешь простым языком такое скрытое, сложное явление, — трудно разобраться в этом ученому человеку, а если бы я сумел вывести формулу названного явления, возможно, ученые тогда бы разобрались в нем, но это было бы непонятно многим читателям, и они отбросили бы книгу, а я хочу, чтобы ее дочитали до конца.

Твердое вещество.

Почему оно твердое?

Чтобы объяснить это, мы должны обратиться к таблице Менделеева и остановиться на элементе 26 — железо (Fe).

Если атом и молекулу газообразного вещества можно представить на рисунке, то атом твердого вещества изобразить на рисунке очень сложно.

Представьте себе вместо того ограниченного числа частиц в газообразном веществе количество, каким располагает атом железа.

Иными словами, если в молекуле газообразного вещества магнитное поле «открыто» со всех сторон, что создает ей в условиях однородной среды постоянные столкновения, то в молекуле твердого вещества магнитное поле «открыто» только с одной стороны, и эта сторона реагирует на механизмы протонов других атомов, что и дает возможность строить цепочку молекулы железа (*рис. 4в*).

Рассматривая подробнее строение твердого вещества, мы обратимся к самой элементарной механике.

Природа поступает мудро.

Атом твердого вещества (железо) имеет огромное количество протонов и нейтронов (нуклинов), соответственно увеличивается электронная система.

«Обилие» электронов в составе твердого вещества создает в атоме значительное влияние отрицательного заряда.

При таком соотношении сил атом не может построить молекулу, как это происходит в газообразном веществе.

Соединение атомов в молекулу может произойти только сторонами противоположных зарядов, то есть со стороны магнитного поля и с действующей стороны механизма. Атом может пойти на сближение с другим атомом в том

случае, если появится «открытая» сторона магнитного поля другого атома.

Так возникает молекула твердого вещества, представляющая собой определенную цепочку. Здесь описан только один возможный вариант строения молекулы. Но у природы могут быть безграничные варианты построения вещества. Однако как бы молекула ни строилась, в ней все равно будет участвовать принцип «Теории парадоксального движения».

Как видно из описания, для условий создания твердого вещества недостаточно только «присутствия» отрицательного заряда магнитного поля и положительного заряда протонов, нужен также еще механизм, способный изменить соотношение этих двух противоположных сил.

Рассматривая таблицу Менделеева, это гениальное научное творение, кажутся до смешного наивными все эти объяснения внутренних процессов газообразного и твердого вещества.

И все же, если бы не было описания «Теории парадоксального движения», надо было бы найти какой-либо другой способ, который сумел бы нарушить баланс между этими двумя противоположными силами.

Однако природа, очевидно, выбрала именно этот принцип, ибо в строение атома логично вписывается механизм, который можно воссоздать и реально увидеть все эти взаимодействия атома при демонстрации «Машины Романова».

После знакомства с «Теорией парадоксального движения» у читателя вряд ли появится ясное представление о том, что же это за явление, создающее в атоме разные состояния вещества. И не потому, что я, может быть, не-

достаточно доходчиво объясняю, а потому, что читатель не может поверить: неужели такое «простое» явление может происходить в атоме? Неужели действия частиц атома можно объяснить элементарной механикой?

Все энциклопедии, как и учебники, твердят, будто скорости частиц микромира так велики, что они не могут подчиняться фундаментальным классическим законам.

В самом деле, как же мы можем применить наши классические законы, когда механизм атома построен на принципе парадоксального движения.

Как известно, атомные структуры — это системы вращательного движения. А это значит, что «Машина Романова» имитирует внешнюю схожесть с атомом. А если это так, то мы можем предположить, что весь механизм атома «настроен» на парадоксальное движение, и тогда этот принцип движения мы сумеем обнаружить в строении вещества, в образовании звездных структур.

Можно предположить, что принцип движения «Машины Романова», как и другие принципы, несет в себе природное явление, но оно отлично от всех земных, так как это движение — в невесомости и не зависит от внешних факторов: атмосферы и любой другой среды.

«Машина Романова» — это не виртуальная реальность движения, а реальность существования однонаправленного действия или однонаправленного противодействия, явление, способное перемещать объект в пространстве.

Соединяя отдельные части в единый механизм, я постепенно разгадывал своеобразный кроссворд. Распознавая секреты механизма и его действий, я как бы распознавал невидимый мне мир. И удивлялся замыслам его Творца.

Это природа нашла хитроумную опору в условиях космического вакуума и невесомости. Это она использовала весь арсенал известных нам физических действий: вращательное движение, инертность массы и, наконец, неравные условия пребывания действия и противодействия, находящихся в космическом пространстве.

Поэтому не могу сказать, что я создал этот механизм.

Это, повторяю, творение самой природы, а я только разгадал и описал все составные его части и их взаимодействия. Так что этот «механизм» существовал и до меня миллиарды и миллиарды лет.

А то, что это явление как будто противоречит положению механики — естественный процесс познания.

Такими противоречиями богата вся история человеческой цивилизации. Чтобы противостоять догмам и утверждать, что Земля вертится, Галилей рисковал своей жизнью. Джордано Бруно окончил свою буйную жизнь на костре инквизиции в Риме, не желая отказаться от своих идей.

Люди не могли себе представить, как может летать самолет: «Он же тяжелее воздуха». И кибернетика прошла через многие противоречия.

Первая публикация о моей «Машине» появилась в журнале «Изобретатель и рационализатор». Журнал опасливо поместил эту статью под иронической рубрикой «Домашние ниспровергатели», дав подзаголовок «А все-таки...» («А все-таки...» — это на всякий случай: вдруг я окажусь прав, тогда журнал сможет заявить: «Мы первые сказали об этом».)

Журнал «Чудеса и приключения», претендующий на публикацию смелых идей, решил напечатать обо мне и

моем изобретении статью, но где? В рубрике «Человек с приветом».

Это скандальная книга, скандальная для людей девяностых годов XX века. Уже в первое десятилетие XXI века люди, если прочтут ее, будут удивляться тому, что их предшественники, сидящие за компьютерами и посылающие сигналы на управляемые космические корабли, не смогли разобраться в такой примитивной машине, как «Машина Романова».

Если действительно атом способен однонаправленно перемещаться в пространстве, то, очевидно, его механизм, то есть его каждую элементарную частицу, наделенную определенным свойством, можно имитировать, «материализовать» и создавать реальные механизмы машин.

Я представляю себе иронию ученых по поводу моих «пассажей» вокруг атома.

Но ведь мои рассуждения идут вокруг конкретной, зримой модели атома.

Если теория Нильса Бора (прошу прощения за сравнение) таит в себе умозрительное представление и математические расчеты, то в моих описаниях, а не только на рисунках, представлена действующая модель атома, снятая как бы кинокамерой с помощью фантастического микроскопа, да еще замедленной съемкой.

Построение модели механизма атома позволит в дальнейшем рассматривать и изучать взаимодействия частиц более сложных атомных структур, входящих в таблицу Менделеева.

Моя «Теория парадоксального движения» получит признание только тогда, когда у людей созреет желание самим

построить подобные механизмы (но в условиях настоящей научной лаборатории). И я верю, что такой научный подход к этой теории откроет многие тайны невидимого и непознанного мира внутриатомных процессов.

«Теория парадоксального движения» объясняет внутреннее состояние микромира, влияющее на движение макромира.

Движение материи в состоянии газообразного вещества имеет одно направление — движение по законам газообразного вещества.

Этот период движения совершается на наших глазах. А движение твердого вещества во Вселенной — это процесс далекого будущего. Когда произойдет изменение состояния вещества и свершится крушение твердого вещества.

Если бы в микромире не было этого явления, вся Вселенная была бы статична, без движения.

Только закон движения, где неравные условия, в которых пребывают действие и противодействие, приводит к движению Вселенную.

Какие же механические свойства атома раскрывает «Машина Романова»:

1. Дает возможность увидеть механизм, способный перемещать всю структуру атома в пространстве.

2. Этот принцип движения дает представление о строении вещества материи.

3. «Машина Романова» наглядно демонстрирует, что представляет собой спин электрона, его влияние и действие на весь механизм атома.

4. «Машина Романова» раскрывает волновое движение и дискретность — чередование энергетических волн.

5. И, наконец, «Машина Романова» является основой — фундаментом — в «Теории парадоксального движения».

«ТЕОРИЯ ПАРАДОКСАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ» — ЭТО СЛЕДУЮЩИЙ ЭТАП ПОЗНАНИЯ ВНУТРИАТОМНЫХ ПРОЦЕССОВ, ОТКРЫВАЮЩИЙ МЕХАНИЗМ СТРОЕНИЯ ВЕЩЕСТВА И ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ ПУТИ ВЕКТОРОВ В ДВИЖЕНИИ МАТЕРИИ.

«Теория парадоксального движения» наводит на следующие размышления.

Если основным свойством неорганической материи газообразного и твердого вещества является ДВИЖЕНИЕ, то основным свойством органической материи является РАЗМНОЖЕНИЕ.

Но между неживой материей и живой — биологической — есть схожие особенности.

Неорганическая материя имеет два вида ДВИЖЕНИЯ. Эти способы движения описаны в механизме атома газообразного и твердого вещества.

Органическая материя также имеет два вида РАЗМНОЖЕНИЯ. Один вид, как нам известно, представляют живые организмы, начиная с самых примитивных и до самых совершенных — человека.

Другой вид размножения представляет растительный мир. Таким образом, флора и фауна — это два вида размножения.

Механизмы размножения подробно описаны в научной литературе.

Взаимное стремление (влечение) друг к другу противоположных полов показано в самых высокохудожественных произведениях: в литературе, драматургии, живописи.

Самые высокие чувства любви на самом деле выражают все те же биологические свойства — тягу к размножению.

Однако в неорганической материи, в механизме атома, действует тот же закон: взаимное тяготение друг к другу противоположных свойств — зарядов — магнитного поля и протона.

«Теория парадоксального движения» снимает покров таинственности материи, открывает общее строение Вселенной, фундаментом которой является общий закон — закон противоположностей, на нем и зиждется все мироздание.

* * *

С 1687 г. в теоретической механике считается, что скорость центра масс обуславливается факторами, находящимися вне устройства.

Сегодня, в 2001 году, в теоретической механике считается, что скорость центра масс обуславливается факторами, когда в неравных условиях пребывают действие и противодействие.

* * *

Меняются времена. Реформы реформами, но они не могут изменить сразу многовековые представления о мире.

Хотя нужно признать, что выстрелы пушек изменили наше социальное устройство, но они не поколебали веру в справедливость фундаментальных законов Ньютона.

Однако эти выстрелы повлияли на то, что смогла выйти моя книга с таким названием: «Как я нарушил третий закон Ньютона». Простому человеку трудно предугадать «направление ветра»: я, конечно, понимаю, что прошлого не вернуть, и все-таки тороплюсь издать эту книгу, а вдруг кому-то придет в голову поставить Дзержинского на прежнее место... Опасаясь этого, я спешу и пишу торопливо. Читатель должен простить мне некоторые неточные формулировки и поспешные выводы в описании «Теории парадоксального движения», а также литературные оплошности в следующей части.

«Машина Романова»

1. Стойка.
2. Плот.
3. Основание.
4. Большая шестерня.
5. Большой электродвигатель.
6. Шестерня большого электродвигателя.
7. Уравновешивающий груз.
8. Планка.
9. Центральная шестерня.
10. Малый электродвигатель с шестерней.

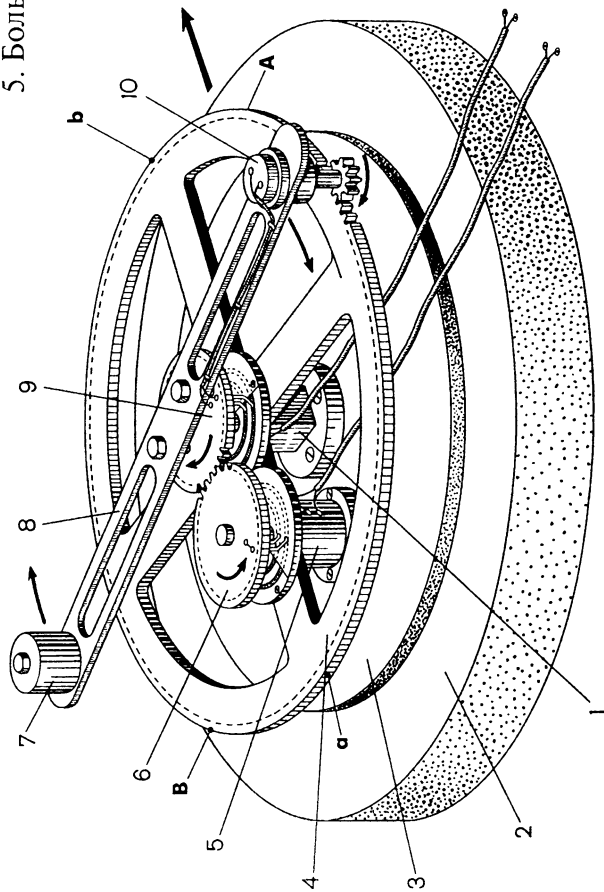

Рис. 1

Расположение частиц в атоме

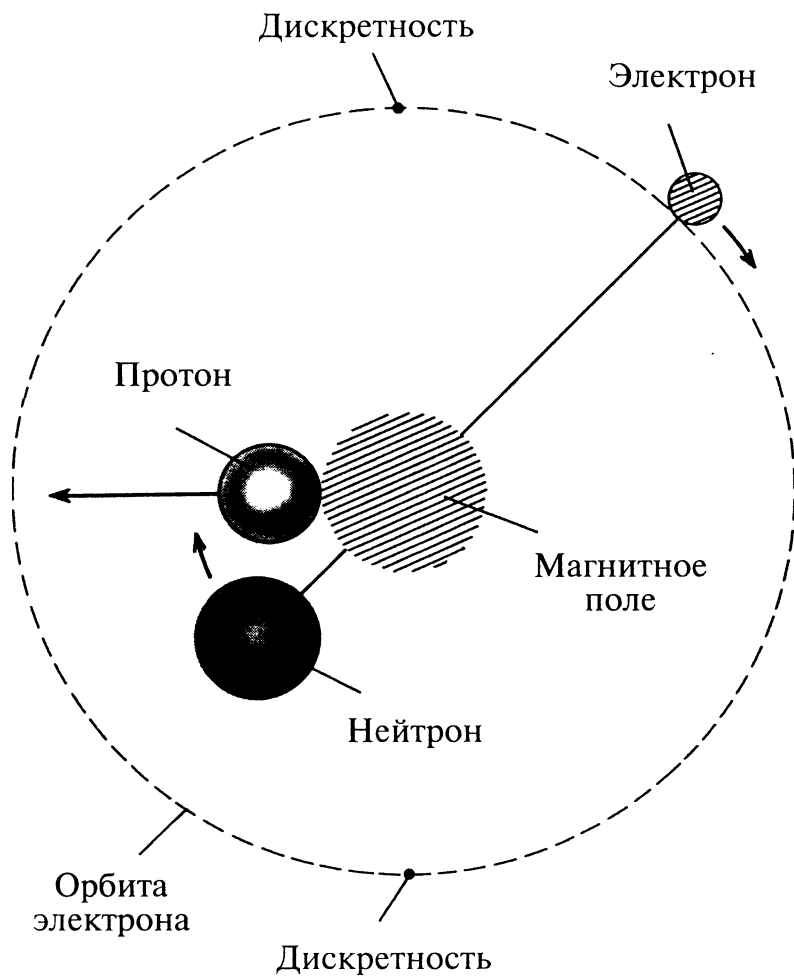

Рис. 2

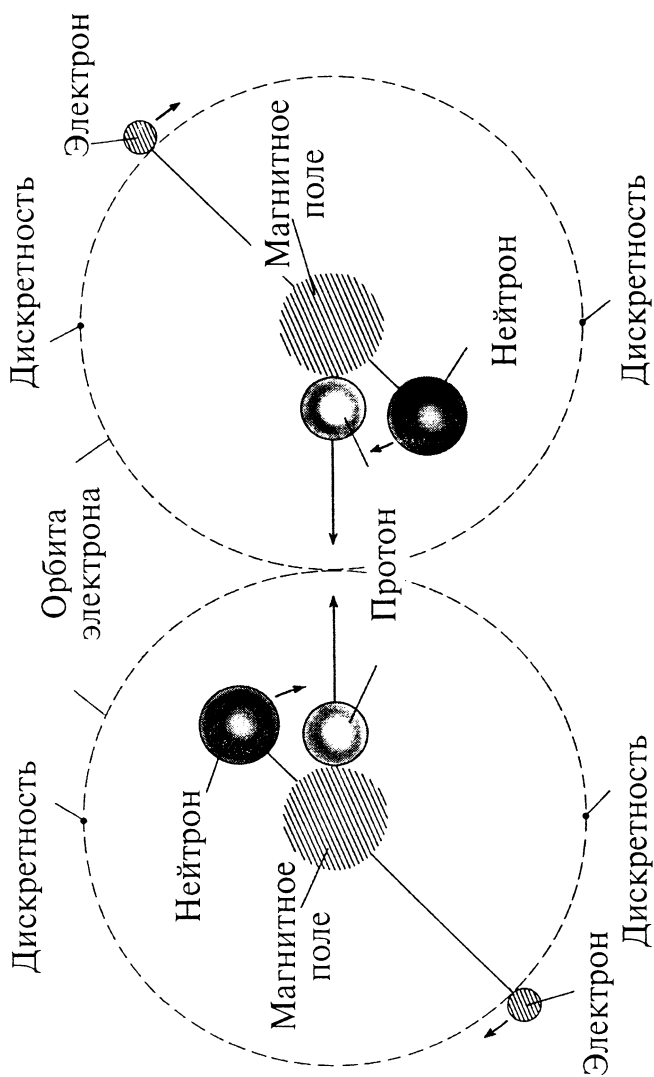
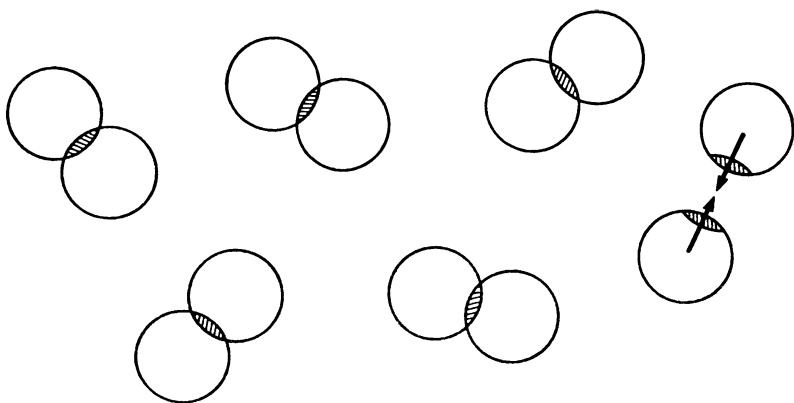

Рис. 3

Схематическое изображение молекул газообразного и твердого вещества

а — газообразное вещество

в — твердое вещество

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

17 июня 2001 года в вечерней телевизионной передаче новостей «Сегодня» на НТВ диктор Петр Марченко прочитал сообщение о том, что ученые сделали открытие: звезды во Вселенной расширяются в пространстве, удаляясь друг от друга, и будут двигаться в пространстве до тех пор, пока не «рассыпятся в песок».

Если это сообщение выдается как значительное открытие в космологической науке, то издательство хотело бы предложить авторам этого открытия ознакомиться с книгой Романа Романова «Как я нарушил третий закон Ньютона», выпущенной у нас, в издательстве «Звонница-МГ», много раньше заявленного открытия — в январе 2000 года. В

книге на страницах 335—337 подробно описана эта космологическая гипотеза. Кроме того, это предположение высказано в рассказе Романа Романова «Взгляд в одну точку», который можно прочесть в первой его книге «Ну и сожгите меня на костре!...», изданной в 1996 году.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

**НАУЧНО-ИРОНИЧЕСКИЕ
ОТКРОВЕНИЯ**

НАУЧНО-ИРОНИЧЕСКИЕ ОТКРОВЕНИЯ

Поиски способов увидеть невозможное складывались из трагического и смешного, поэтому, думаю, заинтересованному читателю было бы любопытно проследить, как наивная идея через мучительные размышления, тысячные эксперименты, удачи и разочарования пробивалась к истине.

Почему возникло название книги «Мастер без Маргариты»? Потому что какие-то силы вмешались в мою жизнь. Отнюдь не сатанинские, поскольку все время выводят меня к добру.

Опять ОН... Кто же ОН для меня?

Неужели я попал в поле двух воюющих Сил? Где Один приносит горе, а Другой его «выправляет»:

... Так кто же ты, наконец?

*— Я — часть той силы, что вечно хочет
зла и вечно совершает благо.*

Гёте. «Фауст»

Да, благо. ОН дает мне в руки оружие защиты — новые идеи и мысли... Они ложатся на чистый лист бумаги, рожденные как будто и не мной.

За что же мне такая благодать?

Благодать?

Нет, нет, нет...

Это не благодать, а великое мое горе, когда прочтут и узнают, что хранят страницы этой книги.

* * *

Чтобы сразу оказаться в сфере научных проблем и дискуссий, автор задает волнующий его вопрос.

Можно ли нарушить третий закон Ньютона?

Можно.

Третий закон Ньютона — действие равно противодействию — неумолимо пресекает подобные утверждения.

До сих пор это удавалось лишь барону Мюнхгаузену, вытянувшему себя за волосы из болота.

Другим человеком, посягнувшим на Ньютона, я назвал бы себя...

У меня есть основания поставить себя рядом с Мюнхгаузенем. Хотя, откровенно говоря, к технике и науке я вроде бы не имею никакого отношения. Но это обстоятельство, как потом мне говорили специалисты, давало надежду на серьезные открытия.

Как-то Эйнштейна спросили: «Как появляются открытия, которые переделывают мир?» Великий физик ответил: «Очень просто. Все знают, что сделать это невозможно, и ученые это уже доказали. Случайно находится один чудак-невежда, который об этом не знает... Он-то и делает это открытие».

Конечно, хотелось бы быть таким чудачком. Впрочем, у меня для этого есть некоторые шансы.

А то, что я так спокойно, не смущаясь, ставлю себя рядом с бароном Мюнхгаузенем, на это у меня имеется защитное средство.

Мечты и надежды — генераторы человеческой деятельности.

Почему в юности у человека не только появляются, но и осуществляются самые смелые идеи, как часто их называют, — «сумасшедшие» идеи... Не только потому, что деятелен молодой мозг. Мечты и надежды на заре жизни столь велики, что способны побеждать разочарования.

И, напротив, человек в возрасте, если к нему и приходят прекрасные идеи, уже знает, какие трудности ждут его впереди. Его мечты и надежды слабее предполагаемых трудностей.

Однако есть еще одно обстоятельство, когда мечта и надежда могут оказаться победителями. Когда человек оказывается новичком, неопитом в области науки и полагает, что его мечте открыты все пути для осуществления. Эта наивность может оказаться положительным фактором. Я думаю, что именно мое неопитство оказало мне «услугу» в осуществлении мечты и надежды.

Пока это все абстрактные рассуждения, но если перейти к сути вопроса, то я пришел к выводу, что наука начинается там, где начинается эксперимент. Поэтому я ставлю на главное место не размышления и «озарения», а его величество эксперимент. Более того, я благословляю неудачный эксперимент, ибо он как раз и приближает к истине.

Все рассуждения были бы беспочвенны, если бы не имели свою предысторию — событие, произошедшее в определенном времени и пространстве (это сказано несколько выспренно, но само событие вынуждает к этому).

Однажды летом я отдыхал в Подмоскowie и был свидетелем удивительного зрелища.

В лучах предвечернего солнца на горизонте я увидел... НЛО — «летающую тарелку». От горизонта она приближалась ко мне. Обращенная к солнцу сторона светилась, другая была в тени. Свет и тень на поверхности «тарелки» отвергали предположение, что это мираж, и подчеркивали реальность материального тела. Пролетев высоко над моей головой, она скрылась в противоположной стороне.

Я наблюдал ее бесшумный полет, но не видел никаких реактивных выбросов, струй.

Какие же силы, вопреки всем законам Ньютона, заставляли ее перемещаться в пространстве?

Теперь я думаю: может быть, эта «тарелка», пролетая надо мной, «дала» мне какой-нибудь сигнал, как бы «облучила», воздействовала на мой мозг и заставила активно думать о новом принципе движения?

Разумеется, я не получил от нее никаких конкретных решений, схем, механизмов, она заставила меня только думать, искать этот новый принцип движения.

Фанатизм этих поисков не оставлял мне времени для других дел. Шли дни, недели, «озарения» сменялись разочарованиями, очередной эксперимент как будто давал надежду и вновь удалял перспективу увидеть желаемое, словно какие-то силы хотели убедиться в моем терпении, испытать меня на прочность.

И, наконец, перебрав многотысячные варианты механических систем, я нашел самую простую схему.

Вся система атома, как известно, находится в невесомости, и это одно из условий, создающих в этом механизме

особые взаимоотношения частиц. И если мы построим — создадим — имитацию строения атома и его взаимодействующих частиц, то получим механизм, способный двигаться в пространстве.

И я начал строить «атом из железа».

Каждая элементарная частица атома, обладающая тем или иным свойством, была «заменена» реальной деталью. В ход пошли шестерни и шестеренки, большие и малые электродвигатели, подшипники и электромагниты.

И когда, наконец, я собрал в единый механизм все эти детали, имитирующие известные частицы атома, и «вдохнул» в него энергию, я увидел... чудо!

Я увидел еле заметное, но все же поступательное движение всей этой механической системы на поверхности воды.

Собранный механизм в условиях «домашней лаборатории», а попросту в ванне, был ненадежен в работе. Малейшее нарушение в подаче энергии, неточность в соединениях деталей или даже движение верхнего слоя воды в ванне лишало механизм наблюдаемого эффекта.

В ту ночь в работе, в настройке механизма, шли часы. Наступало утро. Все громче шелестели шины машин на улице. Уже и солнце поднялось высоко. Из окна было видно, как открылась молочная. Все... Довольно. Надо выйти на улицу.

Тепло июньского солнца. Все зазеленело. Пружинисто стояли распутившиеся листочки на ветках деревьев. И опять пробудилась маленькая радость, как в детстве. Будто теплый лучик осветил душу. И моя собачонка Рыжка чувствовала мое настроение и прижималась ласково к ногам.

С этих страниц начинается моя книга с названием «Как я нарушил третий закон Ньютона», которая вышла в 2000 году.

Я описал в этой книге весь путь к познанию самого явления. Я рассказал без утайки, с чего все началось, над ее страницами можно посмеяться и посочувствовать автору. Когда книга появилась на прилавках магазинов, я предполагал, что она вызовет удивление и восхищение. Вывесил даже объявление в своем подъезде: «Вышла новая книга. Можно приобрести в ближайшем книжном магазине»!

Я думал, что соседи побегут немедленно в магазин.

Ничего подобного не случилось. Некоторые же соседи-интеллектуалы начали смотреть на меня с некой настороженностью.

В гараже я говорю механику: «Николай Иванович, вышла моя новая книга с названием «Как я нарушил третий закон Ньютона».

У Николая Ивановича в это время голова была под капотом машины, и он многозначительно сказал: «Это плохо, нельзя ничего нарушать».

В лифте я встретил соседа — преподавателя физики:

— Вы не купили мою книгу?

— А я и не буду покупать.

— Но вы все-таки почитайте.

— Да не буду читать вашей книги... Я уже знаю, что там написано.

— Но вы все-таки купите, я оплачу вам эти расходы. Почему вы не хотите читать?

— Я не хочу себе портить настроение.

И все-таки я уговорил его купить книгу и оплатил ее стоимость.

Через неделю он мне вернул ее с запиской. Можете себе представить, что в ней написано, если он мне и в глаза говорил свое мнение, не читая книги.

Я пока записку не читал, чтобы тоже не портить себе настроение.

Телефон также не молчал.

Звонит доктор физико-математических наук, славный, добрый Геннадий Иванович Шипов:

— Я прочитал вашу книгу! — весело смеется он.

И тут же излагает краткую рецензию:

— Ну, Роман Иванович, вы даете...

В девяностые годы XX столетия интеллигенция разговаривала на таком языке.

К слову сказать, этот умный, образованный человек занимается той же темой — поиском нового принципа движения, и звонил он мне прямо перед отъездом во Вьетнам, где надеялся материализовать свои идеи. Имея обширную информацию, он мне рассказал, что эта тема — самая актуальная в цивилизованных странах. Ею занимаются особенно активно в Соединенных Штатах Америки.

Я и не знал, что мои поиски и изобретения находятся в фарватере самых передовых идей науки.

Здесь я должен открыть некоторую тайну своего изобретения.

В первой заявке на патент я утверждал, что моя «Машина» является по существу космическим кораблем и может перемещаться в космическом пространстве, не расходуя топлива с Земли.

Конечно, эксперты не стали ее рассматривать. Заявку мне вернули с соответствующим пожеланием: «Читайте учеб-

ник физики». И только после того как экспертный совет наблюдал движение машины на поверхности воды, мне решили выдать патент с формулировкой, что эта машина представляет собой «демонстрационный прибор, показывающий нетрадиционное движение на воде», и только на воде.

Во всех последующих заявках на патенты я уже не упоминал о космическом пространстве, а эксперты полагали следующее: поскольку действие «Машины» происходит на воде, значит, механизм «Машины» опирается на воду. Таким образом, противоречий с законами механики не происходит. Эксперты почему-то не обращали внимания на приложенный к заявке реферат, где говорилось: «Предлагается для рассмотрения и решения на выдачу патента изобретение «Машина Романова», предназначенная для перемещения на воде (в условиях невесомости). Перемещение механизма достигается вследствие взаимодействия двух механических систем, при котором действие электродвигателей передается не только вращающимся элементом, но вызывает реакции у самой платформы (плавучего основания), что и становится реальной силой для однонаправленного поступательного движения всей системы».

Как видите, в самом реферате ничего не сказано, какие же вращающиеся элементы входят в соприкосновение с водой. В книге я описал все техническое устройство «Машины», и так, чтобы это было понятно не только образованному читателю, но и его жене.

К великому моему огорчению, все мои подробные описания нового принципа движения оказались непонятными, — не знаю как жене, но и образованному читателю.

Это мне стало известно не только из лично высказанных мнений любознательных читателей, но и из некоторых статей в прессе.

Такое вот обстоятельство и побудило меня думать и думать о том, как найти новую форму изложения, чтобы то, что мне понятно, стало понятно и остальным.

Очевидно, здесь и сказалось достоинство критических статей. Природа подумала и об этом, одарив журналистов талантом заставляя других людей действовать, работая через силу, через усталость, чтобы доказать свою правоту. Конечно, это сокращает жизнь, но ускоряет процесс познания окружающего мира. Действует тот же закон: «Потеря в одном — приобретение в другом».

* * *

Я понимал, что побудило журналиста написать статью о моей книге.

В самом деле, ну что можно понять из авторских описаний: где там находится шестерня, что чего крутит, какая консоль, что за пластина? И главное — это все «замешано» на частицах атома, и при этом еще сообщается миру: «Как я нарушил третий закон Ньютона».

Какой журналист может пройти мимо такого соблазна!

Откровенно говоря, я, конечно, знал, что рано или поздно должно было что-то такое произойти. К тому же, возможно, я и сам содействовал этому.

Когда книга была написана, я, естественно, пытался найти пути к ее изданию. В редакции одного научного журнала, который издавал не только периодическую литературу, но и книги, я оказался в кабинете главного редактора и положил

папку с рукописью ему на стол. Редактор выглядел усталым и как-то лениво изучал меня.

— О чем ваша книга?

— Я многие годы изучаю новые принципы движения...

Однако я так произнес эту фразу, что сам почувствовал неуверенность в своих «изучениях»... Кто я для этого образованного человека?

Я испытал стеснение еще и потому, что как-то мне пришлось быть в редакции журнала «Изобретатель и рационализатор», там должна была выйти моя статья о первой моей «Машине», и я спросил сотрудника редакции: «А что, эта статья может вызвать интерес у читателей?» Сотрудник журнала саркастически заметил: «У нас среди читателей много «чайников».

— Каких чайников? — Я хотел понять, причем тут чайники?

А сотрудник редакции со смехом покрутил пальцем возле виска.

И вот теперь, находясь в кабинете редактора, я как-то интуитивно ощутил, что, наверное, кажусь редактору этим самым «чайником».

Я еще больше смутился и в порядке самозащиты стал рассказывать о книге. Редактор прочитал ее название «Как я нарушил третий закон Ньютона». И мы молча посмотрели друг на друга. Его молчание подсказало мне, что нужно уходить. Я взял со стола папку с рукописью, стесняясь подать руку, кивком головы попрощался и покинул кабинет.

А теперь, когда вышла моя книга, наверное, с благословения редактора вышла и эта статья.

Премьера...

Расклеены по городу афиши. Огромные щиты висят у входа в парк имени Баумана: «Женский эстрадный оркестр под руководством Романа Романова». В Эстрадном театре аншлаг. Волнение, трепет, все пружинно, напряженно. За двадцать минут до начала все девушки сидят на своих местах. Как полководец перед боем, обхожу свое нарядное, душистое «войско». Но вижу — один стул свободный.

— А где же Зоя — первый кларнет? Почему ее нет на месте? Она что, еще не оделась? Где Зоя Смирнова? — все более взволнованно спрашиваю.

Все опустили глаза. Подходит инспектор оркестра, девушка — второй кларнет.

— Зоя в больнице. Ее не будет сегодня и завтра. Аборт...

Я — раненый зверь... Хочется выть. Звучит первый звонок. Надо за пятнадцать минут все переделать. Передать сольные партии кларнета другим. Рушится кропотливая двухмесячная работа. Звучит второй звонок... А еще неясно, что и как играть. И сам не знаю, что говорить, что петь...

Звучит третий звонок... Пошел занавес. Началось. Рассказываю то, что не надо говорить, пою то, что не надо петь. Звучат шутки, которые не должны звучать в этом концерте, а публика все принимает, и как будто все идет благополучно. Слава Богу, поют финал. Друзья приходят за кулисы, поздравляют, никто и не заметил, что нет первого кларнета, первого голоса. Значит, напрасны наши волнения? Проходит день, второй, неделя. Выходит очередной номер «Советской культуры»... И целый

подвал под заголовком: «Эстрадный женский оркестр Романа Романова». Читаю: «... оркестр звучит нестройно, музыканты играют фальшиво... Романов читает ненужные длинные монологи, поет пошлые куплеты, рассказывает старые шутки...»

На премьере была корреспондент газеты Игнатьева. Она специалист, музыковед. Она все слышит и видит, но только не знает событий, происходящих за закрытым занавесом.

Зашаталась репутация «Женского оркестра»... С недоверием смотрят на меня руководители эстрады, и все лишь потому, что какой-то парень в какую-то ночь имел несколько минут удовольствия. Вот что такое «Женский эстрадный оркестр»!.. Скорее бежать из Москвы, «зализывать» раны на гастролях.

На гастролях в одном из городов, в гостинице, промелькнуло какое-то знакомое лицо. Да, помню, видел это лицо в первом ряду на премьере Театра эстрады в парке имени Баумана... Да, так это же Игнатьева, рецензент «Советской культуры». Как она оказалась в этом городе? Что ее привело сюда? Не будет же она опять писать обо мне?

Вернувшись в Москву, прихожу в свое учреждение — Управление эстрадой — и вижу на стенде, где обычно висят вырезки из газет, несколько колонок текста с названием: «Еще раз о Романове»...

Испепеляющая статья в «Советской культуре».

Как жить дальше?.. Я был подавлен. Идти в сад «Эрмитаж» с веревкой? Нет... Это хороший повод расстаться с оркестром. И я ушел.

Разгромные статьи в «Советской культуре» сводили к нулю мою репутацию артиста, наработанную за многие годы.

Печатное слово в газете тогда считалось официальным мнением руководства и партии.

Об эстраде мог писать кто угодно, и все печаталось. Особенно газета любила помещать письма читателей из глубинки, где выступали артисты.

Правда и неправда об эстраде — все публиковалось, но больше неправды — это нравилось читателям.

Многие годы в газете «Вечерняя Москва» печатал свои статьи журналист Черейский. Это не были какие-то теоретические труды: каждая статья представляла собой пасквиль. Когда артисты узнавали, что в зале находится Черейский, рушился веселый концерт.

Сатирики начинали вспоминать свои героические монологи. Конферансье превращался в ведущего — боялся рассказать свои шутки, которые могли дать название статье «Пошлость на эстраде». Ведь по существу эстрада была той отдушиной, где можно было, не боясь, произнести критическое слово.

И я как артист прошел через это время, через это горнило, и все же не закалился. И теперь, прочитав статью о своей книге, я смог оценить талант Булгакова, его гениальный роман «Мастер и Маргарита». Я на себе испытал, как он правдиво описал состояние Мастера после разгрома его творения.

Но, в отличие от него, я был одинок, у меня не было Маргариты, которая из-за любви к Мастеру разгромила квартиру злосчастного критика.

Меня всегда удивляло: неужели автор подобной статьи может заснуть спокойно?..

Да, может. Это его профессия.

Врач-хирург, отрезая ногу у больного человека, наверное, спит спокойно. Очевидно, это не первая отрезанная им нога. И потом, отрезаешь ведь не свою, не больно.

* * *

Читая труды наших гениальных предшественников, удивляешься не только их великим идеям и мыслям, но и формам их изложения, то есть стремлению через образы и свои жизненные наблюдения рассказать о том, что людям еще неизвестно.

Великий ученый Галилей, объясняя явления окружающего мира, свои размышления вкладывал в уста персонажей. В результате бесед и диалогов становились понятными самые сложные загадки природы.

Галилей истолковывал их при помощи разных аналогий, взятых из практики, из наблюдений за земным миром, что было доступно для понимания непосвященных простых людей.

Вот я и подумал, не попробовать ли и мне свои идеи изложить с помощью беседы, диалога. Однако мне показалось, что вполне возможно привлечь к беседе не вымышленных персонажей, а конкретных людей, как это бывает в прямом телеэфире, и, таким образом, в споре наконец приблизиться к истине.

В диалогах Галилея беседу ведут три человека: Сагрето, Сальвиати и Симпличио. Происходит это во дворце Сагрето, на Большом канале. Симпличио — защитник традиционной концепции устройства мира. Это имя принадлежало известному комментатору Аристотеля. Двое других носят имена друзей Галилея, умерших до создания «Диалога».

Воззрения Галилея излагает главным образом Сальвиати. Сагрето соглашается с ним, требует разъяснений, иногда дополняет реплики Сальвиати.

Симпличио спорит с Сальвиати, выдвигая различные аргументы и защищая свою концепцию.

Я решил, что свои воззрения буду излагать сам, а роль Сагрето отведу своему другу, замечательному художнику, который в предыдущей книге оформлял все варианты моей «Машины», — Игорю Сергеевичу. Ну, а защиту своих концепций я предоставлю журналисту из молодежного технического журнала. Его критический ум поможет развиваться беседе. Я буду называть его Вячеславом Евгеньевичем.

Мне хотелось объяснить ему в наших беседах свои идеи. Я надеялся, что когда он все это поймет, то сможет заинтересовать редакцию моей темой.

Книга выражает мое мнение, а технический журнал может представлять уже общественное мнение. Поэтому я так старался привлечь внимание Вячеслава Евгеньевича к своим идеям.

ПЕРВАЯ БЕСЕДА

Мы все трое сидели в моей комнате за столом. Как я уже упоминал, Игорь Сергеевич оформлял мою книгу, и мы сумели подружиться, а с Вячеславом Евгеньевичем мы познакомились недавно, поэтому, прежде чем приступить к беседе по существу, я решил сделать небольшую «разминку», обратившись к Вячеславу Евгеньевичу:

— На каком-то этапе жизненного пути у меня произошло «раздвоение личности».

Вячеслав Евгеньевич стал внимательно меня разглядывать.

— Да, да... — продолжал я. — С одной стороны, преуспевающий артист эстрады, с другой — человек, вторгшийся в самые серьезные вопросы науки, причем с образованием актера, с эрудицией самой «легкомысленной» профессии — артиста-конференсье. И вот тут-то и начинается борьба противоположностей. Борьба за утверждение своих «сумасшедших» идей. Но здесь у меня есть преимущества: я не имею никаких ученых степеней и званий, не числюсь в отделе кадров ни одного научного учреждения.

Только моя невежественность дает мне право взглянуть на святая святых — на неведомые секреты материи — гла-

зами ребенка, который, познавая мир, задает вопросы: зачем? для чего? почему?

Теперь, поскольку вы имеете некоторое представление обо мне, я приглашаю вас в свою «лабораторию». Не удивляйтесь, здесь решаются все мировые проблемы.

Сказав эту фразу, я пригласил их в ванную комнату, надеясь на чувство юмора у моих друзей. Я заранее наполнил ванну водой и опустил на поверхность механизм, стоящий на плоту. Игорь Сергеевич, многократно рисовавший этот механизм, теперь изумленно смотрел на материализацию своего рисунка, с нетерпением ожидая, когда он «оживет». Вячеслав Евгеньевич прищурил глаза и с иронической улыбкой рассматривал мое «творение».

Возникла долгая пауза.

Вячеслав Евгеньевич, всматриваясь в механизм, стоящий на плоту, поднял брови и, слегка кашлянув, начал говорить:

— Не понимаю. Вы прошли большую жизнь, преуспели на подмостках эстрады, получили разные звания... Что вас привело к этим сомнительным играм? Вы что, в самом деле думаете, будто эти шестеренки открывают новые законы механики? Неужели вы полагаете, что науке неизвестны все эти движения и взаимодействия ваших примитивных деталей, что академик Артоболевский, создавая замечательный учебник «Детали машины», не рассматривал в своих трудах и эти ваши «детали машины»?

Почему вы уверены, что сделаете открытие, не зная законов, не протирая штанов на лекциях в институтах?

Я понимаю, ваша богатая фантазия — это то, что свойственно творческим профессиям, но вы же — дилетант, а открытия делают ученые.

Вячеслав Евгеньевич тяжело вздохнул. Этой паузой воспользовался Игорь Сергеевич:

— А вот я прочитал в книге нашего «подследственного» письмо авиаконструктора Олега Константиновича Антонова, где он пишет Роману Ивановичу, что «действительно не раз смелые идеи выдвигались «неспециалистами». Ученые знают слишком много законов, которые говорят о том, чего «нельзя сделать».

Вячеслав Евгеньевич грустно смотрел на собеседника.

Мне хотелось как-то примирить их:

— Я думаю, что знание законов, безусловно, дает пользу науке.

Но дилетант? Он освобожден от этой научной рутины. Он порой фанатично занимается тем, что его увлекает...

Игорь Сергеевич деликатно остановил мою тираду:

— Для чего мы сидим возле ванны? Только сидим и разговариваем. Мы же хотели что-то смотреть...

— Роман Иванович просто боится показать нам свои «достижения». Да, откровенно говоря, я мало верю, что увижу что-нибудь новое, — иронически произнес Вячеслав Евгеньевич.

Не обращая внимания на реплики Вячеслава Евгеньевича, я обратился к Игорю Сергеевичу:

— Не торопите события, Игорь Сергеевич. Моя машина не уплывет дальше ванны. Я пригласил Вячеслава Евгеньевича, чтобы послушать, наконец, умного, образованного человека. Услышать его мысли, узнать о его взглядах на такие явления, — как он вообще представляет себе такое понятие, как движение?

Вячеслав Евгеньевич поднял брови, окинул нас взглядом человека, который лишь один посвящен в такие глубокие истины, и, тяжело вздохнув, начал говорить тихим басом:

«Неподвижно только то, что твердо стоит на земле: дом на улице, стол в доме, стакан на столе. А все, что может свободно двигаться, подчиняется третьему закону механики Ньютона, согласно которому противодействие всегда направлено в сторону, противоположную действию. Отталкиваясь от земли, двигаются люди и животные, автомобили и поезда; отталкиваясь от продуктов сгорания топлива, взлетают ракеты.

Но от чего отталкиваются находящиеся в вечном движении галактики, звезды, планеты и их спутники, пылинки и молекулы, атомы и электроны? От пустоты? Это весьма озадачивает любознательных людей, и им приходит в голову совершенно естественная мысль: коль скоро в природе существует подобное «самодвижение», то почему его невозможно воспроизвести с помощью какого-либо искусственного устройства и не полетать наяву, как во сне?

В то время как в природе прямолинейных «самодвижений» не существует: в ней все тела вращаются как бы в удивительном космическом вальсе»*.

— Прекрасно! Я знал, что услышу что-то новенькое. О такой гипотезе я нигде не читал. Все тела Вселенной кружатся в вихре вальса, в вихре вальса... Я хоть и невежда, но подскажу вам название гипотезы: Вселенная движется в «вальсе Штрауса»... Игорь Сергеевич, вы как художник

---

* Цитата из статьи «Расследование» в журнале «Техника — молодежи», март, 2000 г.

мыслите, я думаю, тоже образами. Как вам эти «космические вальсы»?

— Я несколько озадачен другим... Вячеслав Евгеньевич сказал, что в природе прямолинейного движения не существует. Поэтому у меня возник сразу образ Исаака Ньютона, и я вспомнил его первый закон, который гласит, что все тела, если на них не действуют внешние силы, стремятся сохранить состояние равномерного и прямолинейного движения...

Если согласиться с мнением Вячеслава Евгеньевича, что прямолинейных движений не существует, а все тела вращаются как бы в удивительном космическом вальсе, то, наверное, самолет из Москвы так бы и не долетел до Петербурга, — размышлял вслух Игорь Сергеевич.

— Ну, это вы уж слишком «прямолинейно», — сказал я, как бы защищая Вячеслава Евгеньевича. Я старался вызвать его на беседу и обратился с вопросом к Вячеславу Евгеньевичу:

— Почему именно дилетанты, а не профессионалы-ученые занимаются этой темой? И есть ли все-таки польза от этих занятий?

Вячеслав Евгеньевич ожидал этого вопроса, и я уловил в его взгляде некоторую усталость. Через его жизнь прошло не одно поколение представителей так называемой лженауки. Чувствовалось, что это его «конек», и он стал говорить, смакуя каждое слово.

— «Мало кто из серьезных ученых пытается ответить на подобные вопросы, опасаясь подмочить свою репутацию. Ведь в научном сообществе, как и в сообществе политиков, а также актеров, художников, писателей, музыкантов и прочих деятелей культуры, царит жестокая, хотя и неофициаль-

ная конкуренция. Только неспециалисты считают, что все они друзья и единомышленники. В действительности же шаг влево или шаг вправо приравнивается к побегу и карается моральным расстрелом на месте...

В связи с этим один строгий физик-теоретик как-то меланхолически заметил: «Лженаука полезна тем, что поддерживает в людях интерес к знанию и способствует притоку в настоящую науку молодых талантов». Но, веря в то, что все возможно, нужно все же сохранять здравый рассудок и не обижаться на критику. А критикам не следует забывать, что абсолютной истины не существует и что в глазах потомков они сами могут оказаться лжепророками»*.

— Сколько можно разговаривать, — вмешался в разговор, теряя терпение, Игорь Сергеевич. — Если мы сейчас увидим, что ваша машина перемещается в ванне, то это ведь и есть доказательство... Давайте-ка включайте питание.

Я включил питание... и свет потух. Мы остались в темноте.

— Подождите, я сейчас узнаю, что случилось.

Звоню дежурной на вахту:

— Во всем доме нет света... Наверное, авария...

Моим друзьям надоело сидеть в темноте, и они начали собираться.

Пожимая мне руку, Вячеслав Евгеньевич язвительно сказал:

— Я знаю, в чем дело. Это вы сами устроили «короткое замыкание», чтобы уклониться от показа, поскольку вам нечего показывать!

---

* Цитата из статьи «О пользе лженауки» в журнале «Техника — молодежи», март, 2000 г.

Довольный своей фразой и собой, он открыл дверь и ушел.

Через полчаса появился свет. Я вошел в ванную комнату и решил просто для себя проверить движение плота. Включил питание, но никакого движения не произошло. Стал проверять контакты... Нет никаких нарушений... Так в чем же дело?..

Оказалось, электродвигатель вышел из строя — сгорел!

Какое счастье!!! Авария в электросети помогла мне избежать позора... Получилось бы действительно, что «нечего показывать».

А теперь несколько страниц из истории моих поисков.

ЗАКОН ПОДЛОСТИ

Как только я убедился в уникальном движении своей «Машины» и понял, что она способна работать в космосе, я не пошел в какие-то там институты механики или еще куда-нибудь, а направился сразу же в Подлипки, Калининград — то есть в город Королев.

В это время была уже издана моя первая книга «Ну и сожгите меня на костре!...», где я описывал свою первую «Машину Романова».

Там, в городе, мне удалось пробиться на предприятие через все заслоны пропускной системы, и я оказался в кабинете одного большого начальника.

Он слушал меня, но я чувствовал, что его голова была занята текущими заботами. Каждая начатая мной фраза прерывалась или телефонным звонком, или вошедшей секретаршей, или появлением шофера.

Наконец я понял, что мой космический корабль здесь, в кабинете, не может оторваться от земли. И решил просто подарить свою книгу в надежде, что она поможет увлечь этого человека моей идеей.

Начальник такому обороту событий обрадовался, почувствовав завершение нашей беседы, и суетливо стал доста-

вать ручку, чтобы я написал автограф. При этом он любезно согласился передать второй экземпляр моей книги в тот отдел, где занимаются теоретическими вопросами, связанными с движением космического корабля.

Так закончилось мое первое знакомство с городом Королев.

Через какое-то время я звонил в тот отдел, куда была направлена книга, но его работники были заняты своими делами и не хотели отвлекаться от своих идей.

Тогда я решил написать письмо самому-самому главному.

А вдруг? Ведь неспроста же сложены сказки про Золушку, Ивана-Царевича...

Какие прекрасные концы у этих сказок!..

«Многоуважаемый!..

Сейчас наша космонавтика переживает не лучшие времена, и помочь ей могут не только деньги.

Успех возможен. Только абсолютно новый принцип, опрокидывающий все установившиеся представления о движении и полете, может решить эти современные требования и задачи.

В патентной библиотеке на Бережковской набережной лежит мой патент «Машина Романова»: описана демонстрационная модель, показывающая поступательное движение на поверхности воды (т.е. в невесомости).

Экспертиза не осмелилась мне выдать патент на возможность движения этого механизма в космическом пространстве — ограничила действие патента, определив его как движение только на поверхности воды.

Остается тайной важность этого изобретения. Для читателей патентной библиотеки это открытый патент.

Среди читателей, возможно, наконец появится мыслящий и заинтересованный человек, и этот принцип движения может оказаться и там, откуда нам потом придется его выкупать.

Телефонная беседа с Вашими работниками показала, что они очень «заняты», и разговора по существу дела не получилось.

Полагаю, что только Ваша истинная заинтересованность в успехе Вашего предприятия позволит мне надеяться на встречу с Вами, беседу и просмотр видеозаписи «Движение демонстрационной модели на воде» (т.е. в невесомости).

С уважением Роман Романов».

Я нарочно вставил это письмо в свою вторую книгу «Как я нарушил третий закон Ньютона», чтобы оправдать ее подзаголовок — «Скандальная книга».

Более наивный, чтобы не сказать больше, документ трудно себе представить. И все же письмо сработало, но, конечно, после моего последующего вмешательства. Чтобы это дело сдвинулось, я вновь, как и прежде, вынужден был открыть свое истинное лицо.

Хоть уже немного и забытое имя, но магическое слово «артист» было предпочтительнее сомнительного понятия «изобретатель».

Последовал телефонный звонок. Привлекательный женский голос сообщил: «Мне поручено руководством Космического агентства посмотреть, что у вас там...»

Завязалась очень приятная беседа. Как ни странно, ей, оказывается, были знакомы идеи изобретателя Толчина...

— Впрочем, через два дня я уезжаю в отпуск. Как вам удобнее встретиться: в эти дни или после отпуска? — добавила она.

— Конечно, мне и вам будет удобнее, когда вы вернетесь...

Наконец я смогу показать просвещенным людям многолетний труд!

Полтора месяца прошли в суетливой и напряженной подготовке к встрече с комиссией.

Телефонный звонок... Опять женский голос...

— Роман Иванович, мы готовы к вам прийти... Вам удобно в среду часов в шесть?..

— Да, конечно...

— Нас будет трое...

— Жду вас...

И вот наступает среда. В шесть с небольшим раздается звонок. Собака Рыжка залилась приветливым лаем (она любит гостей).

Входят миловидная женщина средних лет и двое рослых мужчин. Лето, тепло, у вешалки нет причин задерживаться. Приглашаю пройти в комнату. Знакомимся,жимаем руки...

Сели у противоположных стен, чтобы видеть друг друга. Напряженная тишина.

Начинаю говорить первым.

— Я вам благодарен, что вы нашли время прийти ко мне... — Произношу еще какие-то дежурные слова, но чувствую, что они ждут, когда я перейду к «делу».

— Откровенно говоря, я немножко волнуюсь... даже больше, чем перед выходом на сцену. (Улыбки на лицах.) Поэтому, предвидя это состояние, я решил вам рассказать о принципе движения перед тем, как показывать... В общем-то, что я хотел вам рассказать, я записал на магнитофон... чтобы не подыскивать слова... Чтобы были точные формулировки, это будет короче. Как, вы не возражаете?..

С некоторым удивлением они кивнули головами. Магнитофон был у меня старенький, но я его проверил в работе. Во вторник вечером ко мне приходил приятель, и мы включали его, слушая кассеты, которые подарили мне Алла Пугачева и Филипп Киркоров. Я писал о них в первой своей книге, и они прислали мне в подарок свои записи песен.

Так что я был уверен: магнитофон меня не подведет, а машину для показа я проверил поздно ночью и не трогал ее в этот день, решив, как будет, так и будет.

Включаю магнитофон, и на полной мощности звучит:

«Все могут короли... Все могут короли...» голосом Аллы Пугачевой...

Я растерян... Гости смеются. Забыл переставить кассету со вчерашнего вечера. Вижу, что непредвиденная шутка пошла на пользу. Разрядила напряженность.

Переменил кассету. Включил магнитофон, и теперь в тиши комнаты звучал мой голос. Я говорил спокойно, вещая, будто в зале Академии наук.

Члены комиссии молча, вдумчиво слушают мой короткий доклад.

Пленка кончилась. Шумно зашевелились.

— Давайте посмотрим. Я приглашаю вас в свою лабораторию, в ванную (шучу).

Ванная комната тесна. Разместился на стуле в ней только я. Комиссия выстроилась у двери.

— О, да у вас тут, оказывается, не такая уж простая штука... — говорит один из мужчин.

Я смущенно перевожу взгляд от машины к лицам комиссии.

— Ну, с Богом! — включаю питание. Кручу ручку латора, ставлю на нужную скорость электродвигатель... Но что это?!

«Машина» дергается, совершает какие-то «некоординированные» движения... Не отключая латора, хочу поправить контакты... Током ударяет в руку... Вновь кручу ручку латора...

Произношу растерянно какие-то невнятные слова. Пытаюсь что-то исправить в машине.

Один из мужчин строго говорит:

— Будьте осторожны. Здесь же на латоре двести двадцать вольт, а вы прикасаетесь к воде. Вас может убить...

Другой мужчина старается меня успокоить:

— Не волнуйтесь, мы же видим, что ваш прибор дает какие-то импульсы...

Заглядываю в лица членов комиссии.

— Ничего не понимаю. Что случилось? Вчера ночью все было в порядке. «Машина» перемещалась, плавала от одной стенки ванны к другой.

Женщина с улыбкой говорит:

— Так очень часто бывает... Это называется у нас «закон подлости»... Но мы все-таки что-то увидели.

Все... Эксперимент закончен. Я в шоке. Члены комиссии стараются меня утешить. Собираются уходить. Гово-

рить не о чем. Нет предмета для разговора, для обсуждений... Растерянно смотрю на столпившихся у выхода гостей. Провожая к лифту. Томительные минуты ожидания лифта. Наконец члены комиссии входят в лифт, закрываются двери.

Возвращаюсь в ванную, смотрю на «Машину» и вижу, что одно из сопротивлений отсоединилось, отключено!.. Связываю концы, включаю латор... И «Машина» плывет на поверхности воды, да так, как и не бывало раньше!

Выбегаю на балкон и вижу с высоты своего этажа, как вся комиссия, все трое, садятся в автомобиль и уезжают...

А жизнь продолжается...

Почему природа выбрала меня?..

Почему она именно меня, такого далекого, казалось бы, от науки, заставила думать о законах движения?

Впрочем, вспоминаю, что в пять-шесть лет я строил самолет, и резинка крутила пропеллер. Не удивительно. Все мальчишки что-то строят, катают. Почему-то мальчишкам, моим сверстникам, да и мне интересно было катать по тротуарам колесо согнутой проволокой.

Все-таки с раннего возраста у человека проявляется интерес к движению: он сам еще еле-еле ходит, а уже катит за собой тележку.

Очевидно, в генах человека заложено стремление найти такое движение, которое позволит вырваться наконец из оков гравитации своей Земли, чтобы познать другие миры Вселенной!

Вот откуда идет интерес к познанию движения.

Впрочем, зачем я теряю время на размышления, надо готовиться к новой встрече с комиссией.

Через несколько месяцев я вновь позвонил тому же руководителю, который прислал ко мне комиссию. Теперь этот руководитель говорит:

— Мне неудобно давать указания нашим товарищам, может быть, вы сами с ними договоритесь. В крайнем случае, сошлитесь на меня.

Я звоню той милой и доброй женщине. И рассказываю о своих успехах.

— Хорошо,— говорит она.— Начальство всегда поручает нам черную работу...

Я понимал, что после прошлой встречи такое посещение не назовешь по-другому.

— Мы придем опять втроем, — продолжает она сдержанно.— Вам удобно в субботу в пять часов?

— Мне в любое время удобно.

И вот наступила суббота.

Вновь звонок у двери. По лаю Рыжки понятно, что ей уже знакомы эти гости. Мы встречаемся как добрые знакомые.

Все трое опять проходят в комнату, садятся на те же стулья, в том же порядке. Один из мужчин, улыбаясь, говорит:

— Ну что, будем включать магнитофон и слушать теперь Киркорова?

Смех. Шутка разряжает напряжение.

— Нет, — говорю, — давайте сразу пойдем к ванне.

Я опять сажусь на свое место в ванной. Они так же столпились у двери...

Включаю питание. Кручу ручку латора и вижу, как моя «Машина» плавно перемещается по поверхности воды в ванне.

За спиной я слышу тишину... Тишину, которую иногда слышу в зале... Когда на сцене свершается что-то необыкновенное, невероятное, когда зал замирает на несколько секунд.

Такую тишину я ощутил за спиной, когда моя «Машина» перемещалась на поверхности воды в ванне.

«Машина» остановилась, упершись в край ванны. Я возвращаю ее в исходное положение, и вновь она перемещается, совершая свой путь. Я продолжаю эксперименты.

Наконец спрашиваю:

— Довольно?

Члены комиссии смотрят друг на друга.

— Да, довольно...

Возвращаются в комнату, садятся на свои места.

Несколько секунд они молчат. И вдруг начинают говорить все одновременно, пытаясь объяснить причину движения «Машины».

Эти очень образованные люди, разве могут они сразу понять и разобраться в том, что мной продумывалось и изучалось годами?

Шла шумная беседа.

Я пытался что-то объяснить, но от волнения не находил нужных слов.

Наконец их обсуждение прервала женщина. Нужно сказать, что женщины, как мне кажется, и в науке более практичные и заземленные.

— Роман Иванович, вы хотите продолжать работать над этой темой, или вы хотите видеть вашу «Машину» в практическом применении?

— Конечно, я хочу, чтобы этот принцип движения нашел применение у вас...

— Тогда я должна вам сказать... Чтобы ваше изобретение нашло реальное техническое применение, мы должны провести огромную исследовательскую, экспериментальную работу, для чего нужны средства, деньги... А мы даже зарплату не получаем уже несколько месяцев.

Я взорвался.

— Да что же это такое... — И у меня нечаянно вырвалось нецензурное слово.

Я забыл, что передо мной сидят люди совсем из другой среды, другого воспитания, а не моя актерская братия.

Все притихли. Женщина потупила взгляд... Смотрит в пол. Боже мой! Что я сказал... Что я сделал! Беседа перешла на какой-то другой уровень. Члены комиссии стали подниматься со стульев.

Я растерянно заговорил:

— Полагаю, что вы, очевидно, что-то расскажете вашему руководству, свое мнение...

— Да, — строго сказала женщина, — если мы их увидим. А это нечасто бывает.

Мужчины направились к двери.

— Вы уже уходите, а ведь я приготовил шампанское.

Женщина остановила меня:

— Они за рулем.

Мужчины доброжелательно пожимали мне руку, а женщина, опустив глаза, говорила какие-то слова прощания.

Я опять проводил их до лифта, и они уехали.

Идут дни, идут недели, месяцы... Моя «Машина» стоит в комнате на табуретке и ждет, когда же появится умный, добрый спонсор, способный понять, что «Машина Романова» — это важное дело. И, как Золушка, сижу в ожидании принца... И работаю... И пишу пока фантастику.

* * *

Итак, свидетелями нового принципа движения были научные сотрудники Российского космического агентства. На их глазах рождалось новое явление, еще не изученное, но сулящее такие богатые перспективы.

К моему удивлению, эти образованные люди почему-то не проявили в дальнейшем никакого любопытства, не говоря уже о какой-либо заинтересованности для своего ведомства. Очевидно, их головы заняты своими проблемами, а «свое» всегда важнее. Неспроста женщина из комиссии говорила мне, что эти смотры, выезды воспринимаются как «черная работа». Но все же они добрые люди. Надо же, дважды приехали ко мне, затрачивая время и бензин.

И я благодарен им — они поистине мужественные люди.

Теперь мне хотелось бы сказать самое главное.

Вернемся к действию и противодействию.

Чего не мог предусмотреть великий Ньютон?

Ньютон не мог предусмотреть этого явления в механике, потому что при его жизни, во время открытия великих законов, еще не был изобретен электродвигатель, способный создать такое явление.

* * *

Вторая беседа не состоялась.

Вячеслав Евгеньевич решительно отказался в ней участвовать, обидевшись на то, что я назвал его гипотезу «Вальсами Штрауса». Однако он тоже не остался в долгу, прогудев в телефонную трубку басом: «Хочется просто пожалеть автора книги, отдавшего значительную часть своей творческой жизни химерической идее, а также читателя, купившего и одолевшего его сочинение».

Не скрою, мне было обидно услышать такое мнение о своей книге, но я сдержался и не стал ему напоминать о его глубоких заблуждениях в определении прямолинейного движения. Мне важно было его участие в беседе, так как его критический ум способен был помочь глубже разобраться в моих поисках нового принципа движения. И вот, когда он сказал, что все мои изобретения — сизифов труд, у меня как-то неволью вырвалось: «Если вы не хотите участвовать в беседе, то все-таки, может быть, придете ко мне на день рождения в ближайшую пятницу?»

Я родился зимой, а предлагал прийти на день рождения в июне!

— Конечно, приду, — услышал я его басовитое согласие.

— Только никаких подарков!

Пригласил и Игоря Сергеевича. Пришлось, к своему стыду, и ему соврать.

Я надеялся, что мы посидим за столом, выпьем, хорошо закусим, а потом... Потом они подберут, расслабятся, и я

поведу их в ванную комнату. Вячеслав Евгеньевич наконец увидит мое «чудо» в ванне и изменит свое критическое отношение к моим работам. Именно так представлял я себе «день рождения». А что получилось?

Оставшиеся до пятницы дни я провел в подготовке. Купил большую пиццу, разные закуски, вино, хороший коньяк. Вся пенсия ушла на праздничный стол, но я верил: все затраты — на дело. Подошла пятница. Игорь Сергеевич пришел немного раньше намеченного часа и стал помогать по хозяйству.

С такой же аккуратностью и педантизмом, как рисовал, он резал колбасу и овощи. И когда была уже открыта банка со шпротами, раздался входной звонок.

Во всем облике Вячеслава Евгеньевича чувствовалась торжественность события. Сказав несколько поздравительных слов, он протянул мне журнал:

— Вот читайте, наш свежий номер. Здесь как раз моя статья об изобретателе-самоучке, который сделал коляску для инвалидов.

— А вы как будто недавно высказывали свое отрицательное мнение о дилетантах.

— Это практическое изобретение. Он же не лезет в большую науку, как вы.

— Стоп, стоп, — остановил нашу беседу Игорь Сергеевич. — Никаких умных речей... Только глупости, глупости и за столом!..

И началось застолье...

После третьей рюмки коньяка, когда пошли уже анекдоты и разговоры о женщинах, Вячеслав Евгеньевич вдруг остановил взгляд на мне...

— Позвольте, я же помню, вы руководили Женским эстрадным оркестром?

— Да.

— Ну и как?

— Что «ну и как»? «Ну и как» было совершенно невозможно. Это особый разговор... За семь лет гастролей по стране с оркестром я понял, что женщины очаровательны, они же предатели, они же мудры как кошки, и они же прелестны и лукавы как дети.

Игорь Сергеевич воспользовался новой темой.

— Ну, поскольку мы заговорили об оркестре, музыке... — он подошел к моему инструменту — пианино.

Сел на стул, открыл крышку и заиграл.

Пока Игорь Сергеевич играет, я хочу сделать небольшое лирическое отступление, но оно по существу в жанре бесед мужской подвыпившей компании.

У ПОТУХШЕГО КОСТРА

А жизнь продолжается. Эта фраза звучит как лейтмотив. Но это только фраза. За ней вновь замыкается круг тех же мыслей и идей.

Когда же читаешь бессмертный роман Булгакова, следишь, как «наматываются» события многогранной жизни на ось любви Маргариты к Мастеру, любви неизбежно трагической и вечной.

У меня нет Маргариты, а без нее не может быть соответствующих событий, конфликтов, потрясений. Поэтому позволю и я хоть на какое-то мгновение, на нескольких страницах, появиться и взлететь моей Маргарите.

Женщины с интересом могут прочесть эти несколько страниц, а мужчинам будет полезно...

Были годы, когда я часто вел концерты в прямом телевизионном эфире из Колонного зала, из студии на Шаболовке. Меня узнавали на улице и, скажу без ложной скромности, — мне было это приятно. То был мой «звездный час», принесший мне определенное благополучие (для того времени) — кооперативную квартиру и автомобиль «Волга».

Я упомянул автомобиль не зря. Именно с него и началась та драматическая история с моей Маргаритой,

а может быть, даже трагическая, о которой я хочу рассказать.

Я ехал мимо Белорусского вокзала и начал перестраиваться, чтобы свернуть на малую дорожку, к улице Правды, но вдруг решил, что мне лучше ехать прямо. Шофер небольшого грузовика ехал за мной, не подозревая о моем решении, и задел своим кузовом мою машину.

Мы остановились у обочины. Он осмотрел свою машину и не нашел никаких следов аварии — у нее деревянный кузов. Так что у водителя не было ко мне никаких претензий. Я осмотрел свою машину и обнаружил настоящую аварию. Однако понимая, что здесь моя вина, я тоже не предъявил ему никаких претензий, и мы мирно разъехались.

Огорченный будущими расходами и пустой потерей времени, я подъехал к дому и поставил машину в гараж. По пути к своему подъезду встретил знакомую и как раз нужную мне женщину — страхогента... Я тут же ей рассказал о своей беде. Она сочувственно выслушала и пообещала зайти завтра ко мне, чтобы оформить аварию и страховку.

К вечеру следующего дня раздался звонок у двери. И вошла она, страховой агент. Женщина...

Да, я увидел в ней сразу притягательно-завораживающую женщину. Все детали ее туалета: какие-то маленькие розовые бантики на кофточке, разрез на юбке, невысокие каблучки изящных туфелек, — все это создавало такой миниатюрно-желанный, обещающий сиюминутные радости образ.

Она села за стол и начала изучать мой страховой полис, задавая необходимые вопросы об аварии.

Я отвечал, а думал совсем о другом. Чувствовал, что и она тоже, слушая меня, как бы находится и вибрирует на той же волне.

Разговор приобретал шуточный тон, и мы подошли к этапу, когда я уже мог предложить ей кофе и коньяк. Она приняла это с охотой.

Я ожидал междугородного звонка. Жена была на гастролях в другом городе. Мне не хотелось говорить с женой в присутствии этой женщины и, осмелев после второй рюмки коньяка, я сказал: «Зачем мы здесь сидим, поедemте за город. Машина хоть и аварийная, но на ходу...»

Мы договорились встретиться на углу Каретного. Я подъехал, купил тут же в магазине бутылку шампанского, мы сели в машину и поехали.

Читая Мопассана, мы предполагаем, что писатель придумывал свои рассказы, но, думаю, что-то близкое к сюжетам у автора было.

Я же ничего не придумываю и поэтому вроде как бы разоблачаю себя, показывая свой аморальный облик. Если бы я писал эту книгу в семидесятые годы, редактор сказал бы: «О чем вы пишете, куда ведете читателя? Наш читатель хочет видеть в поступках героя чистое и светлое начало, а у вас голая эротика!» Но я пишу эту книгу не в семидесятые годы, а в двухтысячные. Я тоже смотрю иногда телевизор и вижу фильмы и передачи «Про это»... И по сегодняшнему времени мой рассказ покажется наивной пасторалью.

Я размышляю об этом, чтобы заполнить время, поскольку мы еще в пути. Но вернемся к моей Маргарите. Мы едем по Минскому шоссе. Проехали Передел-

кино, дачи писателей. Смотрю по сторонам и нигде не вижу леса, да и фары встречных машин ослепляют, не дают найти подходящий пейзаж. Показалось, что справа есть проселочная дорога. Сворачиваю в надежде увидеть лес. И верно, недалеко что-то темнеет... Подъезжаю, вижу деревья. Съезжаю с дороги. Ставлю машину на обочине. Немножко затекли ноги от сиденья в машине. Выходим — все нам нравится. Открыли бутылку шампанского. Выпили у машины и направились к деревьям.

Всегда так бывает — лес хороший, а места подходящего никак не найдешь... И все же нашлась небольшая поляна, окруженная деревьями и кустами. Все идет по задуманному, вместе сочиненному сценарию. Мы сели на траву, но оказалось, что я усадил ее на потухший костер. Ей было неудобно сидеть на крупных обгоревших палках, и она все пыталась найти поровнее место.

И в тот момент, когда я приблизился к ней, вдруг почувствовал сильнейший удар по голове. Обернувшись, в полусознании увидел огромного парня с толстой палкой в руке.

Женщина вскочила с потухшего костра.

— Ты что это делаешь? — она так сказала эту фразу, будто в троллейбусе схватила вора за руку, который хотел украсть из ее сумочки зарплату.

Парень, замахнувшийся на меня еще раз, как-то безвольно опустил руку.

— Брось палку! — она сказала это так, как жена говорит мужу, когда он ступает на чистый пол в грязных сапогах: сними обувь!

Парень, видно, почувствовал какие-то понятные ему женские интонации и прислушался, повернув голову как петух, которого позвала курица.

— Ты что это решил делать? — сказала женщина, стараясь отвести парня от меня. И парень в тон ей так же грубо ответил:

— А то, что он хотел...

— А ну, отдай палку!

Парень отбросил палку, женщина пошла за ней. Парень, оставив меня, решительно пошел за женщиной. Я слышал ее удаляющийся голос.

— Да ты знаешь, что это за человек...

Последние ее слова были заглушены шорохом кустарников и зарослей.

Я сидел у потухшего костра. Пришло сознание. Пошупал голову... Как будто цела.

Так прошли неслитанные минуты в тишине... Я услышал шаги совсем с другой стороны. Появилась моя женщина. Одна. Она села на землю у костра, уронила голову мне на плечо и заплакала, нет, не заплакала — зарыдала. Я все понял. Весь ее волевой импульс исчез, как воздушный шарик, из которого выпустили воздух, не может взлететь и притаился, бедный, на полу под кроватью.

Мы ехали обратно в Москву. Сидели молча. Каждый со своими мыслями.

Я думал: она меня спасла, но... но изменила. А я так бы и остался лежать, тоже потухший, на этой поляне, у потухшего костра... Она меня спасла, но она мне изменила... Что лучше? Я не мог себе ответить на этот вопрос. Наверное, — попытался я думать о другом, — от удара останется

гематома. Когда она себя проявит? И на каком году жизни сделает свое дело?

Сейчас я думаю, что, возможно, этот удар был заранее запланирован «сверху»!

Может быть, одна из моих извилин была прямой, и этот удар сделал ее настоящей извилиной, которая и сотворила это чудо — вывела меня на «Машину Романова» и привела к «Теории парадоксального движения»? А тогда я вел машину, путаясь, где тормоз, где ручка скоростей.

Я взглянул искоса на ее профиль. Кто же эта женщина? Неужели какие-то бесовские силы послали мне эту Маргариту?.. Или, может быть, это мой «Ангел-хранитель»?

Луна освещала шоссе. Она была песчинкой в этом космическом пространстве. И, кружась вокруг Земли, летела вместе с Солнцем и была раньше такой же плазмой. Теперь она тверда и стара. Но если бы Луна умела говорить, она бы сказала: «Боже мой, сколько я за свои миллионы лет видела похожих историй, но об этом не могу рассказать...» А я рассказал.

* * *

Ну а теперь вернемся в мою квартиру, где встречаются «день моего рождения» трое подвыпивших мужчин. Звучало несколько расстроенное пианино. Игорь Сергеевич играл «вдохновенно». Это была музыкальная импровизация — своеобразное попури. Сменялись одна за другой самые популярные мелодии. Но, вслушиваясь в эту импровизацию, я был удивлен новым звучанием. В консерватории я изучал музыкальную грамоту, прошел через уроки

гармонии, но не сумел бы найти такие удивительные гармонические соединения. Возможно, авторы этих песен даже и не предполагали, что из их сочинения можно извлечь такое чарующее звучание...

Вслушиваясь в игру Игоря Сергеевича, я вспоминал свои драматические юношеские годы, когда сидел в оркестровой яме Московского театра оперетты, наблюдая, как по сцене ходят нарядные, веселые артисты, и думал: неужели всю жизнь я должен просидеть в этой музыкальной яме?

Кто руководил моей судьбой, кто толкал меня на самые решительные и сомнительные действия?

Я ушел из оркестра, расстался со скрипкой. Меня приняли в театральную студию Московского драматического театра МГСПС под руководством Любимова-Ланского, но через два года отчислили. И, наверное, ошиблись, потому что из двадцати студентов моего курса ни один не стал видным артистом, а моя фамилия прошла через афиши самых «престижных» концертов столицы и многих городов России. Что же заставило и этого одаренного музыканта отдать всю жизнь рисованию «деталей машин»?

Прозвучали заключительные аккорды. Игорь Сергеевич поднялся и стал наигранно кланяться, представляя себе огромную аудиторию.

— Ну, поскольку у нас начался вечер самодеятельности, — заметил иронически Вячеслав Евгеньевич, — я хочу вам спеть, как пел на многих вступительных экзаменах, пытаюсь посвятить себя театральному искусству, увы, тщетно... Жизнь пошла по-другому.

И зазвучал низкий голос моего друга: «Гори, гори, моя звезда...». Звезда... Игорь Сергеевич сразу «нащупал» тональность. Мое расстроенное пианино создавало особое звучание, соответствующее этому старинному романсу. Слушая красивый голос Вячеслава Евгеньевича, я думал, что в его судьбе тоже кто-то мог допустить ошибку. Как странно, все мы, кто встретился здесь, настоящие профессионалы (каждый в своей области) и в тоже время все мы — дилетанты и все еще живем мечтами юности.

Однако во мне уже побеждал здравый смысл. Я думал: сейчас Вячеслав Евгеньевич закончит свое пение и я попробую увести моих друзей от романтических настроений к реальным делам — в ванную.

Вячеслав Евгеньевич эффектно заканчивал романс на высокой ноте.

И мы с Игорем Сергеевичем уже приготовились ему аплодировать, как вдруг его голос прервался. Глаза расширились, он побледнел и уронил голову на плечо. Я побежал за валидолом в спальню. Игорь Сергеевич дрожащими руками набирал телефон «неотложки». В ожидании врача мы не знали, что делать в этой ситуации, суетились вокруг беспомощного друга.

Наконец появились врачи. С их помощью Вячеслав Евгеньевич все-таки встал. Мы спустились к машине, и его увезли.

Я чувствовал за собой вину и проявлял искреннее участие в выздоровлении Вячеслава Евгеньевича. Кажется, в больнице не было ни одного больного, кто был окружен таким вниманием. Я боролся за его жизнь для него... И для

себя. Нечего скрывать, в каждой филантропической или благотворительной деятельности всегда есть и личная заинтересованность.

С горем приходят и радости.

Я получил извещение — на почте меня ждет какая-то заказная бандероль... Предполагаю, что в ней может быть... Спешу туда. Раскрываю твердый конверт, и моему взору предстают красиво оформленные патенты с названиями «Машина Романова».

Получил патент на машину, которую показывал комиссии космического агентства. Не знаю, как у других изобретателей, но когда я получаю патент и читаю его описание, мне все это кажется уже пройденным этапом. Пока рассматривается заявка, проходят месяцы, а порой — и годы, за это время появляются новые идеи и решения, поскольку эксперименты продолжаются.

Так что неудивительно саркастическое отношение соседа-физика к моей второй книге, ведь он читал первую, где были описаны мои ранние размышления и опыты. Тогда я находился на самом первом витке спирали познания, где в основе почти всегда лежат самоуверенность, ревизионизм и невежество. Вот и получалось: пока рассматривались мои последние заявки, уже писалась новая книга «Теория парадоксального движения». И вообще, наивно думать, что такие идеи приходят сразу. Все это имеет драматическую предысторию.

Возможно, начинающим изобретателям будут интересны мои первые встречи с экспертами (в те времена это учреж-

дение называлось «Комитет по делам изобретений и открытий»). Мои изобретения и тогда представляли собой поиск новых принципов движения. Любопытно вспомнить одно раннее изобретение, на которое я получил первое авторское свидетельство.

Кратко опишу его механизм. На оси тележки расположен блок, в котором закреплены четыре электродвигателя. Их оси соединены шестеренками, на краю каждой из них закреплены грузики-массы, то есть эксцентрики. Когда начинают работать электродвигатели, под действием эксцентриков блок начинает вибрировать. Это колебание через храповик передается на ось, и тележка плавно катится по полу. На это, казалось бы, простое, но оригинальное изобретение я подал заявку и сразу же получил отказ. Мотивировалось это тем, что «все силы в этом механизме равны нулю».

Тогда я был совсем новичком и удивился: «Как же так? Тележка едет, а ученые, не видя этого, утверждают, что она будет стоять на месте!» Конечно, стал возражать. После долгих споров меня, наконец, вызвали на экспертный совет. В то время я был популярным артистом, и председатель экспертного совета обратился ко мне не как к изобретателю, а как к артисту.

Улыбаясь и подбирая слова, чтобы меня не обидеть, он сказал:

— Дорогой Роман Иванович, мы попросили вас прийти к нам... чтобы помочь вам разобраться в некоторых ваших... заблуждениях... Простите, ошибках.

Вы, наверное, просто уже... забыли некоторые законы физики, да они вам и ни к чему, чтобы их помнить. Вы

хорошо знаете и помните все законы сцены и преуспеваете... А наши законы говорят о том, чего не может быть... Ваше изобретение... возникло, конечно, от вашей буйной творческой фантазии. Фантазия — это хорошо, если она еще подкреплена известными законами, но на одной фантазии не поедешь и не сдвинешься, поэтому...

— Позвольте, позвольте, — перебил я, — как это «не поедешь и не сдвинешься»?

— Ваш механизм — это, возможно, плод вашей некоторой... может быть, даже усталости...

— Иван Петрович, — прервал его один из участников экспертного совета, — разрешите мне сказать.

— Пожалуйста.

— Я хочу спросить Романа Ивановича, ведь он, как мне известно, водит автомобиль. Как вы думаете, Роман Иванович, если поставить этот ваш механизм на вашу машину, что она, сдвинется?

— Конечно, если масштабы механизма увеличить, может сдвинуться.

— Это ваши мозги от этих мыслей сдвинутся. Меня это возмутило:

— Я не знаю, какие у вас законы, но по моим законам происходит то, что я вам покажу.

Я вытащил из большой сумки свою тележку, поставил на стол, вставил батарейку в двигатель. И тележка покатила через весь стол на глазах членов экспертного совета.

Кто-то из них смущенно улыбался, кто-то откровенно смеялся.

Председатель остановил смеющихся:

— Я попрошу вас, Роман Иванович, оставьте нас на некоторое время. Минут на пятнадцать-двадцать.

Я вышел. Минут через тридцать меня позвали:

— У нас такое решение, — сказал председатель экспертного совета. — Мы просмотрим патенты Англии, Франции, Бельгии, Германии и других стран. Если не найдем таких же принципов движения, мы вам выдадим авторское свидетельство. Но это произойдет не раньше, чем через полгода...

Так я получил первое авторское свидетельство на свое первое изобретение.

Жизнь продолжается, стремительно бегут недели, месяцы и годы, а в них бегут мысли и не могут остановиться — ищут новые принципы движения.

Устал после концерта. Хочу отдохнуть, ложусь в ванну. В дремоте безвольно опускаю руку с кружкой... и вдруг ощущаю какой-то импульс в руке.

Сон прошел... Повторяю то же движение с кружкой. В нее вливается вода, и кружка получает импульс, вырывается из рук... Что это? Вспоминаю, как одна женщина в деревне, опустив свое ведро в колодезь, вскрикнула:

— Ой! Ведро вырвалось!

А может быть, и здесь скрыт новый принцип движения?

Строю модель. Катамаран, в котором небольшие стаканчики под действием электродвигателя, чередуясь, входят в воду и выходят. Быстро наполняются водой и освобождаются от нее. И мой катамаран движется — плывет, удивляя друзей простотой нового принципа движения.

— Так надо же заявить это как новый принцип движения! — советует мой друг Василий Дмитриевич Захарченко.

Пишу заявку в Комитет по делам изобретений и открытий и вскоре получаю ответ: «Такое движение невозможно, так как все силы вашего водного транспорта равны нулю».

Опять «нулю»!

Сумел отыскать этого эксперта и даже заманил его к себе домой, чтобы показать движение катамарана в ванне...

— Ну, что же, — говорил смущенный эксперт, — теперь напишу положительное решение...

Ошибки, ошибки, ошибки.

Почему они происходят?

От небрежности или некомпетентности? От какой-то случайности? А может быть, ошибки — это необходимый процесс в судьбах людей, в развитии цивилизаций?

Меня отчислили из театральной студии. Что это — ошибка?

Ошибка, сделавшая мою жизнь лучше, чем, если бы я остался в этом театре. Неизвестно, что бы я там играл?

Бывают поистине трагическими судьбы молодых актеров в театре. Я знал артиста, который неплохо играл на гитаре и пел. На протяжении многих лет он получал только одну роль: спеть под гитару на какой-нибудь попойке белых офицеров. Или идет современная пьеса, ему дают роль — спеть с гитарой на отдыхе геологов. Идет политическая пьеса — он первый запекает песню протеста среди забастовщиков.

Его судьба была трагична.

Он спился и повесился в театральной уборной.

А что было бы со мной в театре? Я скрипач, играю на рояле, пою. Не знаю, нужно ли это было театру? А на эстраде оказалось нужным.

Ошибки экспертов были мне на пользу. Я научился бюрократическому наукообразному языку, отвечая на возражения экспертов их же языком. Я закалился и поднаторел в этой эпистолярной борьбе. Да, ошибки бывают на пользу, но как объяснить вселенские исторические ошибки?

Христофор Колумб искал путь к Индии, думал, что плывет именно туда, а приплыл совсем в другое место и открыл Америку.

Когда я говорю об ошибках, читателю, наверное, хочется меня спросить: «А ваша “Теория парадоксального движения” не есть ли очередная ошибка?»

Нет! А если это и ошибка, она, в конце концов, приведет к новым плодотворным размышлениям, которые и откроют новые истины.

* * *

Когда вышла моя книга «Как я нарушил третий закон Ньютона», я решил вместе с сотрудниками издательства отпраздновать это событие.

Я пришел в редакцию к назначенному времени, но дамы предложили мне «погулять часок», пока они накроют на стол.

Я вышел на улицу, размышляя, как мне провести этот «часок», и вспомнил, что здесь неподалеку находится церковь. И я направился к ней.

В церкви в это время почти никого не было. Я купил свечку, поставил у иконы Божией Матери и задумался: как хорошо, что мне пришла такая прекрасная мысль! Постоять в церкви, в тиши, с самим собой.

Я смотрел на икону. Дева Мария держала на руках своего божественного младенца...

И я вспомнил о Михаиле Булгакове. Как он талантливо описал события гибели нашего Спасителя. Какой глубокий образ прокуратора создал... Как передал всю атмосферу тех трагических событий. И этот талантливый писатель сделал бы огромный подарок нам, читателям, если бы написал библейскую притчу о рождении божественного младенца при непорочном Его зачатии. Я представил себе те времена. Какие же были светлые, чистые помыслы у людей. И даже Ее муж, плотник, не имел никаких подозрений, искренне веря в непорочность Его зачатия. Я смотрел на окружавшие меня иконы, пытаюсь найти среди них того чудотворца, кто сохранил мне жизнь.

Опять те же вопросы. Кто ОН, где же этот ангел-хранитель, стоящий у меня за спиной? Как будто чередовались кинокадры, прокручивалась кинолента моей прошлой жизни.

Сорок второй год... Осень. Повестка в военкомат.

Я не совсем ясно представлял себе, как буду воевать. Вся жизнь прошла с музыкой, с театром. Даже на срочной армейской службе я в основном руководил самодеятельностью.

Словом, я сомневался, смогу ли внести свой настоящий вклад в победу.

И какие-то неведомые силы, очевидно, «учли» это обстоятельство и вместо Горького, где формировалась маршевая рота, эти силы остановили меня на полпути к этому городу — во Владимире.

Война одних убивает, других калечит, а иным дает жизнь, новую жизнь.

Начальник Дома офицеров города Владимира майор Антропов внимательно меня слушал. А я ему рассказывал, какой я замечательный музыкант, артист.

При моем рассказе его голова все время покачивалась, как бы выражая отрицательное отношение к моему предложению. Это заставляло меня еще активнее и убедительнее говорить о нужности моей профессии в Доме. Но оказалось, что он был контужен, и его голова покачивалась произвольно. А мое предложение было вполне реальным — при Доме офицеров организовать группу артистов, которая обслуживала бы госпитали и ближайšie формировавшиеся военные части.

Так что, несмотря на отрицательное покачивание головой, он принял мое предложение, сказав:

— Вы будете руководителем эстрадной группы и конференсье.

Мне нетрудно было организовать такую группу. Некоторые артисты эвакуировались и оседали в этом тыловом городе.

Не прошло и недели, как в Доме офицеров появилась эстрадная группа артистов.

Мы едем на первый концерт. Никто никого не знает. А я должен вести концерт. Что я буду говорить? Начинаю вспоминать какие-то смешные разговоры, слышанные ранее у артистов-конференсье... Но все-таки для бодрости принимаю сто граммов у гостеприимных устроителей-военных...

И какое счастье! Меня слушают, смеются, аплодируют. Я нравлюсь и артистам. Они думают, что я настоящий конференсье.

Этого я и хотел, когда сидел в оркестровой яме Театра оперетты.

Оказывается, мой маленький рост не мешает быть артистом, мой голос слышен в последнем ряду, потому что зрители хотят слышать, что я рассказываю. Но я еще умею петь и, самое главное, я умею играть на скрипке.

Такого конферансье и во всей Москве нет, а может быть, и во всей стране.

Начальник доволен. Он сделал правильный выбор.

Дом офицеров ведет культурно-массовую работу. Военские части благодарят. Госпитали не нарадуются, кормят нас после концерта кашей с маслом и поят чаем с сахаром!

Какое счастье! У меня есть профессия, которая мне нравится, я ее люблю.

Теперь я могу жить и радоваться. Ходить по сцене и видеть смеющиеся лица, добрые глаза, и все это принадлежит мне!

Вот так война! Где же икона этого чудотворца, подарившего мне такую жизнь. И должна быть здесь еще одна икона... Ведь я опять был направлен в маршевую роту. А какие-то силы посылают меня в Москву, за культимуществом, которое нужно было солдатам, как мертвому припарки.

Для чего судьба дарит мне жизнь на три дня в Москве?

А может быть, это чья-то невидимая тень ходит сзади меня и оберегает от смерти?

У нас разные судьбы. Мастера и Маргариту преследовали бесовские, сатанинские силы, а меня, похоже, оберегают другие силы. Может быть, это силы добра?

Там страницы романа, а здесь идет жизнь. Но то, что происходило со мной, мог устроить только сверхъестественный промысел.

Я иду, шагаю по Москве... По улице Горького... Лето 1944 года. Уже кое-кто возвращается в Москву. Буквально нос к носу сталкиваются два солдата. Я и руководитель джаз-оркестра Семен Самойлов. Мы расстались с ним в первые дни войны на гастролях в Виннице.

— Откуда такой южный загар? — спрашиваю.

— А я из Ташкента.

Вернулась в Москву Академия Фрунзе, он из духового оркестра Академии.

— А я во Владимире был руководителем эстрадной группы... Теперь уже конференсье... Через неделю на фронт.

— Как на фронт?

— Да, воевать. Зачислен в штурмовой батальон. Побываю, наверное, и в Берлине.

— Жалко.

— Что жалко?

— Жалко тебя. Война уже кончается.

Обнимаемся, расстаемся. Я к Маяковской, он — к Белорусскому.

Не доходя угла Васильевской, чувствую, как кто-то хватает меня за плечо. Оборачиваюсь — опять Семен.

— Ты мне нужен, ты скрипач, поешь, а теперь и конференсье. Мой джаз будет обслуживать воинские части.

— Да я уже настроился ехать на фронт.

— Кому ты нужен там. Если кого-нибудь и убьешь, всю жизнь мучиться будешь, я тебя знаю.

Какие таинственные силы водили рукой начальника Академии генерал-лейтенанта Веревкина-Рохальского, написавшего ходатайство о переводе меня из Владимира в оркестр Академии Фрунзе?..

Смотрит на меня с иконы Дева Мария и как будто удивляется, почему я так долго молча стою и ничего у нее не прошу.

А я уже не имею права ничего просить. Я могу только благодарить.

Для чего такая забота? Может быть, мне еще уготовано, суждено свершить что-то очень важное в этой жизни?

Я выходил из церкви, вспоминая и заново переживая события своей жизни.

Шел к издательству и не мог освободиться от своих размышлений.

Вспомнил ситуацию, когда тоже какие-то неведомые силы вмешались в мою жизнь. Это были годы моей актерской зрелости.

Как раз в то время я выехал на гастроли в Новосибирск. Концерты проходили в самом большом зале города — в Оперном театре. В Новосибирск приехали самые популярные артисты эстрады с огромной балетной группой и иностранными гастролерами.

Первое отделение вели Миров и Новицкий. Я вел второе отделение концерта. Это были настоящие аншлаги, чего уже много лет не было в этом огромном зале Оперного театра.

После очередного концерта мы, артисты, несколько возбужденные, стояли на сцене. Директор театра говорил нам слова благодарности и предложил на память оставить фото-

графии популярных артистов, чтобы повесить у себя в кабинете. Обратившись к осветителю, он приказал:

— Вася, принеси-ка мне в кабинет какой-нибудь прожектор. Фотограф говорит, что ему нужно побольше света.

Вася нес фонарь на тяжелой железной треноге в кабинет директора и, спускаясь по лестнице служебного помещения, споткнулся и уронил эту осветительную аппаратуру. При падении железная тренога отколола небольшой кусок от ступеньки. Не обратив на это внимания, Вася принес треногу в кабинет.

На гастроли в Новосибирск я приехал вместе с женой, талантливой актрисой Серафимой Пейсен. Она тоже участвовала в концерте, исполняя свой знаменитый монолог в образе уборщицы Тети Паши. Она выходила с ведром и метлой на сцену, когда закрывали занавес. И зрители думали, что, наверное, надо что-то прибрать. Когда же она начала разговаривать со сцены, зрители начинали понимать, зачем она вышла, и весело смеялись в ответ на ее реплики.

После концерта мы с ней спускались по той же лестнице, где только что прошел Вася с фонарем. В это время внизу на площадке появилась какая-то женщина. Увидев Серафиму Яковлевну, она стала высказывать ей свои восторги.

— Боже мой, как я смеялась, я думала, что это настоящая уборщица, ну вы и посмешили!..

Серафима Яковлевна, как все актеры, с удовольствием принимала эти комплименты. Она не заметила изъяна на ступеньке, ее каблук как раз попал в то место. Она споткнулась и упала...

Встать она уже не могла. В машину «скорой помощи» ее внес на руках наш могучий акробат Ян Щербаков. В больни-

цу она отказалась ехать, и тот же акробат внес ее на руках на третий этаж гостиницы, в номер, где мы остановились.

Концерты для нее закончились. Она не могла ступить на ногу. Это был вывих. Нога опухла, потребовались компрессы, бинты...

Я вышел в незнакомый город в поисках аптеки. На центральной улице остановился у светофора. В этот момент ко мне обратился человек вполне приличного вида — зритель, побывавший на наших концертах. Он восторженно отзывался о концерте, говорил мне всякие приятные слова. Перейдя улицу, мы продолжали беседу. Он представился, рассказал, что работает на большом заводе мастером какого-то очень важного цеха.

Несмотря на все неприятности, я решился спросить, сможет ли он сделать мне две шестерни.

— Какого размера?

— Ну, предположим, с полметра.

— Это в наших силах.

Он сказал так, что у меня не было сомнения — сможет.

Так я познакомился с прекрасным человеком со странной фамилией — Наконечный.

Концерты продолжались, Серафима Яковлевна лежала в номере с больной ногой, а в это время на заводе изготавливались мои большие шестерни.

Наступили последние дни гастролей. Мы встретились с Наконечным в гостинице. Хитро улыбаясь, он развернул бумагу и с особой осторожностью достал эти огромные блестящие детали.

«Никаких денег»... Но я знал, сколько рабочих часов ушло на эти изделия. Оказывается, трудно было выточить

эти тонкие, но большого диаметра заготовки. Ушло несколько деталей в брак, и только мастерство токарей помогло выточить эти шестеренки.

Так я приобрел основную деталь своей машины.

Почему же благодаря таким драматическим событиям появились эти шестерни?

Я вспомнил роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита»... Аннушка купила подсолнечное масло. Разбилась бутылка... Масло разлилось как раз на том месте, где Берлиоз проходил через турникет, он поскользнулся, упал на рельсы...

«Трамвай накрыл Берлиоза, и под решетку Патриаршей аллеи выбросило на булыжный откос круглый темный предмет. Скатившись с этого откоса, он запрыгал по булыжникам Бронной.

Это была отрезанная голова Берлиоза».

С этого трагического эпизода зачинались судьбы героев Булгакова.

Я стал вспоминать события в Оперном театре...

Директор решил сфотографировать артистов... Вася уронил треногу, она отколола кусок ступеньки на лестнице... Серафима Яковлевна упала, зацепившись каблуком...

Я шел в аптеку, и меня остановил Наконечный, который и сделал мне эти шестеренки, а это привело меня к тайнам механизма атома. Что же за силы вмешались в эти события?

Они не были силами зла, нет — это были другие силы... Силы добра.

СОН

На следующий день после банкета в издательстве я заснул очень поздно и встал очень поздно. Погулял с собакой. Позавтракал, сел за стол и начал писать: «Почему газ имеет такие удивительные свойства?»

И на этой фразе остановился.

Мысли были совсем о другом. В пять вечера я должен участвовать в записи телепередачи «Дог-шоу» — сидеть в жюри и смотреть, как выступают собаки. Я написал песню о собаке и хотел, чтобы ее тоже записали. Надо было хорошенько запомнить текст, поэтому о свойствах газа я не мог думать. Все мысли уносились к песне и собакам.

Запись передачи прошла успешно. Песня моя понравилась и режиссеру, и ведущему, и я вернулся вечером домой радостным и возбужденным. Я не мог освободиться от текста песни, продолжая все еще находиться в плену телевизионных эмоций.

Чтобы как-то отвлечься и выбить клин клином, я включил телевизор. На экране шла очередная серия «Ментов». Я никак не мог разобраться в лицах героев: кто из них «менты», а кто бандиты? Стараясь не решать этот крос-

сворд, выключил телевизор. Когда наступила тишина, я услышал какие-то странные звуки. Вначале подумал, что, может быть, эти звуки издает Рыжка. Но она тихо, мирно спала. Звуки повторялись, но где?

В комнате? Не слышно. Вошел в спальню. Прислушиваюсь... Вхожу в кухню. Слышу, будто мяукает кошка. Балкон и окна закрыты. Звуки доносятся откуда-то сверху. Знаю, что у верхнего соседа нет ни кошек, ни собак.

Непонятное мяуканье начинает меня пугать.

Последнее время я весь во власти Михаила Булгакова, многократно перечитываю его роман «Мастер и Маргарита». Может быть, это звуковая галлюцинация и меня преследует злосчастный булгаковский кот? Звуки продолжают. Ясно... Мяуканье раздается сверху. Останавливаю взгляд на сетке небольшого вентиляционного оконца. Как будто что-то мелькнуло. Всматриваюсь. Да, что-то шевелится за сеткой.

Приношу стремянку, поднимаюсь и обнаруживаю за сеткой лучистые, светящиеся глаза. Спускаюсь, бегу за отверткой, поднимаюсь, отвинчиваю крепежные болты, снимаю сетку... И вижу молящие, испуганные глаза огромной кошки, вернее, кота. Откуда ты, чудесное создание? Зову, но он либо боится, либо не может оттуда вылезти.

Как же ему помочь?

Хватаю его за шею, он боится, сопротивляется, кусает за руку, но я все-таки вытаскиваю его из вентиляционной трубы.

Как он туда попал? Наверное, гулял по крыше и провалился.

Кот, большой и красивый, осматривает кухню и на меня ноль внимания. Никакой благодарности. Наливаю молоко в блюдце — не пьет. Наверное, не может отойти от своих драматических переживаний.

Укус на руке начинает меня беспокоить.

Через пару часов поднимается температура, рука опухает. Неужели у кота бешенство? Утром придется идти к врачу. Время уже позднее. Ложусь спать, чтобы с утра пораньше бежать в поликлинику. Засыпаю...

— Я давно хотел с тобой поговорить...

Вхожу в кухню и вижу: этот самый кот сидит на стуле, положив нога на ногу.

— Не думай, пожалуйста, я не тот кот, о котором ты думаешь, я твой постоянный сопровождающий... Твой друг. Я давно хотел с тобой поговорить, и вот наконец представился случай...

Вдруг кот исчез. Раздался телефонный звонок. Снимаю трубку.

— За вами числится долг за междугородные разговоры...

Фу ты, черт, какой уж раз звонят среди ночи. Надо будет завтра оплатить эту квитанцию.

Все же я благодарен звонку за то, что прервал кошмар с котом. Кажется, температура поднялась еще выше. Быстрее бы наступило утро. Надо бежать к врачу... Скорее заснуть... Засыпаю.

— Я хотел тебя спросить...

Вижу, опять сидит кот в кухне на стуле. Облизал переднюю лапу и погладил себя по голове.

— Зачем ты пошел в театр на Бронной? Какие бесы заставили тебя идти в этот день?

— Посмотреть спектакль. Познакомиться с театром. Я хотел предложить театру свою пьесу.

— А ты помнишь события на Бронной и что там случилось с Берлиозом?

— Мало ли что придумает писатель.

— А взрыв на Пушкинской? Это тебе ни о чем не говорит?

— Да, трагический случай.

— Так вот, знай, что тебя больше уже нет. Останки твоего тела уже убрали.

— Ладно, перестань меня пугать. Зачем ты вспомнил этот день? Это верно, когда я пошел в театр — и прогремел этот взрыв, но меня ведь это не коснулось.

— Не коснулось? — ехидно засмеялся кот. — На чем ты ехал из дома до метро Войковская, вспомни?

— Я ждал троллейбус, но подъехала маршрутка, и я быстро добрался к метро, доехал до Пушкинской, поднялся и отправился пешком в театр. И только после спектакля узнал о взрыве.

— А ведь это я тебе «подкатил» маршрутку. Ты бы ждал троллейбус еще пять минут. Эти пять минут все и решили — тебя уже не было бы в живых. Как Берлиоза, а ты рискуешь и идешь на Бронную.

— Зачем ты вспоминаешь Бронную, там и трамваи уже не ходят.

— А теперь можно и без трамваев, — кот ударил себя лапами. — Бах — и все! Другое время и другие способы. — Он тяжело вздохнул. Сладко зевнул.

— Дай мне закурить.

— Я не курю.

— Зачем ты врешь? Сегодня, возвращаясь домой, у лифта ты столкнулся с курящим соседом и стрельнул у него три сигареты. Две уже выкурил.

— Я был очень взволнован после телевидения и хотел успокоиться. Ну, покурил...

— Принеси мне оставшуюся сигарету, ты ее спрятал на буфете.

Господи, откуда он все знает? Я принес сигарету.

Кот взял ее двумя лапами. Я поднес зажигалку. Он глубоко затянулся и, выдыхая дым, устало сказал:

— Боже мой, как я устал от тебя.

— А кто тебя заставляет...

— ОН не может за каждым из вас следить, вот ОН и приставил меня к тебе. Я же тебя сопровождаю с самого детства. Ты помнишь, кто тебе сломал руку, когда ты играл в футбол?

— Да, это был Шурка, большой парень. Он ударил по мячу, когда я стоял в воротах, и мяч ударил по руке.

— Так это были мои действия. Выполнял задание — сломать тебе руку, чтобы ты не стал музыкантом.

— Зачем ты это сделал?

Это решение было «сверху». И я повел тебя по другому пути... Ты должен был стать артистом, а не музыкантом. Но сколько я потратил на тебя времени... Сколько раз спасал тебя от смерти во время войны...

— Ты что, хочешь рассказать всю мою биографию?

— Нет, только «опорные» фрагменты, — кот плюнул на сигарету, бросил ее на пол, слез со стула и раздавил ее лапой. Затем, заложив передние лапы за спину, стал хо-

дить по кухне и говорить, как это делают учителя перед учениками в классе.

— Наконец, я тебя «привез» на гастроли в Новосибирск. Между прочим, ты сам правильно распорядился моими действиями. Помнишь треногу, которая упала и отколола кусок ступеньки, где потом твоя жена зацепилась каблучком и повредила ногу?

— Зачем ты устроил такое горе? Она была так счастлива выступать в том огромном зале. Ты лишил удовольствия и зрителей.

— Мне надо было тебя заставить идти в аптеку, чтобы ты встретился у светофора с Наконечным — это и была моя главная задача. Он сделал тебе эти железки, и с этого момента началось твое новое рождение. Благодаря этим деталям ты заглянул в самое неведомое... Вот это была моя конечная цель. Сколько же я затратил труда... Из музыканта, из какого-то артиста...

— Но, но, поуважительней, я все же заслуженный...

— Да, да. Сделать человека, который...

— Я не понимаю, зачем тебе надо было тратить силы на меня, когда есть уж готовые ученые. В том же Новосибирске, в академическом городке.

— Нет, ОН все правильно рассчитал. Они не стали бы делать то, что делал ты, ведь они образованные люди. Они знают, что это сделать невозможно. Только такой невежда, как ты, мог потратить полжизни и доказать невозможное.

— Зачем же делать это с такими жертвами? Актриса в слезах лежит в постели с больной ногой. Тебе не жалко?

Неужели ничего другого ты не мог придумать для встречи с Наконечным?

— Запомни, добрые дела одних строятся на горе других. Это великий закон жизни. И его невозможно опрокинуть. Волк принес барашка на радость своим волчатам и на горе матери овцы.

А можно повернуть наоборот, получится то же самое.

Отогнали собаки волка, и он не принес барашка своим волчатам, для них это горе — голодные, но зато счастлива овца: спасли ее барашка, и он трется у ее ног. Сказка «Золушка» — это мечта лентяев.

— Господи, ну зачем мне нужно все это слушать?

— Потому что ты постоянно думаешь о том, какой ты удачливый...

— Напротив, я все время думаю: зачем, зачем?.. Кто меня заставляет делать то, что мне так не свойственно?..

Я по природе своей стеснительный, застенчивый человек, а стал артистом, да еще конференсье. Я занимался музыкой и никогда ничего не делал своими руками, даже не мог починить простую розетку, а стал изобретателем, получил авторские свидетельства, патенты... Я всю жизнь писал с ошибками, даже в одном слове «кофточка» я умудрялся сделать три ошибки, а написал уйму рассказов и даже выпустил книжки.

— Вот видишь, ты сам проговорился, что всю жизнь делаешь не то... Я устал из тебя делать того, кем ты теперь стал. Пришло наконец время открыть тебе эту тайну.

— Но почему ОН выбрал меня?

— Потому, что ОН знает: чем больше затратишь труда... А я на тебя столько затратил... Кажется, не зря.

— Но я не могу понять, ты же кот... Как говорят, принадлежишь к бесовским силам, работаешь на сатану, так почему же ты делаешь добрые дела?

Кот почесал голову лапой и несколько смущенно сказал:

— Видишь ли, у Булгакова кот большой патриот сатаны, а я... Я откроюсь тебе... я кот-двойник, работаю на Того и на Другого, у нас та же структура, что и у вас. Ну, хочется кушать повкуснее... Поэтому больше устаешь, и риска больше...

— Ну, если уж ты так устал от меня — отдохни.

— Да... Осталось недолго...

— Что ты имеешь в виду?

— Так... — он вдруг смахнул слезу лапой и опять взобрался на стул. — Принеси мне водки. У тебя в холодильнике стоит целая бутылка. — Я принес бутылку, налил в кружку. — Уж как будто завязал, а вот из-за тебя опять начинаю. А ты не выпьешь? Ведь такие встречи у тебя нечасто бывают.

Я тоже налил себе в стакан.

— Ну, за твое будущее, — он тяжело вздохнул.

И кот исчез. Звонил телефон. Я поднял трубку...

— За вами числится долг за междугородные разговоры...

Опять разбудил телефонный звонок. Сердце билось так, что, казалось, вот-вот разорвется. Я положил под язык таблетку валидола и стал дышать по системе Бутенко, пока не успокоился. Привидится же такое!

Лучи солнца пронизывали занавески. Надо было вставать, идти в поликлинику. Укушенная котом рука болела. В больнице врач сказал: если кот бешеный, придется де-

---

лать сорок уколов. Кот оказался соседским — с тринадцатого этажа. Трудно описать радость хозяев, когда я его вернул. Когда же я сказал, что его надо нести к ветеринару и проверить на бешенство, соседи очень испугались — а вдруг кота усыпят, и совсем не испугались того, что мне придется делать сорок уколов.

Я все-таки их уговорил посетить ветлечебницу. И, слава Богу, кот оказался здоровым. Соседи очень обрадовались, забыв, правда, порадоваться за меня, что мне теперь не грозят сорок уколов. И понятно... Кот свой, красивый, молодой, а я уже не очень... Да и чужой.

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Я позвонил Игорю Сергеевичу сообщить, что заеду за ним, и мы вместе поедem к Вячеславу Евгеньевичу в больницу.

Со мной в машине всегда катается собачонка Рыжка, поэтому по пути у нас шли беседы о животных. Мы так увлеклись разговором о своих любимцах, что я не заметил, как проехал на красный свет.

Инспектор машет палкой. Останавливаемся. Игорь Сергеевич волнуется, а я сразу же вышел из автомобиля и открыл багажник. Подошел инспектор.

— Нарушаете, товарищ.

Хочу разжалобить инспектора искренностью:

— Увлеклись разговором с другом о собаках (он видит мою Рыжку — добреет). Вы уж, лейтенант (он — сержант), простите меня. Будем друзьями, я вам подарю свою книгу.

Сержант улыбается:

— Опять книгу? Вы, кажется, дарили мне уже эту книгу.

— Неужели? — смеюсь, и он — тоже.

— Ладно, поезжайте.

— В следующий раз я подарю вам новую книгу.

Сел в машину.

— О чем вы с ним говорили? — спрашивает Игорь Сергеевич.

— Да так, ни о чем, — не хочу рассказывать правду. — Все эти инспекторы одеты одинаково... Похожи друг на друга...

Приехали. Входим в больницу. Меня здесь уже знают. Вячеслав Евгеньевич лежит в отдельной палате благодаря моим стараниям. Организовал концерт в больнице, и сам выступил. Врачи, сестры смотрят на меня с уважением, и это уважение и внимание передается моему больному другу.

Вячеслав Евгеньевич встречает нас взволнованно, ищет, куда посадить. Игорь Сергеевич занимает единственный стул, а я пожимаю ему руки, стараясь найти какие-нибудь слова:

— Так торопились к вам, что я даже проехал на красный свет... Ну, а вы как? Вижу, глаза живые, скоро домой... О чем думаем, что читаем, что едим, что пьем?

— Очень много вопросов сразу, — Вячеслав Евгеньевич возвращается в свое обычное состояние. — О чем думаем? О разном: о плохом, о хорошем.

— Поделитесь хорошим.

Вначале о плохом, — Вячеслав Евгеньевич посмотрел на потолок. — Дело в том, что я уже однажды умирал.

— Как это? — поинтересовался Игорь Сергеевич.

— Да, да. Я уже знаю это состояние.

Я был еще довольно молодым человеком. Мы с женой обедали. Я встал из-за стола и направился в ванную помыть руки. Тогда мы жили в коммунальной квартире. Вошел в

ванную комнату... А дальше... Я даже не могу рассказать, что со мной было дальше. Вижу, что лежу на полу. Думаю, сколько же я так пролежал? Чувствую, ничего не болит. Легко встал. Возвращаюсь в комнату. Смотрю, жена сидит за столом, обедает. Значит, прошли какие-то секунды. Представьте себе: я умер на несколько секунд. И я не могу вам рассказать, что это такое.

— Но все-таки расскажите. Надеюсь услышать что-нибудь интересное, — попросил Игорь Сергеевич.

— К сожалению, мне нечего вам рассказать. Я не видел никакого рая, никакого ада. Несколько секунд меня просто не существовало. Я сел за стол, как будто со мной ничего не произошло. Жена даже не заметила, что ее муж только что воскрес из мертвых.

— Да... — протянул Игорь Сергеевич. — Вот что значит пролежать несколько дней в больнице — какие фантазии приходят в голову.

— Это не вымысел, а сушая правда. Умные люди придумали прекрасные сказки. Рай, ад... Чтобы люди не боялись смерти и надеялись, что их жизнь будет продолжаться.

После того случая я смотрю на жизнь и смерть по-своему. Почему мы делаем такое предпочтение себе, думая, что будем еще где-то жить?

У нас такой же организм, как у собаки, у лошади. Тот же мозг... Ну, немножко больше. Те же почки, та же печень. Они умирают, и о них не говорят, что они будут жить еще где-то...

Вот разбился вертолет, по кусочкам собрали тело замечательного человека Святослава Федорова... Как же он будет «там» жить?

— Считается, что «там» будет жить его дух, — смущенно сказал Игорь Сергеевич.

— Где этот дух? Вы считаете, что только у человека — этот дух? А у тигра, льва, слона — те же органы... Почему у них не должно быть духа?

Я убиваю таракана, кстати, они здесь есть, он хорошо бегаёт, у него те же инстинкты самосохранения, те же органы — почему же он не летит в рай или в ад, а летит в мусорное ведро? Так что, мои дорогие, после смерти от меня ничего не останется, кроме моих статей. Вот это и есть дух. Хорошая память о человеке — значит, считайте, что он попал в рай, плохая — вот он и живет в аду!

После паузы он задумчиво сказал:

— Кстати, я ещё раз просмотрел вашу книгу, — обратился ко мне Вячеслав Евгеньевич.

— Надеюсь, теперь вы будете рассказывать о хорошем, — пошутил я.

— Как вам сказать? Когда долго лежишь, приходят разные мысли и воспоминания.

«Вряд ли найдется человек, который в детстве не летал бы во сне. При этом возникает особое ощущение, будто постигаешь какой-то удивительно простой секрет, позволяющий отрываться от земли. И кажется, что достаточно этот секрет запомнить, точно так же полетишь и наяву.

В связи с этим не могу забыть одну поучительную историю. В детстве моему другу часто снился очень яркий сон: он взбирается на пригорок около родного дома, разбегаётся и, набрав скорость, отталкивается от какой-то особой (не любой, а именно — какой-то чудесной, особой) кочки и

летит, как птица. Этот сон был таким правдоподобным, что однажды мой друг решил проверить открытую им технику свободного полета. Разыскал ту самую «чудесную» кочку, взобрался на тот же самый пригорок, разбежался, прыгнул что было силы и — шлеп!

Одним словом, ему было и больно, и обидно. И после этого эксперимента больше никогда не летал даже во сне...»*

Вячеслав Евгеньевич смотрел опять в потолок, а потом заговорил, как будто ни меня, ни Игоря Сергеевича в палате не было:

— Я вспомнил об этом в связи с тем, что прочитал недавно выпущенную в свет издательством «Звонница-МГ» толстую книгу «Как я нарушил третий закон Ньютона», в которой ее автор Роман Иванович Романов, известный конференсье и заслуженный артист России, описывает свои многолетние самоотверженные попытки создать «инерцоид» — устройство, движущееся в пространстве только за счет внутренних сил.

Я внимательно прочитал эту книгу и хочу задать вопрос Игорю Сергеевичу. Поскольку вы за свою жизнь много рисовали детали машин и здесь, рисуя все варианты «Машин» Романова, разобрались ли вы в маловразумительном описании этой машины?

Игорь Сергеевич медленно поднялся со стула, подошел к спинке кровати и, стараясь не волновать больного, тихо сказал:

— Во-первых, «Машина» Романова Романа Ивановича никакого отношения не имеет к «инерцоиду».

---

* Цитата из статьи «О пользе лженауки» в журнале «Техника — молодежи», март, 2000 г.

Само слово «инерциод» предполагает движение машины под действием сил инерции, то есть центробежных сил. А если вы внимательно читали описание «Машины Романова», то должны были заметить, что в ней исключается всякое движение центробежных сил, — так как нет никаких эксцентриков. «Машина» динамически уравновешена. Я разобрался, хоть еще не видел ее в действии, но понял, что там есть остроумное решение, где опора появляется внутри самого механизма.

— Bravo, Игорь Сергеевич! — восторженно отреагировал я на слова моего друга-художника.

— Во-вторых, — продолжал Игорь Сергеевич, — «Машина» отображает реальное явление, когда в самом деле предмет может перемещаться, если в нем существует одностороннее давление.

— Ну, друзья, от вас действительно можно заболеть, — со вздохом сказал Вячеслав Евгеньевич.

В это время открылась дверь, и вошла молодая медсестра: — А ну-ка, Вячеслав Евгеньевич, поворачивайтесь, — приказала она шутливо, неся в руках готовый шприц.

Я подошел к окну, Игорь Сергеевич помог сестре повернуть больного.

Процедура заняла не больше минуты.

— А вам пришло время прощаться, — сказала вежливо девушка, уходя и закрывая дверь.

Вячеслав Евгеньевич занял прежнюю позу:

— Да... Так должен вам сказать: ваша книга имеет два положительных фактора. Первый — это ее тираж. Всего тысяча. Она может и не дойти до серьезного

читателя. И второй положительный фактор — сам автор. Серьезный читатель, я имею в виду читателя Дома ученых, посмотрит на название книги. Ого! Откроет ее. Но как только узнает, что об этом пишет артист, отложит ее в сторону. Если бы эту книгу написал ученый, сотрудник какого-нибудь института, он бы навсегда был отстранен от научной работы, а институт, где он работал, потихоньку расформировали бы. Зачем нужен такой институт, если его сотрудники занимаются лженаукой?.. Может быть, я немножко преувеличил. Но как могла пропустить цензура вашу книгу?.. Впрочем, я совсем забыл... Теперь можно говорить и писать что хочешь...

Вячеслав Евгеньевич тяжело вздохнул. Ему как будто стало холодно, и он подтянул одеяло, оставив открытыми только глаза.

Я не защищал книгу, я просто решил напомнить некоторые сведения из энциклопедии. Я говорил, глядя в окно и повернувшись спиной к больному:

— Майер — врач по образованию. Он за год до Джоуля и за пять лет до Гельмгольца сформулировал закон сохранения энергии. Его работы долго оставались не признанными и вызывали несправедливую и резкую критику. Это так повлияло на здоровье Майера, что он заболел нервным расстройством и был помещен в дом умалишенных, где подвергался чрезвычайно унижительному обхождению... И был оцenen только под конец своей жизни.

Я повернулся к Вячеславу Евгеньевичу, увидел его закрытые глаза и услышал мерное посапывание... Он спал.

Мы молча переглянулись с Игорем Сергеевичем, тихо вышли из палаты и закрыли дверь.

* * *

Однажды я рассказывал об устройстве «Машины Романова» преподавателю физики одного из московских институтов.

Этот доброжелательный человек целый час меня слушал и, наконец, с некоторым смущением сказал: «Я прекрасно понял все, что вы мне рассказали, я только не совсем себе представляю, какие же силы создают машине поступательное движение».

В связи с этим я вспомнил анекдотический случай: как-то великий изобретатель Стефенсон очень долго объяснял своей любимой женщине устройство созданной им первой паровой машины, и когда наконец он закончил свой рассказ, восторженная дама тихо спросила: «Милый, скажи, а с какой стороны у твоей машины нужно запрягать лошадей?»

Многие годы наблюдая на воде поступательное движение созданных механизмов, я не мог объяснить, почему совершается плавное движение плота, несущего на себе вращающиеся элементы, — хотя движение и незначительное, но явно однонаправленное.

Эксперты и люди технически образованные сразу объясняли это движение тем, что плот опирается на воду, или же вращающиеся элементы механизма, вибрируя, создают волны, поэтому возможно перемещение. Но на воде никаких волн не наблюдается, опора на воду невозможна, так как все вращающиеся элементы находятся на плоту и не соприкасаются с водой. Так в чем же дело?

Механика, как известно, самая древняя наука. Наши гениальные предки как будто не оставили нам в этой науке «белых пятен».

И все же...

Во всех учебниках мы читаем: «Действие всегда есть равное и противоположное противодействию».

Так сформулировал закон великий Ньютон.

Есть и такая формулировка: «Взаимодействия двух тел друг на друга между собой равны и направлены в противоположные стороны». (Собрание трудов А. Н. Крылова. ТУП, издание Академии наук СССР, 1936, с. 41.)

Итак, в прямолинейном движении действие и противодействие направлены по прямой в противоположные стороны. Во вращательном движении мы видим, что действие и противодействие направлены не только в противоположные стороны, но и друг к другу навстречу.

Следует разобраться, что собой представляют прямолинейное и вращательное движения. Это же два разных понятия, и в них могут быть разные взаимодействия. Как я уже сказал выше, во вращательном движении силы действия и противодействия не уходят в противоположные стороны в бесконечность, а остаются во внутренней вращающейся системе. В одном случае они направлены в противоположные стороны, в другом — идут друг другу навстречу. Все зависит от того, с каких позиций мы их рассматриваем. Эти силы во вращательном движении и открывают нам парадокс «Машины Романова».

Если бы я сейчас остановился и не стал писать следующие страницы, может быть, моя жизнь и не имела бы тех неприятностей, которые я предвижу. Но есть над нами силы,

которые совсем не считаются с нашим мнением и здравым смыслом.

Мы только потом узнаем, через многие годы, для чего эти силы заставляли нас это делать, и с благодарностью оценим и поймем их мудрое намерение.

Впрочем, эти слова некоторые читатели могут понять так, будто я снимаю с себя ответственность, и здесь нет моей вины. Нет, за все я в ответе.

Пересматривая и осмысливая варианты моделей конструкции, у меня появились сомнения: а нет ли все-таки более простого механизма, доказывающего этот принцип движения.

И я пришел к выводу, что все зависит не только от хорошо подогнанных смонтированных деталей, но и от масштаба большой шестерни, от длины радиуса, где расположен малый электродвигатель, обегаящий большую шестерню.

Я верил, что если шестерня будет в диаметре полтора метра, то эффект увеличится на столько же!

Но где же достать такую огромную шестерню?

Решил ехать на завод имени Хруничева.

В отделе пропусков узнаю телефон и имя-отчество главного инженера. Звоню по внутреннему телефону. Отвечает женский голос. По опыту знаю, что на этом месте сидит секретарша змей-собаковна с лицом кинокрасавицы. Стараюсь придать своему голосу самые мужские, сексуальные нотки.

— С вами говорит заслуженный артист России Роман Романов.

— Очень приятно, — звучит молодой голос.

— Пожалуйста, свяжите меня с Николаем Петровичем. (Говорю так, как будто мы с ним вчера пили пиво.)

— Минутку... (большая пауза) Говорите...

— Я слушаю, — звучит усталый мужской голос.

— Николай Петрович... вы, наверное, меня знаете, видели на концертах в вашем большом Дворце Горбунова.

— Я там не бываю...

— Или, возможно, видели меня частенько в телепередачах...

— Мне некогда смотреть телевизор.

— (Несколько обескуражен.) Может быть, моя фамилия у вас просто на слуху.

— Нет... Да что вы хотите?

— (Совершенно растерян.) Понимаете... Я хотел к вам обратиться... Может быть, ваш завод сможет сделать мне шестеренку...

Пауза.

— (С возмущением.) Неужели за шестеренкой вы обращаетесь на завод, где сейчас идет работа над секцией космической станции по американскому заказу?..

— (В полном смущении, подавлен.) Я откровенно вам признаюсь, я не только артист, но и изобретатель. Я получил даже несколько патентов на свои изобретения, и мне это необходимо...

Пауза, оба молчим.

— Вы где находитесь?

— В отделе пропусков...

— Сейчас к вам подойдет человек. Расскажите ему, что вам нужно... (Хлоп, трубка положена.)

Что же это получается?.. Никогда не знаешь, что лучше сказать — артист или изобретатель?

Очень скоро подошел человек. Вежливо поздоровался — он же выполняет задание главного инженера.

— Мне нужно сделать шестерню...

— Какого размера?

— Метра полтора, ну, в крайнем случае, метр двадцать.

Человек широко открыл глаза:

— Ничего себе, метр двадцать, у нас и станков таких нет. Если нам нужны крупных размеров шестерни, мы обращаемся на завод в Таганроге.

— Неужели в Москве нет такого завода?

— Мы как-то обращались на завод ЗИЛ. У меня, кажется, есть телефон главного инженера отдела главного механика. Может быть, он вам поможет...

Слава Богу, появилась надежда. Не надо ехать в Таганрог. Как его отблагодарить?

— Я хочу вам подарить свою книгу.

Его лицо сразу посветлело. Достает ручку.

— Прошу автограф.

Пишу на книжке самые добрые слова и вижу, как у меня на глазах меняется человек, на лице — добрая улыбка.

— А вот эту (достаю вторую книгу) обязательно передайте Николаю Петровичу, — пишу на ней самый восторженный автограф.

Еду на завод ЗИЛ и размышляю в машине.

Я заметил, что у всех людей есть одна слабость.

Я знал одного незаурядного человека. Он был простой рабочий, но особенный. Он даже ходил с молотком за поясом. Это был инициатор народного движения — ремдружинничества. Было такое движение в 70—80-е годы XX столетия.

Когда заходил разговор об артистах, он с наигранным безразличием говорил: «Я как-то с Аркашенькой разговаривал...» То есть он разговаривал с Аркадием Исааковичем Райкиным, и у окружающих создавалось впечатление, что он на короткой ноге с Райкиным.

Я удивлялся поведению этого умного человека.

Если же шел разговор о поэтах, он говорил: «Да, Женечка большая умница». Это значит, что он говорил о Евгении Евтушенко, который, возможно, и ни разу не видел его.

В Москонцерте работал артист-куплетист Николай Андреевич Кустинский. Он был уже в возрасте. Когда его спрашивали: «Николай Андреевич, так сколько же вам лет?» — он отвечал: «Как вам сказать... Я все-таки буду постарше Смирнова-Сокольского, ну а с Набатовым мы одноклассники» (популярные артисты того времени). Он себя сравнивал не с рядовыми артистами. Говоря о своем возрасте и упоминая имена знаменитых артистов, он тем самым причислял себя к когорте корифеев эстрады.

А я в последнее время заметил, что когда дарю свою книгу даже незнакомым людям, они обязательно просят автограф. Это, наверное, тоже человеческая слабость — иметь как бы особую близость к автору.

Я отвлекся и рассказываю об этом потому, что еду к ЗИЛу, и чтобы вы не скучали, развлекаю вас как умею.

Как раз в этот момент я проезжаю на красный свет светофора. Инспектор дает сигнал остановиться, машет палкой.

Выхожу из машины.

— Нарушаете, товарищ, а вижу, как будто не первый год за рулем.

— Простите, знаю, что совершил действительно большое нарушение, — хочу разжалобить инспектора искренностью: — Задумался о своей новой книге.

— Так вы что, писатель? — инспектору, видимо, надоело без дела стоять.

— Да, и артист, и писатель. А хотите, я вам подарю свою книгу?

Суетливо открываю багажник, достаю книгу.

— Вот тут и про артистов, и про науку.

Инспектор с любопытством смотрит на обложку, открывает книгу.

— Почитаю, да надо бы и автограф.

— Пожалуйста.

Пишу крупно самые хорошие слова. Инспектор доволен, улыбается и отпускает меня.

Книгу он, конечно, читать не будет, но автограф своим друзьям покажет с удовольствием.

Наконец отдел пропусков завода ЗИЛ. Как же мне теперь представиться? Кто я — артист или изобретатель? Но поскольку я еду от завода Хруничева, значит, я могу быть его представителем. Звоню.

— Это отдел главного механика?

— Да, а кто говорит?

— Я хотел бы обратиться к вам с заказом от завода Хруничева.

— Это для нас большая честь. А что вам нужно?

— Могли бы вы принять заказ — сделать шестерню?

— А что, ваш завод не может сделать такой пустяк?

— Да, не может, нет таких станков.

— А что за шестерня, какого размера, какой модуль?..

— Я бы хотел об этом поговорить не по телефону. Как к вам пройти?

— Сегодня сложно. Мы далеко от проходной. Некому занести пропуск. Давайте отложим на завтра.

Завтра. Меня встречает сам главный инженер отдела главного механика. Проходим в кабинет — небольшая застекленная комната, из которой просматривается большой зал, заставленный чертежными досками.

Есть станок. Могут сделать шестерню, но не более метра двадцать. Я не выдаю радости, я все еще представитель завода Хруничева. Но когда начинается разговор о больших сроках, я не выдерживаю, здесь уже должен «срабатывать» артист.

Главный инженер — молодой человек, он никогда не видел меня на сцене. Я достаю из портфеля свою книгу, раскрываю страницы с фотографиями звезд сцены. Вижу, как меняется его взгляд. Для него теперь я не только заказчик, но и человек совсем из другого мира, который ему неведом. И я начинаю понимать, что моя книга — это мое второе дыхание в завоевании людей на благо моих идей.

Он хочет показать мне свои технические знания. Прочитывает на компьютере все параметры огромной детали.

— Вам нужно встретиться с нашим технологом. От него будет много зависеть: и сроки, и нужный металл. Я советую — вы ему тоже подарите книгу. Он интересуется разными замысловатыми конструкциями, и артистами тоже...

Итак, составлена смета, шестерня будет стоить пять миллионов*. Где же я возьму такие деньги?

---

* События происходили до денежной реформы.

Захожу в комнату, где составляется смета. Сидят три молодые женщины.

— Добрый день, здравствуйте!..

Полная тишина. Наверное, в моем голосе уже нет тех звучаний, на которые вибрирует женское начало.

— Вы составляли смету моего заказа...

Женщины заняты, их взгляды в бумагах.

— Я понимаю, вы молоды и, наверное, не бывали на моих концертах?

Все трое подняли головы, интерес на лицах.

— А вы где выступаете?

— В Театре эстрады.

— Как ваша фамилия?

— Я Роман Романов... Впрочем, к сожалению, это вам ничего не говорит. Но... я вам покажу и даже подарю свою книгу...

И уже нет безразличных лиц. И опять, как и раньше, вопросы, вопросы о жизни артистов-звезд. Да, так устроен мир. Жизнь самого замечательного слесаря, умнейшего учителя, талантливого врача мало кого интересует, а какая-нибудь звезда сверкнет на экране — и ее жизнью интересуются все.

— Вы составили смету моего заказа — пять миллионов. Неужели эта железка стоит так дорого?

— Мы еще разок посчитаем, — говорит одна.

— Но меньше четырех не получится, — говорит другая.

— А вы пойдите к самому высокому начальству, может быть, вам, как артисту, они сделают бесплатно, — говорит третья.

И я пошел по высокому начальству...

Сидя в приемной и ожидая встречи с высоким начальством завода, я вспоминал прошлые годы... Бывший завод геофизики, где директором был Иванников, волевой и доброго сердца человек. Он выполнял все мои заказы для первых бредовых идей. Инженеры и мастера тратили на их исполнение многие рабочие часы, и мне это ничего не стоило. Это была система командного руководства.

Изменилось время, да и я тоже изменился.

Коммерческие интересы завода вступили в силу, и в этих условиях моя былая артистическая популярность и книга с автографами «не сработали».

Много дней я провел на заводе. Главный инженер и технолог, прочитав главу о «Машине Романова», еще не совсем ясно себе представляли, что может значить эта огромная деталь в моей машине, а в то же время с какой-то заинтересованностью решали технические вопросы.

Пытливый технолог все хотел понять, почему эта машина должна двигаться. Высказывал сомнения и в то же время водил меня по цеху, показывал огромный лист металла, из которого должны были сделать огромную деталь. Показывал станок, режущий зубья шестерни...

И чем больше я видел реальность своего заказа, тем больше появлялось сомнений: нужна ли для моей машины эта громадина металла?

Сидя в машине и следуя уже привычным маршрутом от завода к дому, я думал: по расчетам технолога эта шестерня должна весить примерно десять килограммов. Если поставить электродвигатель и другие детали, вес машины увеличится до пятнадцати килограммов... Какие же силы смогут сдвинуть эту махину?

Нет, это ошибка! Надо искать новые причины движения этого принципа.

В автомобиле думалось хорошо. Движение транспорта, шумное окружение нисколько не мешают чувствовать себя в одиночестве. И я думал: вспоминал все эксперименты за прошедшие годы. Почему одна модель явно показывала, что это уникальное движение существует, и вдруг стоит только внести в ту же модель какие-то минимальные технические неточности, как исчезало это движение, а с ним и вера в существование этого явления. Где же это слабое звено в прочной цепи классической механики?

Я подъехал к дому, а надо было еще заехать в аптеку, в продуктовый магазин.

Аптека на противоположной стороне, надо пересекать осевую, так все делают...

Болит сердце. Купил валидол и витамины для собачки.

Сажусь в машину, еду в продуктовый магазин. Надо опять пересекать осевую черту дороги.

Но что это? Навстречу мчится огромный «Джип». Стараюсь скорее переехать на свою сторону дороги. Шофер «Джипа» еще издали заметил, как я переезжал середину дороги, и боясь, что я не успею переехать на свою сторону, нажал на тормоз.

Зима. На дороге скользко. Его машину повело. Она потеряла управление, сшибла дорожный столб. Развернулась и ударила боком по торговому ларьку с автотоварами. Канистры с маслом, тосолом и другие товары разлетелись в разные стороны. И все это в какое-то мгновение происходит на моих глазах.

Выхожу из машины, подхожу к аварийному «Джипу». Из него выходит молодой, высокий, с бритой головой парень. Старается быть спокойным, но по дрожащим рукам и ошалелому взгляду виден огромный испуг.

Пытается что-то мне сказать. Но, не найдя нужных слов, хватает меня одной рукой за воротник, другая зависает надо мной. И в этот момент продавец, собирающий с дороги канистры, решительно встает между нами.

— Он ни в чем не виноват! Ты сшиб столб, где написано, что здесь можно ехать только со скоростью сорок километров. А ты жал на все сто двадцать! Я свидетель, он не виноват!

Шофер «Джипа» опустил руку, слегка оттолкнул меня в сторону. Обошел вокруг своей машины и увидел, что на машине нет никаких следов аварии. Только чуть-чуть помят номерной знак. Устало сел на стул продавца, закурил, глубоко затянулся и выдохнул «те» слова, подходящие к этой ситуации.

Я подошел к нему, вынул из кармана только что купленный валидол, оторвал таблетку.

— Возьми... Все в порядке... Может быть, я тоже немного виноват.

Положил и себе в рот таблетку.

— Посиди, отдохни... Успокойся.

Подошел к своей машине. Достал книгу. Вернулся к парню.

— Вот эта книга пусть тебе напоминает, что автомобиль создан для радости в жизни, а не для смерти.

— А ты кто такой?

— Почитаешь, поймешь.

Он посмотрел на обложку. Открыл книгу.

— Это что, ты написал?

— Да.

— Ну, тогда давай напиши и автограф.

* * *

Когда я возвращался с завода ЗИЛ и размышлял о своих многочисленных опытах, пришел к выводу: если шестерня и ее размер не влияют на скорость движения, так, может быть, за ее счет можно вообще облегчить вес всей конструкции?

Какая разница, обегает ли электродвигатель большую шестерню, или, наоборот, шестерня вращается от стоящего электродвигателя, и тогда габариты шестерни не будут иметь такого важного значения.

Когда я построил эту новую модель, у меня не было сомнения, что она должна показать такой же эффект движения, какой был у ранее построенной модели с большой шестерней.

Много дней перед опытом я прокручивал все вращающиеся детали, мысленно представляя себе, как плот, «нагруженный» этим механизмом, будет плавно перемещаться, плыть на поверхности воды.

И вот настал вечер (мне почему-то нравится поздно вечером проводить такие эксперименты).

Ванна была наполнена водой до предела, чтобы удобнее было видеть все реакции плота на поверхности воды.

И вот, наконец, я поставил на плот новую модель «Машины Романова».

Волнение перед опытом мне всегда напоминает мое состояние за кулисами перед выходом на сцену. Никогда не знаешь, что тебя «там» ждет. Но стоит сделать первые шаги по сцене и ощутить на себе «биополе» зала, и весь организм начинает жить в другом измерении.

Господи... Если ОН действительно есть, как бы я искренне перекрестился, но это ЕМУ не нужно, у НЕГО свои предназначения и ЕГО нам ничем не задобрить.

Господи, зачем я тяну время? Читатель, наверное, уже потерял всякое терпение — когда же я включу питание...

И я включил питание... Пришли в движение все вращающиеся элементы. Плот стоял на месте... И даже не было никаких других реакций. Почему? Ведь собраны все те же детали. Неужели столько лет прошло в заблуждениях? В ошибках?

Нет, надо вернуться к опыту с прежней машиной — к первой машине с большой шестерней. Но, к сожалению, я все разобрал, хотя она показывала прекрасный результат. Опять вера и надежда в свою правоту...

Нужно думать, нужно думать... Надо понять причину неудачи... Ночь... Надо спать... Засну ли? Заснул и крепко спал.

Утром со свежей головой пошел с Рыжкой гулять в лес. Я живу недалеко от метро «Войковская», в доме, рядом с которым находилась театральная студия Марка Розовского. Тут же и лес, и большая вода канала. Есть где гулять и думать.

И я стал думать. Но раздумья прервали две женщины. Они дарили религиозные брошюры. Счастливые, очень верят в то, что дарят. А я...

А я как увижу ромашку, не могу оторвать глаз. Кто же создал такое диво-чудо нерукотворное? Удивляют и цветовая гамма, и симметрия, а какой «механизм водоснабжения»!

Опять тот же вопрос — кто ОН, этот Создатель? И пока человечество будет жить, никогда не узнает, кто же этот Властитель, Создатель и Разрушитель!!! Потому что Вселенная бесконечна, а это значит, что и все таинства ее бесконечны — ведущие в никуда!

Господи... Ну зачем мне об этом думать, когда надо думать о том, почему плот стоит на месте. Что же я изменил? (Читатель, придется опять вернуться к механизму.) Я убрал большую шестерню. А что я добавил в эту новую модель? В предыдущем механизме, с большой шестерней, вся конструкция стоит на одной смещенной от центра стойке. Новую модель я поставил для прочности на две стойки.

Я точно представил себе, что моя удачная модель стоит на одной стойке, смещенной от центра.

Неужели в этом причина?

Рыжка набегалась, нагулялась, нанюхалась. Смотрит на меня: пойдём домой, я есть хочу...

Каждое утро завтрак; такой был вчера, неделю назад, месяц, и такой же сегодня — геркулес, геркулес, геркулес... Пенсия «делает» организм здоровым. Это уже я коснулся вопроса социального. Об этом хочется писать, но некогда, нужно успеть распознать новый принцип движения.

Думал, думал, думал. Какая же была последняя мысль в лесу?

Две стойки... В этой прочности есть какая-то «статичность». Решил убрать одну стойку. Оставил ту, на которой стоит в оси маховик.

Получилась какая-то консоль. Весь механизм как бы повис над плотом. Что это дает? Неужели все решает большая шестерня?

Не хочу проводить опыт днем. Наступил вечер... А вечером все время оттягиваю эту процедуру.

Устал от неудачных экспериментов. Раньше я утверждал, что неудачный эксперимент — это самый полезный эксперимент. А теперь боюсь, боюсь неудачи. Тяну время. Смотрю на экране какие-то эротические сериалы: он ее бросил, она его любит... Бесконечные темы любви... А я думаю: двинется, поплывет моя модель на поверхности воды или опять плот будет стоять на месте?..

Суббота, позднее время. Уже идет передача «Про это». Тоже смотрю... Как эта ведущая Ханга может задавать такие интимные вопросы?.. А ведь в самой есть нечто порядочное...

Все, надо работать!

Вхожу в ванную и что же я вижу? Пока я в течение дня и вечера оттягивал эксперимент, вся вода из ванны ушла. Из-за плохо прижатой пробки...

Вновь наливать воду — ждать полчаса. Открываю кран — вода не течет. Вспоминаю внизу у лифта объявление: «Воды не будет с 22 часов до 18 часов следующего дня».

Я рад! Какое счастье, есть еще время — часы надежды, они отдаляют меня от разочарований.

Завтра... То есть уже сегодня я должен выезжать на концерт. Каждый месяц меня приглашает директор клуба санатория «Подлипки». (Какое совпадение, в город, где строят космические корабли — город Королев.)

Целый вечер я выступаю на сцене этого клуба. Первая моя книга, в которой есть рассказы о популярных артистах эстрады, вызывает интерес у зрителей. И я выступаю теперь не только как артист, но и как автор книги.

Я вернулся домой в 9 часов вечера и сразу же открыл кран в ванной. Но опыты я решил все-таки провести позднее, тем более, что еще давали себя знать «остаточные» волнения, обычная реакция артиста после выступления.

Прослушал известия на всех каналах телевидения.

Двенадцать часов. Надо, наконец, решиться... Что особенного, ну и пусть еще одна неудача. За столько лет можно привыкнуть. Ведь я же строю не велосипед. Копаются в машинах автолюбители, лежат под кузовом с удовольствием. Им все известно в автомобиле, нужны только умелые, ловкие руки и любовь. А здесь, в каких-то примитивных шестеренках, решается следующая ступень познания фундаментальной науки.

Все. Ванна наполнена. На поверхности воды находится плот. Сейчас я должен на него поставить механизм. Несу в руках «Машину Романова», ставлю на плот, стараясь не думать ни о чем...

Включаю питание в электродвигатель. Завращались все элементы механизма, и я вижу, как плот... движется, плывет, но все же с некоторым креном...

Три часа. Надо спать... Я заснул.

Утро следующего дня не было похоже на предыдущее. Разогревая воду для чая, я всегда для скорости вставлял в кружку кипятильник. И сегодня утром сделал так же. Я вышел из кухни, чтобы посмотреть на плоды ночных трудов.

Сколько я смотрел на это, не знаю, но когда вернулся на кухню, увидел, что кипятильник горел, как лампочка, и, наконец, раздался взрыв... Кипятильник и кружка сгорели, но в этот странный для меня день почему-то никакие мирские огорчения не могли убить моих размышлений.

Я махнул рукой на груду сгоревшего металла и решил ехать в магазин.

Рыжка очень любит кататься со мной в машине. Я выехал из гаража и направился к ближайшему магазину. Он находится во дворе пятиэтажек.

Весенняя погода залила водой проезжую часть двора. Автомобиль едет, а колеса до половины в воде. И вдруг я слышу удар переднего колеса. Затем второй удар — заднего. Машина остановилась, заглох двигатель. Выхожу и вижу открытый люк, в который стекает вода. Заднее колесо прочно вошло в него.

Замечаю в стороне, возле магазина, парней. Подхожу к ним — на их лицах следы постоянного похмелья.

— Видим, отец... Вытащим, — говорит парень помоложе.

— Будут стоять бутылку, — продолжает мужичок постарше.

Подошли к машине, пытаются поднять ее заднюю часть. Никакого результата, колесо вошло глубоко в люк.

Я стою, смотрю на их безуспешную работу, и от того, что вижу, нет никакого огорчения. Как будто я живу теперь в каком-то ином измерении.

Один парень догадался, принес лом. Поместил под колесо, возник рычаг. Подняли и толкнули машину. Смотрю с благодарностью на парней. Даю им не на бутылку, а на три. Парни ошалело на меня смотрят. Какой-то чудак...

Разве им понять, что у меня сейчас на душе, и как они могут узнать, что я живу уже в ином мире, в другом тысячелетии.

ВТОРАЯ БЕСЕДА

Мы все трое встретились снова у меня дома после большого перерыва. Вячеслав Евгеньевич сразу же из больницы уехал в подмосковный санаторий «Подлипки». После такой тяжелой болезни он должен был пройти курс реабилитации.

Теперь он был здоров, но наблюдались кое-какие перемены в характере. Он стал не то чтобы добрее, а терпимее. Если и задавал вопросы, то они уже были не каверзные, а с желанием понять собеседника.

— Я помню, вы у меня в больнице уж очень рьяно защищали своего друга, — обратился Вячеслав Евгеньевич к Игорю Сергеевичу, шелестя бумажкой от конфеты. — Что вы имели в виду, когда сказали, что в конструкции «Машины» Романа Романова есть остроумное решение, когда опора появляется внутри механизма?

— Я полагаю, — с улыбкой ответил Игорь Сергеевич, — что мы сегодня будем не разговаривать, а смотреть «Машину Романова».

Он взглянул на меня и спросил:

— Ну, как, Роман Иванович? Покажете свое «чудо»? Надеюсь, сегодня Вячеслав Евгеньевич увидит, наконец, где

же скрывается эта опора, от которой совершается движение вашей «Машины»?

— Да у меня все готово, только наполню ванну. У нас сегодня отключили горячую воду, как всегда летом, так что теперь можно быстро налить воду — сразу из двух холодных кранов.

Я открыл оба крана и, чтобы эксперимент был нагляднее, решил заполнить ванну до самых краев, поэтому тряпкой закрыл и верхнее резервное отверстие.

— Я все-таки не понимаю, — обратился ко мне Вячеслав Евгеньевич, когда я вернулся, — почему вы свою «Машину» показываете только на воде. Вы утверждаете, что нашли секрет... опору внутри механизма, так почему же ваша машина перемещается только на поверхности воды? Вот что мне непонятно.

Я не мог на его вопрос ответить сразу и начал издалека:

— Почему я сравниваю свою машину с атомом? Потому что внутренние силы могут быть реальными только в механизме атома.

В самом деле, как природе удалось создать движение в условиях вакуума, где нет никакой среды, на что же там можно опираться?

Значит, надо было создать такой механизм, чтобы опора была внутри самого механизма. И природа сумела это сделать.

Наука о движении не может признать этого явления, потому что она не рассматривает атом как систему, способную перемещаться в пространстве с помощью сил, которые на Земле считаются невозможными, даже запретными.

— Позвольте, позвольте, Роман Иванович, зачем вы мне читаете лекцию? Что я, ученик, сижу на уроке физики?

Вы расскажите, какие силы заставляют эту вашу «Машину» перемещаться на воде... В чем я, откровенно говоря, сомневаюсь.

— Хорошо, перейдем к «Машине»... Она действительно напоминает атом. Видите этот маленький электродвигатель? Он имеет на своей оси маленькую шестерню. По существу, он в машине является электроном...

— Минуточку, Роман Иванович, я хочу вам напомнить... — перебил меня Игорь Сергеевич.

— Не перебивайте меня, — строго прервал его я, — мне нужно сказать самое главное. Люди используют только те природные способы движения, которые видят на Земле. Движения птиц, рыб, самих людей, но они же не заглянули в этот невидимый механизм, вот поэтому...

— Роман Иванович, остановитесь.

— Не перебивайте меня, Игорь Сергеевич! Мы же видим с вами, как разлетаются частицы газа, что их заставляет убегать друг от друга. А если мы разгадаем сам принцип...

В это время раздался звонок у входной двери.

— Кто-то пришел так не во время! — сказал я с досадой и пошел открывать.

Передо мной стояла женщина с широко открытыми глазами, соседка с нижнего этажа, а за ее спиной — председатель нашего домового кооператива:

— Что у вас опять происходит в ванной? — заикаясь, сказала женщина.

Я оглянулся. Вода была не только в коридоре, она уже лилась через порог в кабинет.

Я побежал закрывать краны и услышал строгий голос нашего председателя:

— Вы на последнем собрании жильцов клялись не делать больше таких безобразий...

Боже мой, что делать? Какой позор!.. Как жить дальше? Я действительно обещал собранию жильцов не делать больше «таких безобразий». Председатель повторил мою фразу. Подобные случаи с ванной у меня бывали и раньше, даже более драматичные, особенно, когда я жил на самом последнем, шестнадцатом, этаже. Я говорю более «драматичные», поскольку тогда подо мной на пятнадцатом этаже жил великий человек. Я говорю «великий», вкладывая в это слово истинный смысл.

Когда мы въезжали в наш дом, я имел право выбрать этаж. И выбрал самый последний, а великий человек в то время был рядовым членом кооператива, он вытащил жребий на пятнадцатый.

Когда у меня произошел очередной случай с ванной и я не мог больше переживать позор, мне неожиданно предоставилась возможность переехать в другую квартиру — ниже этажом. Я с радостью согласился и при этом отослал письмо своему соседу, великому человеку.

Вот какое письмо я написал. Из него вы поймете, кто же этот великий человек.

«Главе Русской Православной Церкви
Патриарху всея Руси Алексию II

Ваше Святейшество!

Нет слов, чтобы выразить мои огорчения после нанесенного Вам ущерба. Я прекрасно сознаю всю свою вину и готов всеми возможными средствами оградить Вас от забот,

связанных с восстановительными работами. В этом письме я хочу сообщить Вам новость: я переехал в другую квартиру, на несколько этажей ниже, в нашем же доме. Теперь над Вами живут соседи, которые не будут проводить эксперименты в ванной, а используют ее только по прямому назначению.

Вы в своих проповедях призываете нас, верующих, к миру, добру, всепрощению, и эти прекрасные слова из Ваших уст вселили в меня надежду на прощение.

В моей жизни много горя. Помяните в своих молитвах Серафиму Яковлевну. Она Вас любила, уважала и видела в Вас человека, отмеченного Богом, и даже хотела написать новую молитву, но Ваша мудрость подсказала ей, что молитвы, прошедшие века, — только они могут успокоить человека и служить Богу.

Желаю Вам здоровья и успехов в деле на благо Православной Церкви. Спасибо матушке Филарете, что она согласилась передать Вам это письмо.

С уважением Роман Романов».

Но эти «великие испытания» уже в прошлом.

ТРЕТЬЯ БЕСЕДА

Игорь Сергеевич с упреком сказал:

— Ну, когда же, наконец, мы будем смотреть вашу «Машину»?

— У меня все готово... хоть сейчас, вот только налью воду в ванну. Я уже встал, чтобы идти в ванную комнату, но в это время Вячеслав Евгеньевич истерически закричал: «Стоп, стоп, если вы будете опять наливать воду в ванну, у меня начнется сердечный приступ! Все, довольно! Я согласен смотреть вашу «Машину» здесь, прямо на столе. Я, надеюсь, пойму все ваши секреты без ванны. Давайте несите вашу машину, ставьте ее на стол. Вы нам расскажите, где там скрывается ваша опора.

Вячеслав Евгеньевич произнес все это так возбужденно, что я не стал спорить, опасаясь за его здоровье.

Я принес «Машину» вместе с плотом и поставил на стол.

— Поймите, друзья, — сказал я с огорчением, — если плот стоит на столе, то вы не увидите никакого движения, а если плот будет находиться с машиной на поверхности воды, вы увидите уникальное явление — для этого и нужна «невесомость» воды.

— Не сомневайтесь, мы пойдем все ваши заблуждения, я знаю, что такое невесомость на воде, я не одно лето плавал на байдарке.

— Очень хорошо, вы как раз мне подсказали, как вам проще объяснить это явление.

Когда лодка находится на воде и вы идете в ней, то лодка перемещается в одну сторону, а вы — в другую. Но практически вы остаетесь на месте. Это лодка передвинулась на несколько метров.

— Ну, хорошо, лодка передвинулась на несколько метров. Но для того чтобы лодка передвинулась вперед еще на несколько метров, вам нужно оказаться опять на носу этой лодки. Интересно, как это вам удастся? — с иронией спросил Вячеслав Евгеньевич.

— Вот это и совершает механизм, который состоит из взаимодействий шестерен. Но я думаю, что вам понятен сам принцип.

Вячеслав Евгеньевич потрогал шестеренки и даже покрутил ось электродвигателя.

— Да... — протянул журналист, — теперь я понимаю, почему вы написали такую толстую книгу, объясняя свою «Машину». В меньшей книге и не поймешь.

— Но вы-то все поняли?

Вячеслав Евгеньевич помолчал, пытаясь скрыть зевоту, но произнес:

— Нет. Это все плоды вашей фантазии. На самом деле здесь действуют совсем другие силы.

— Какие? — Я надеялся услышать какое-нибудь новое объяснение.

— Вы показываете свою «Машину» все время на воде... Двигатель вращает шестерни... Это же не гладкие колеса, от их зубьев возникает вибрация, а вода чувствительна. Вот вам и движение.

— Но почему же плот движется именно в эту сторону?

— Он опирается о воду... Мотор вращает детали в эту сторону. Если будет вращение в другую сторону, плот поплывет обратно.

Мне хотелось его ударить, но я удержался и, тяжело дыша, спросил:

— Как вы себя сейчас чувствуете?

— А почему вы меня спрашиваете об этом?

— Так... На всякий случай. Интересно, как вы переживаете боль?

— Я ведь уже рассказывал, как я умер. Я не чувствовал никакой боли...

Однако я был так зол... Мне хотелось, чтобы он еще раз умер и не воскрес. А сказал совсем другое:

— Я уважаю ваше мнение, но вынужден все-таки наполнить ванну, чтобы вы увидели, что происходит на самом деле.

Я направился к ванной комнате, но Вячеслав Евгеньевич догнал меня и схватил за рукав. Я вырвался. Между нами произошла не то чтобы драка, а какая-то возня. Он меня удерживал, а я вырывался.

Игорь Сергеевич встал между нами:

— У меня есть предложение. Вячеслав Евгеньевич вам не доверяет. Тем более, вы так взволнованы. Как сейчас наполнять ванну водой? Давайте устроим встречу в ванной

у меня в квартире. Я все подготовлю, вы привезете на машине свою модель и плот.

Мы вернулись в комнату. Вячеслав Евгеньевич тяжело дышал. Наконец мы оба успокоились.

— Извините меня, Вячеслав Евгеньевич. Я заставил вас так волноваться. Предложение Игоря Сергеевича очень хорошее. В самом деле, давайте встретимся и продолжим нашу беседу в другой обстановке...

Вячеслав Евгеньевич, смеясь, спросил:

— Я не оторвал вам рукав?

* * *

Какой позор! Хорошо, что Игорь Сергеевич вмешался и остановил нашу возню, а ведь дело могло дойти до драки, и только из-за того, что я не умею толково объяснить принцип своей «Машины»!

А ведь это не какой-нибудь компьютер... Но почему же и другие мои изобретения даже эксперты не могли понять, разобраться в них сразу. Впрочем, вот велосипед... Вначале люди понимали, что можно передвигаться на колесах за счет своих мускульных сил и отталкивались от земли ногами, сидя на этих колесах. Долгое время не догадывались, что свою силу можно передать через педали на зубчатые колеса и звенья цепи. И удивлялись, как это они раньше до этого не додумались. Очевидно, есть какая-то закономерность. Должно пройти некоторое время. Недаром часто говорят об этапах, которые должно преодолеть серьезное открытие. Вначале решают: «Этого не может быть». Потом: «Здесь что-то есть». И наконец: «Так и должно быть — в этом нет ничего удивительного».

Удивительно то, что ученые, специалисты, образованные люди, когда рассматривают мою «Машину», видят в ней лишь какие-то три шестеренки, смеются: что нового может показать этот механизм?

А когда я начинаю объяснять, не могут понять всех взаимодействий этого примитивного механизма.

Даже эксперты, выдавая мне патент на «Машину Романова», идут на компромисс, определяя в ней только «нетрадиционное движение на поверхности воды».

И все-таки в каждом изобретении и открытии должно быть то, чего раньше люди не видели, не замечали.

Вот об этом я должен рассказать и это показать в ванной комнате у Игоря Сергеевича, где мы все трое договорились собраться в назначенный день и час.

Игорь Сергеевич живет от меня очень далеко, на Алтуфьевском шоссе, и я решил ехать туда по Окружной дороге. Так я всегда к нему добирался. Вячеслав Евгеньевич, как всегда, был аккуратен и уже ждал меня, как мы договорились, — на остановке троллейбуса, где я должен был его «подобрать». Собачонка Рыжка сидела рядом со мной, а Вячеслав Евгеньевич расположился на заднем сидении.

— Вы давно водите автомобиль? — спросил он.

— Очень давно — больше тридцати лет.

Почему он об этом спросил: то ли боялся со мной ехать, или просто так, чтобы не молчать?

— А машина у вас старая?

— К сожалению, старая, но не волнуйтесь, — доедем.

— Я почему спрашиваю... У меня сын попал в аварию на такой же старой машине... Что-то там в ней сломалось. Надо чаще менять машины...

— Да, этот автомобиль у меня по счету уже двенадцатый...

— Ну, конечно, у вас есть деньги.

— Дело не в деньгах. Раньше машину можно было купить по разрешению и один раз в пять лет. Распределяли эти машины профкомы, месткомы, в общем, разное начальство. А я в то время был популярным артистом, ко мне относились с уважением, и я такие разрешения получал то в областной филармонии, то в Моссовете, то в других организациях, где можно было получить такую бумагу. Тогда нужно было собрать деньги только на первую машину, а дальше уже можно было менять без особых усилий и затрат. Желающих купить машину существовало сколько угодно. А теперь всё... Трудно продать и трудно купить. Нужны деньги.

Вячеслав Евгеньевич молчал, и я продолжил свой монолог:

— Я думаю, что машина при советской системе была первой миной, заложенной в так называемое социальное равенство. С появлением машины народ наконец понял, что не все люди равны. Идеологи хотели этот вопрос увести куда-то в сторону... Появился фильм «Берегись автомобиля». Судя по нему, автомобили у нас имеют только жулики, прохвосты и спекулянты. Если же кто и должен по праву иметь машину, то только уважаемый, известный ученый.

Сколько неприятностей я имел с машиной в то время, когда у меня бывали концерты в каких-нибудь отдаленных районах Москвы. На первой моей «Волге» впереди на капоте красовался олень — фирменный знак завода. В первый же день у ЦДСА, где у меня был концерт, этого оленя оторвали «с мясом». Люди не могли понять — что случи-

лось? Мы же все равны... Нам говорили об этом столько лет. Почему же он ездит на машине, а я хожу пешком.

Часто во дворах пятиэтажек вкапывают столбы на путях к подъездам. «Старательные» жильцы это делают не для порядка, а для того, чтобы выразить протест собственникам автомобилей. Я думаю, советская система своей идеологией «все равны» совершила непоправимый удар по психике человека. И в то же время наличие машин в самой унижительной форме расставляло людей по ступеням социальной иерархии.

Как-то у меня случилось недоразумение с покупкой машины, и я оказался в кабинете директора автомагазина. Эту должность занимал адмирал в отставке. Он же руководил и комиссионным магазином, где были выставлены на продажу подержанные иностранные марки, частенько и приличные, из посольств, но уже непригодные для их статуса. Вместе со мной в кабинет вошел молодой интеллигентный человек и обратился к директору:

— Я хотел бы приобрести в комиссионном магазине «Мерседес», но продавец сказал, что его можно купить только с вашего разрешения.

— А где вы работаете? — спросил у него директор несколько свысока, как, видимо, разговаривал у себя на флоте с подчиненными.

— Я работаю в институте...

— Кем? — уточнил директор.

— Младшим научным сотрудником.

— Вы слышите, — обратился ко мне директор, ища поддержки, — младший научный сотрудник будет ездить на «мерседесе», а директор его института — на «Жигулях»

или на «Волге»... Видели новоиспеченного «академика»? Если хотите приобрести машину, у нас там есть вполне приличные «Жигули», да и «Победа» еще в хорошем состоянии... До свидания.

Не знаю, слушал ли Вячеслав Евгеньевич мои монологи. Мы уже поворачивали с Окружной дороги на Алтуфьевское шоссе.

— Что, уже приехали? — спросил Вячеслав Евгеньевич.

— Да, еще один поворот. А что вы скажете по поводу моих рассуждений?

— К сожалению, я немножко задремал и не слышал...

Мы подъехали к дому, где жил Игорь Сергеевич.

Я вошел в этот дом два года назад, когда писал свою вторую книгу.

Я не знал, какой это был день и какой праздник. Войдя в квартиру, увидел, что весь пол комнаты был застелен зеленой травой, а у входа висели березовые ветки. Как я узнал потом, это был праздник — Троица. Вот в какой семье я оказался.

В комнате Игоря Сергеевича мы тогда долго обсуждали варианты чертежей и рисунков моей машины. В полдень в кабинет вошла его жена Надя — врач, милая, добрая женщина, с той приятной полнотой, которая вносит в дом уют, и позвала нас обедать.

На кухне аппетитно пахло свежими щами. Я сел за стол и уже взял ложку, как вдруг ощутил какую-то особую тишину. Надя молча стояла у стола, Игорь Сергеевич сосредоточенно смотрел перед собой в пространство и читал молитву. Я также встал и не садился, слушая его. Затем каждый перекрестился, и мы сели за стол.

Для меня тот обед со свежими щами и гречневой кашей с колбасой был уже не обед, а трапеза.

Религия за время советской власти прошла мимо меня и не оставила в моей душе никакого следа. Я думал, что и у многих других из моего поколения — тоже.

Оказывается, не так.

Удивительно то, что все мое поколение, сформировавшееся при атеистической пропаганде, теперь, оказывается, стало как раз самым активным и многочисленным приходом Русской Православной Церкви.

То ли с возрастом хочется верить, что где-то еще, возможно, будет жизнь, то ли с прожитыми годами приближаешься к истине...

Итак, мы с Вячеславом Евгеньевичем вошли в квартиру, где нас с нетерпением ждали. Произошло много суматохи. Гостеприимные хозяева приглашали к накрытому столу с вкусными угощениями, но Вячеслав Евгеньевич был неприступен, требуя переходить сразу к «делу».

Надя деликатно осталась на кухне, а мы, все трое, разместились в ванной комнате.

И все-таки обстановка для меня была непривычна, я даже не знал, с чего начать.

Плот с «Машиной Романова» стоял на поверхности воды. Мои друзья смотрели на меня и ждали, когда же я начну свои объяснения.

— Ну, расскажите, — наконец нарушил паузу Вячеслав Евгеньевич, — где же ваша опора?

— Минуточку, минуточку, — с испугом я смотрел на «Машину», — кажется, я забыл дома самое главное.

— Что еще? — строго спросил Вячеслав Евгеньевич.

— Забыл диски-маховики.

— Какие маховики?

— Вы же, наверное, помните — на рисунках в книге... На оси шестеренки должен стоять диск. У меня дома находится целый набор этих дисков-маховиков.

Когда я провожу эксперименты, я вставляю в малую шестеренку диски разной величины, разной массы, чтобы найти среди них наиболее соответствующий поступающей энергии.

— А что, без этих дисков ничего не получится? — раздраженно уточнил Вячеслав Евгеньевич.

— Да поймите, диск-маховик, находящийся на оси, является опорой!

— А что же будет без него?

— В машине не будет однонаправленного движения. Она будет перемещаться с креном, и может появиться даже ее вращение. Все, напрасно мы приехали — ничего не получится.

— Да, я помню, рисовал эти диски, — сказал задумчиво Игорь Сергеевич. — Так что же будем делать?

— Позвольте, позвольте, я хочу все-таки посмотреть, что будет происходить, если мы включим питание, — решительно сказал Вячеслав Евгеньевич.

— Машина не покажет того, что от нее требуется. Боже мой, как же я мог забыть самое главное?

— Успокойтесь, Роман Иванович, — произнес Игорь Сергеевич, — мы все-таки посмотрим, как она поведет себя без этих деталей.

— Что же, получается, я напрасно приехал. Нет... Включите питание, и я посмотрю, что происходит в вашей

«Машине», — не скрывая своего раздражения, сказал Вячеслав Евгеньевич.

— Вы увидите, как сейчас ее поведет в сторону, — сказал я. И... включил питание.

Завращались все элементы машины, и плот с креном, с поворотом стал перемещаться в ванне.

Вячеслав Евгеньевич, видя криволинейное движение плота, авторитетно констатировал:

— Все правильно, как я и говорил вам раньше. Все эти ваши «Машины» имеют криволинейное вращательное движение — вот вам и подтверждение того, что прямолинейного движения не может быть.

— Но поймите же, здесь нет той опоры, на которую машина опирается... — держа в руках отвертку, я стал возвращать плот на место и уронил отвертку в воду.

Меня возмутили слова Вячеслава Евгеньевича. Получалось, что движение машины как бы подтверждало его нелепую гипотезу «Вальсов Штрауса». Я потерял контроль над собой, ослабело внимание. Я полез в воду за отверткой. И тут произошло невероятное...

Ток ударил с такой силой, что я вскрикнул и потерял сознание.

На крик прибежала Надя. Меня перенесли в комнату, положили на диван. Надо мной хлопотала Надя как врач. С ее помощью ко мне вернулось сознание.

Так закончилась наша беседа.

* * *

Никогда не знаешь, кто возьмет в руки твою книгу, а у автора — одно желание: чтобы его идеи, мысли стали по-

нятны не только ему одному, но и остальным людям. Потому и пишешь в надежде, что, может быть, у какого-нибудь любознательного читателя появится интерес к книге. Ведь высказываются не только идеи, но к тому же рассказывает жизнь, в которой царят эти идеи.

Когда болеешь и лежишь в кровати, то думается хорошо. Снимается напряжение, нет забот. Болезнь оправдывает безделье и возникает покой — предвестник размышлений.

И я стал думать.

Я отказался от большой шестерни после размышлений в пути, возвращаясь с завода ЗИЛ. Кто меня направил на ложный путь?

Вариант «Машины» с большой шестерней показывал отличный результат, когда смотрела комиссия из космического агентства.

Как же я мог отказаться от того, что так естественно — «природно».

Я пошел по более простому, легкому пути и тем самым утерю само явление, которым одарила меня природа.

Я вспомнил, что появление большой шестерни не было случайностью. Я опять вспомнил Новосибирск и Наконецного.

Я разобрал свою «Машину», которую показывал комиссии из космического агентства. Мне казалось тогда, что механизм атома имеет другие принципы движения, и стал строить новые варианты «Машины», пытаюсь найти еще более убедительные доказательства этого движения. Но все механизмы, с которыми проводил опыты, не показывали

того эффекта, который я обнаружил ранее. Все модели плавали с каким-то креном. Я уже стал сомневаться: а может быть, действительно прав Вячеслав Евгеньевич со своей гипотезой «Вальсов Штрауса», но, вспоминая ту встречу и удивление зрителей моими опытами, вновь начинал верить, что это загадочное движение существует.

Мои думы прервал звонок у входной двери. Я встал с постели и открыл дверь.

Передо мною стояли мои друзья — Игорь Сергеевич и Вячеслав Евгеньевич. Пришли навестить «больного».

Все вместе мы вошли в мою спальню.

— Вот, лежу и ничего не делаю...

Игорь Сергеевич, глядя на свои руки, сказал:

— Ехал в троллейбусе, хватался за поручни, мне бы хотелось помыть руки.

— Помойте руки на кухне, а то у меня в ванне белье замочено...

Я увидел, что Игорь Сергеевич направился не в кухню, а к ванной комнате.

Через минуту он вернулся, хитро улыбаясь: ванна была с водой, и на поверхности воды стоял плот. Я проводил опыты и в больном состоянии.

— Да, плохо лежать и ничего не делать...

— Как вы себя чувствуете? — спросил Вячеслав Евгеньевич с некоторым сочувствием.

— Ничего, поправляюсь, — ответил я сдержанно, памятуя его фразы при последней встрече.

— А мог бы произойти и более драматичный исход после ваших опытов, и наука понесла бы большую утрату, — пошутил Вячеслав Евгеньевич.

— Да, недавно я видел по телевидению — убийство происходит в ванне при помощи короткого замыкания, — продолжил Игорь Сергеевич.

— А для меня эти опыты в ванне показали убийство самой идеи, — развивал свои мысли Вячеслав Евгеньевич. — Стало очевидным, что попытки дилетантов, которые стремятся создать машины, где используются внутренние силы, тщетны. Я увидел то, что и предполагал — все эти машины совершают только криволинейное движение, что бы ни утверждал наш дорогой Роман Иванович. Так что прямолинейного движения в своей «Машине» он никогда не увидит.

Такого вывода я не мог ожидать.

— Однако я предупреждал вас, — во мне пробуждался настоящий гнев, — что этот опыт как раз и покажет криволинейное движение. Другого не могло и быть. Диски, которых не было в «Машине», должны были создать опору, и тогда вы увидели бы прямолинейное движение... Я вам могу сейчас это показать — у меня все было готово в ванной. (Я пытался в опытах использовать тяжелые диски, которые, как мне казалось, создавали эффект стабилизации в «Машине».)

— Нет уж, избавьте, я не хочу быть свидетелем самоубийства. Мне достаточно предыдущего эксперимента.

— Игорь Сергеевич, — сказал я шепотом, — уведите этого человека, а то я... сейчас...

Я схватил маленькую подушку и, уже не управляя своими эмоциями, бросил ее в Вячеслава Евгеньевича. Он поймал подушку и отбросил на кровать. Подняв брови и прищурив глаза, сказал своим низким голосом:

— Майер сошел с ума, зато он все-таки открыл закон сохранения энергии... Стоит ли вам из-за этого вашего «инерцоида» следовать за ним?

Повернулся и, не попрощавшись, ушел.

Игорь Сергеевич вынул из кармана таблетку валидола и поспешил ее передать мне.

А жизнь продолжалась. Но как назвать мои поступки? Шутка ли, бросать в человека предмет только потому, что не можешь доказать правоту своей идеи. Впрочем, я видел, что и в нашем парламенте бросают друг в друга разные предметы, обливают водой, а ведь как будто тоже интеллигентные люди.

Но они дерутся за правоту государственных идей... А я?

Я дерусь за идеи еще более масштабные. Изобретение Стефенсона — паровоз — положило начало сближению, общению людей. Автомобиль, самолет еще более ускорили этот процесс. Способ движения — это ускоритель человеческой деятельности. Развитие цивилизации сопряжено с ускорением всех ее жизненных процессов, а главное — способ движения.

Нужно искать новые принципы движения не в фантастических романах, а в реальных законах механики, которые мы еще не открыли, не распознали.

Я пишу книгу о «Теории парадоксального движения».

Почему эту теорию я назвал парадоксальной? Потому что это сегодня, сейчас, она кажется парадоксальной. Пройдет какое-то время, и она станет понятна всем, в ней уже не будут находить никакой парадоксальности, так как поймут естественные процессы движения, основанные на законах механики.

Закон действия и противодействия является основой теории. На протяжении веков этот закон не нашел иной формулировки, но само явление в «Теории парадоксального движения» вносит некоторые изменения и в формулировку этого закона. Поскольку в самом принципе движения действующие силы создают опору внутри механизма, мы уже не можем трактовать этот закон так, как он ранее был сформулирован...

Мои друзья ушли. Я остался лежать в постели.

В голове прокручивались все варианты построения моделей. И я вновь вспомнил, что только одна модель, которую видели представители космического агентства, показывала прямолинейное движение. Она и была основа и вера в существование нового принципа движения — где могут действовать внутренние силы.

С этой верой пишется и книга под названием «Теория парадоксального движения».

Почему же появились сомнения?

Они появились тогда, когда я разобрал свою действующую «Машину» с большой шестерней. Мне казалось, что в ней действуют не те силы, которые действуют в механизме атома. Я стал искать эти силы и ушел в какие-то дебри заблуждений. Я устал от неудачных опытов, наблюдая на поверхности воды криволинейное движение своих механизмов. Я стал думать о конструкции единственной удачной модели и вспомнил, что там была одна деталь, какой уже не было ни в одной из последующих механизмов...

Много лет назад я как-то пришел на завод, где директором был мой друг Иванников.

В коридор из одного цеха вышел парень с тележкой, на которой лежал ящик с металлическим мусором. Встретившийся мне главный инженер шутливо сказал: «Вот для вас, изобретателя, может быть, найдется что-нибудь интересное из того, что мы выбрасываем».

В ящике лежали подшипники, болты, какие-то узлы механизмов. И все это называлось — «мусором».

Я порылся в ящике и обнаружил блок шестеренок. Это был миниатюрный дифференциал. Параллельно стоящие конические шестеренки соединяла вертикально стоящая маленькая шестеренка.

Все эти шестеренки стояли на подшипниках и вращались с минимальным трением, и я подумал, что, может быть, для чего-нибудь мне это пригодится.

Этот дифференциал долгое время лежал у меня тоже в «мусоре», и, наконец, я решил использовать его в своей машине.

Когда я наблюдал прямолинейное движение машины на воде, я думал, что это происходит только потому, что все шестерни дифференциалов вращаются на подшипниках с минимальным трением, не понимая, что дифференциал являлся стабилизатором, не давал машине создавать вращающееся движение...

Эти воспоминания так возбудили меня, что я сразу почувствовал себя здоровым, встал с постели и пошел на кухню — в свою «мастерскую».

Три дня я не выходил из кухни, работая по двадцать часов. Восстанавливал ранее разобранный механизм. И когда я ее собрал и поставил на плот, увидел опять то, что ранее видела комиссия из космического агентства...

* * *

Целую неделю я переписывал текст уже написанной книги. Наконец набрал номер телефона машинистки — надо же внести исправления в рукопись. Но никто не ответил на мои звонки.

Пока я терпеливо ждал ее телефонного звонка, она лежала в больнице со сломанной ногой. И так, она оказалась в больнице, а рукопись в это время лежала в ее опустевшей квартире. Это значило, что вся работа приостановилась. На недели, на месяцы, на долгое время. И только когда она вернется в свою квартиру, работа возобновится.

Что же мне оставалось делать?

Продолжать работать.

Я еще более усидчиво работал в ванной и в тысячный раз наблюдал, как перемещается моя «Машина» на поверхности воды. И вот тут я и обнаружил самое главное! Волновое движение в самой «Машине».

Машина с названием «Машина Романова», построенная из «железа», вдруг показывает самое скрытое явление атома. Волновое движение и дискретность — прерывистость этих волн на определенных участках окружности.

В учебниках и энциклопедиях нигде не отражено это явление, а я вижу это волновое движение в каких-то шестеренках своей «Машины». Кто же устроил это?

Женщина ломает ногу, чтобы за время, пока она лежит в больнице и переживает свое горе, родилось чудо!

Кто же мог вмешаться в мою жизнь, в мою работу, в открытие волнового движения?!

Я рассказал обо всем своему другу-художнику: как горе одного человека может обернуться радостью для другого. Игорь Сергеевич посмотрел на меня с улыбкой и сказал: «Вы, Роман Иванович, опасный человек. Может быть, и мне уготована судьба сломать руку для появления новых ваших идей?»

Шутки шутками, но я понял, что надо начинать новую главу в книге — о новых свойствах обнаруженного явления. Это значило, что книге еще рано отправляться «в печать».

Бедная женщина лежит в больнице, а я пишу новые страницы о своей «Машине».

Когда пришло время привести в порядок написанные страницы, созваниваюсь со своей машинисткой, которая раньше печатала все мои рассказы и статьи. Утро. Торопливо одеваюсь, бреюсь. Машинистка ждет меня в назначенный час.

Троллейбус подвозит к метро. Спускаюсь на платформу, подходит поезд. Успеваю сесть в последний вагон.

Еду. Сажу, смотрю на противоположное сидение. Мое внимание привлекает женщина, которая выделяется только тем, что держит в руках бутылку то ли с водой, то ли с пивом.

На следующей остановке освобождается место рядом со мной. Я даже и не заметил, как эта женщина с бутылкой пересела на освободившееся место рядом.

Сидим молча. Вдруг женщина с бутылкой обращается ко мне:

— Туда, куда вы едете, вам не надо ехать...

Я поворачиваюсь к ней, она повторяет:

— Туда, куда вы едете, вам не надо ехать.

Я совершенно обескуражен, но все-таки отвечаю:

— Зачем вы мне это говорите?

И чтобы отвлечься от нее, обращаюсь к рядом сидящей девушке:

— Что за журнал вы читаете?

— О строительстве космической станции...

Возникла пауза. Поезд подъезжал к нужной мне станции. Выйдя из вагона, внимательно слежу, каковы будут дальнейшие действия этой странной женщины, но поезд увез ее. Сказанная ею фраза не оставляла меня в покое. Я шел к машинистке, предполагая, что же может со мной случиться? Шел внимательно, оглядываясь, — не споткнуться бы, не попасть под машину...

Я вернулся домой без всяких приключений, но фраза, сказанная той женщиной, засела в мозгу. Я не мог освободиться от нее и вечером, и ночью, но все-таки заснул.

— Ну вот мы и встретились, — услышал я голос из кухни.

За столом сидел уже знакомый мне кот и мешал ложкой дымящийся кофе.

— Вот пью кофе. Решил попробовать рекламный паке-тик, который сунула тебе в руки продавщица из универсама «Магистраль».

— Что тебе надо?

— Надо поговорить. Ты думаешь, как у тебя все ловко получается. Посмотрел в ванне, увидел и победил?

— О чем это ты?

— Не притворяйся, — кот хлебнул из ложечки и, обли-зывая ее, сказал: — Все, что ты делаешь, не обходится без моего участия. Я знаю, ты радуешься. Восстановил машину

и увидел тайну тайн, шутка ли, — волновое движение атома в своей «железке».

— А ты что, следил что ли? И что ты понимаешь в этом?

— Хочу тебя успокоить: женщина в метро с бутылкой пива — это моя затея, чтобы ты немножко поволновался, а когда ты волнуешься или болеешь, тогда и встречаешься со мной. Но это так...

— Кстати... — кот сделал хитрую морду. — Как дела с книгой?

— К сожалению, все остановилось.

— Ай-ай-ай.

Я чувствовал, что кот хитрит и что-то скрывает.

— И почему же это происходит?

— Женщина, работающая на компьютере, заболела.

— А что с ней?

Опять хитрая морда у кота.

— Случайно поскользнулась и сломала ногу.

— Ай-ай-ай, говоришь, случайно?

— Да, случайно.

— Случайно, мой дорогой, ничего не бывает, — кот отставил в сторону чашку, как будто готовясь к серьезной беседе. — Придется тебе рассказать. Помнишь, жена твоя в Новосибирске повредила ногу, а ты в это время встретился с Наконечным, который сделал тебе эти железки — шестерни.

— Да, я помню это печальное событие. Жена не выступала и лежала в постели с больной ногой.

— Почему печальное, наоборот — радостное. Тебе Наконечный сделал основную деталь твоей «Машины».

— Да, ты мне это уже рассказывал. Ничего лучшего не мог придумать.

— Как ты думаешь, для чего твоя «компьютерша» сломала ногу?

— Я догадываюсь, но у тебя нет никакой фантазии. Тогда ты уложил на больничную койку мою жену, теперь ломаешь ногу у другой женщины. У тебя один метод — мне сломал руку в детстве, жене ногу... Калечишь людей.

— Я иду по жизненной правде. Это у Булгакова одни фантазии, а у меня все события жизненные. Да, мне надо было устроить так, чтобы время работало на тебя... Вернее, на дело... ОН не мог допустить, чтобы твоя книжка вышла без самого главного. Ты же наконец построил настоящую машину, обнаружил волновое движение в твоей «железке»?

— Откуда ты такой... умный?

— Я перечитал все учебники, энциклопедии. Даже знаю уже все постулаты Бора. А то, что тебе удалось сделать за время болезни этой женщины, будет главным в твоей книге... Как ты думаешь, стоило ломать ногу, чтобы узнать неведомое и описать это в книге?

— У тебя нет никакой жалости к людям. Теперь я понял, что ты на службе у сатаны. Это его влияние, поэтому тебе не жалко и нашего Спасителя. Ты, конечно, не читал Булгакова и не знаешь, как он описал ЕГО жизнь, трагедию, муки и смерть!..

— Да, не жалко, потому что ЕГО страдания дали людям успокоение. И самое главное — веру... И главное, когда люди становятся совсем скотами, в них даже в этот момент пробуждается благоразумие, поэтому вы и живете все-таки по-человечески. Горе, страдания одного принесли за

две тысячи лет миллионам людей веру и надежду на радость... — кот лениво потянулся. — Ладно, поговорим о тебе. Неужели ты не догадался, почему все твои встречи и беседы с друзьями заканчивались ничем?

— Что значит, ничем?

— Вспомни. В первый раз, когда вы приготовились смотреть твою «Машину», что произошло?

— Я помню — потух свет.

— А вспомни, почему вода перелилась через край ванны и затопила твоего соседа? И, наконец, кто тебя заставил лезть руками в воду за отверткой. Вспомнил? На что ты надеялся? Неужели ты не понимал, что «Машина» в том варианте — твое глубокое заблуждение. Мне надо было, наконец, вывести тебя на правильный путь. Но я только выполнял, как умел, ЕГО задание...

Кот исчез. Рыжка прыгнула на кровать. Я проснулся. Звонил телефон. Утро, на часах одиннадцать. Я снял трубку.

— Роман Иванович, это я, Лидия Михайловна. Я уже дома. Хожу пока на костылях, но уже набрала вашу книгу...

— Спасибо. Вы сделали героическую, но напрасную работу...

— Почему напрасную?

— Книгу будем набирать заново...

— Почему? Кто это решил?

— ОН!!!

Связь прервалась. Наверное, ОН не хотел, чтобы о НЁМ говорили всуе, тем более, по телефону. Начинался день. Планета Земля повернулась моей стороной к звезде с названием — Солнце. Свет «оплодотворял» своими квантами частицы атомов. И все завертелось как всегда.

Жизнь продолжается.

Теперь я с нетерпением ждал встречи с Вячеславом Евгеньевичем. Но как же нам продолжать беседы, если он ушел, даже не попрощавшись? Мы оба виноваты, но я, наверное, больше. Я решил написать ему письмо:

«Дорогой Вячеслав Евгеньевич!

То, что между нами произошло, не может помешать нашим творческим встречам.

Да, я виноват, но и Вы должны меня понять. Можно ли было пережить те Ваши обидные слова, будто последний эксперимент в ванне «убил мою идею»?

Вы не видели настоящего, полноценного эксперимента, и у Вас нет основания делать такие выводы. Но Ваш критический ум мне необходим. Вы заставляете меня думать и находить более конструктивные решения, что мне и хотелось Вам показать, считая это вашей заслугой.

По существу, эта машина раскрывает одно важное явление. Мне кажется, что люди, изучая механику, не заметили и «нечаянно» пропустили очень важное звено. Это скрытое звено в механике можно обнаружить только в невесомости, то есть на воде выявляется вся сумма реакций вращающихся элементов. Поэтому я так настойчиво предлагаю смотреть эти опыты именно на воде. Однако это обстоятельство вызывает еще большее недоверие к новому принципу движения. Действительно, какие же могут быть перспективы у этого принципа движения, если его можно наблюдать только в ванне?

Хотелось бы напомнить, что все новое всегда начинается с «чего-то». При своем рождении автомобиль перемещался со

скоростью не более пяти километров в час. Люди пытались летать. Однако что же представляли собой их первые полеты? Они строили крылья, еще не понимая, каким способом можно опираться о воздух. Сегодня мы смеемся, когда видим в кинохронике падающие на землю «этажерки».

В моих экспериментах я нашел главное, что и станет основой нового принципа движения. Я нашел способ, как замкнутую систему превратить в систему, способную к перемещению.

Я нашел способ, как электроэнергию посредством электродвигателя можно использовать для движения в условиях невесомости и вакуума. Наконец покончено с заблуждением, что какие-то эксцентричные системы инерционных сил пригодны для поисков нового принципа движения.

Поэтому я еще раз Вам напоминаю, что название «инерциод» никакого отношения не имеет к моему изобретению, и Вы это поймете, когда увидите мою машину в действии.

Забудьте обиды, вернемся к нашим интересным встречам.
С пожеланием Вам здоровья

Роман Романов.

На мое письмо последовал обнадеживающий ответ. Вячеслав Евгеньевич сам позвонил и спросил, когда мы можем встретиться.

Итак, установился мир.

ЧЕТВЕРТАЯ БЕСЕДА

Мы снова встретились втроем у меня в квартире. Ванна была уже наполнена водой.

— Не волнуйтесь, Вячеслав Евгеньевич, я буду внимателен и не полезу руками в воду.

Вячеслав Евгеньевич был чем-то озадачен и выглядел уставшим:

— К сожалению, я могу оставаться у вас совсем недолго. Мои дети уехали отдыхать в Италию и оставили мне внука. Я должен сегодня забрать его из детсада. Вы не представляете, какую жизнь устраивает мне этот мальчик! Почти как в рассказе О. Генри «Вождь краснокожих». Я не знаю, что меня ждет сегодня, — он тяжело вздохнул.

Мы слушали его сочувственно, однако все внимание сосредоточили на предстоящем опыте.

Разместились, как и прошлый раз, в ванной.

Я возбужденно сказал:

— Сейчас, наконец, вы увидите потрясающий эффект! Машина проделает целый путь от одного края ванны к другому. Вот смотрите!

Я подключил питание к электродвигателю, и машина на плоту начала свое прямолинейное движение на поверхности воды.

Наблюдая это движение, Игорь Сергеевич зааплодировал. Он увидел, наконец, свой рисунок в движении. Побежал к пианино и заиграл торжественный марш. Я радостно засмеялся. Все-таки мне удалось показать Вячеславу Евгеньевичу прямолинейное движение своей машины! Он, несколько смущенный, тоже улыбался.

Я продолжал возвращать машину в исходное положение и подключал питание, вновь и вновь изумляя своих друзей картиной удивительного движения. Вячеслав Евгеньевич перестал улыбаться. Он хотел понять, почему же машина движется прямолинейно. Вдруг и он засмеялся, поднялся со стула и спросил:

— Скажите, пожалуйста, а у вас случайно не найдется какого-нибудь постоянного магнита?

— А зачем вам магнит? — удивился я. — Конечно, у меня есть разные магниты. Когда-то в молодости я пытался с помощью магнитов создать «вечный двигатель», однако прочитал Перельмана, да и сам пришел к выводу, что это бессмысленная затея...

— Принесите любой магнит — я вам покажу один фокус.

Порывшись в ящике, я нашел магнит и принес в ванную.

— Вот смотрите, — Вячеслав Евгеньевич взял из моих рук магнит. — Я сейчас покажу, почему ваша машина пере-мещается в ванне, именно в ванне — прямолинейно.

Он, как фокусник, демонстрирующий свой фокус, поднял руку с магнитом:

— Смотрите! — и приложил магнит к ванне. Магнит прочно прилип к ней с внешней стороны.

— Ну, и что же? — спросил я, не понимая.

— А то же. К сожалению, у меня нет времени, я должен уходить.

— Подождите, я не понимаю, зачем вам понадобился магнит?

— Какая связь магнита с машиной? — торопливо задал вопрос и Игорь Сергеевич.

— Очень простая связь, — сказал Вячеслав Евгеньевич, чувствуя свое превосходство. — Машина плавает посередине ванны — между ее краями. Двигатель включен и представляет собой электромагнит. Принцип машины такой: она стремится сделать крен, как я утверждал ранее, а стенки ванны реагируют на электромагнит и ее движение выпрямляют — вот и все. Оттого мы и видим прямолинейное движение машины.

Игорь Сергеевич и я открыли рты:

— Как?

— Что вы говорите?

— К сожалению, я должен уйти, — Вячеслав Евгеньевич посмотрел на часы. — В детском саду — строгий распорядок. Извините...

Он откланялся и торопливо ушел.

Мы с Игорем Сергеевичем молча смотрели друг на друга. Поведение Вячеслава Евгеньевича напомнило мне одну встречу с космонавтом Джанибековым. Я описал ее в предыдущей книге, но расскажу о ней и сейчас.

Несколько лет тому назад я создал прибор «Парадокс Романова». Этот прибор показывает действительно любо-

пытное явление (тоже родившееся во время бдения у ванны). Мне казалось, что такое явление должно быть изучено в космической промышленности. Но как сообщить об этом и заинтересовать людей из этого ведомства?

И вот однажды на юбилейном банкете Василия Дмитриевича Захарченко я встретился с космонавтом Владимиром Александровичем Джанибековым.

Первые поколения космонавтов — Герман Титов, Павел Попович, Валентина Терешкова и другие — часто видели меня на торжественных вечерах в Доме культуры имени Жуковского, да и у себя в городке, а Джанибеков был из другого поколения. Он никогда не видел меня на сцене. И на этом вечере сдержанно, с предубеждением, общался со мной. Что, мол, за артист, все навязывающийся на знакомство?

Однако произнесенный мною тост в адрес юбиляра как будто «раскрыл» меня перед ним выгодно. Словом, я почувствовал его расположение. Обменялись телефонами...

И через некоторое время добрый, умный, общительный Джанибеков подъехал к подъезду моего дома на «Волге».

На столе его уже ждали самые дефицитные закуски, на которые я только был способен, но это мы отложили на потом, а сначала я «морочил» ему голову объяснениями нового принципа движения. И надо было все-таки посмотреть, что же происходит в ванне.

Мы вошли в мою «лабораторию». Я включаю питание, и мы оба наблюдаем, как легкий плот с этим прибором (тогда еще более примитивным) медленно, но плавно перемещается на поверхности воды. Я кратко высказываю свою версию — почему это происходит.

Владимир Александрович Джанибеков смотрит внимательно. Задумывается, поднимает голову вверх, снова смотрит на движение плота и наконец говорит уверенно, без доли сомнения: «Это движение происходит потому, что здесь действуют магнитные силы Земли!» Я растерян... Почему?

Почему эти магнитные силы влияют на движение плота?

Это что же, я сделал компас? Но плот может перемещаться не только вдоль ванны, но и поперек... Как же на него могут влиять магнитные силы Земли?

Однако авторитет космонавта для меня непререкаем.

Садимся за стол. Думаю, может быть, граммов двести повернут его мысли в нужное мне русло. Пьем, закусываем и говорим о том же... Даже триста граммов не изменили ранее высказанную им версию.

Мы расставались очень дружелюбно, но каждый при своем мнении. Меня волновало только одно: сможет ли он доехать на машине после четырехсот граммов? Я стал его уговаривать взять такси. «Что вы, — с улыбкой сказал мой знаменитый гость. — Это для меня все равно, что для слона дробина... А инспекторы ГАИ мне не помеха». Крепко пожал мне руку и твердым шагом пошел к лифту.

Я замечал: часто бывает так, что высказанное вначале мнение потом очень редко меняется, и с грустью думал о перспективе моих экспериментов. Трудно будет Вячеславу Евгеньевичу изменить свое мнение теперь, если он высказал его так уверенно и убежденно.

ПЯТАЯ БЕСЕДА

Такого поворота событий я не ожидал. Главное огорчение заключалось в том, что теперь я лишился возможности показывать свою «Машину» Вячеславу Евгеньевичу в ванной.

Меня всегда удивляло, что люди находят более сложные объяснения явлению, которое на самом деле много проще. Когда я изобрел катамаран, перемещающийся на воде посредством сосудов, то при обсуждении этого изобретения в телепередаче «Это вы можете» я наслушался самых нелепых объяснений его движения: это и «вечный двигатель», и следствие гидравлического удара, и прочее, и прочее.

Все эти нелепости звучали из уст образованных людей с учеными званиями.

На самом же деле входящая в сосуд вода вытесняла из него воздух, и чем быстрее вода входила в сосуд, тем с большей скоростью уходил из сосуда воздух, создавая реактивную силу. Однако демонстрация этого прибора не могла вызвать сомнения в его однонаправленном движении. Действовали традиционные, известные реактивные силы.

А здесь каждое нелепое высказывание надо было опровергать не словами, а действиями. А действия могли быть только на воде.

И вот, как-то проезжая на автомобиле по Ленинградскому проспекту, я прочел рекламное объявление: «Продаются бассейны». Меня это заинтересовало. По телевизору я видел, как дети купались в небольших надувных бассейнах. Если приобрести такой бассейн, думал я, его можно поместить в комнате — во время опытов.

Я решил, что это хорошая идея. Связался по телефону с магазином. Бассейны есть, но стоят больших денег. Однако другого выхода нет. Надо покупать. На это полезное дело ушел весь гонорар от последней книги.

Этот небольшой бассейн — в диаметре не более полутора метров, примерно масштаб ванны, но круглый — я растелил в большой комнате, принес из гаража насос и стал накачивать в него воздух. Оказалось, что это непросто. Долго возился, выбился из сил, зато, когда закончил работу, удивился своей затее.

Бассейн занял всю середину комнаты.

Я ходил вокруг него, улыбаясь и представляя себе, как моя «Машина» будет пересекать его пространство.

Ну что ж, надо заполнять его водой. Шланга не было. Пришлось носить воду ведрами. Тоже большая работа. Это на первый взгляд кажется, что он маленький, а на самом деле, чтобы заполнить его водой, ушло столько ведер, что и со счета сбился.

Представлял себе, что бы сказал председатель нашего кооператива, увидев такое зрелище: «Что вы делаете? Пол

не выдержит такой нагрузки, вы же провалитесь!» А нагрузка, наверное, такая же, как от ванны.

Ну, Вячеслав Евгеньевич, попробуйте теперь мне возразить. Какие еще вы придумаете аргументы в защиту своей гипотезы «Вальсов Штрауса»!

Звоню Игорю Сергеевичу:

— Намечается следующая встреча. Увидите необыкновенное зрелище. Захватите свой фотоаппарат, будем наблюдать движение «Машины» в бассейне.

— В каком бассейне? Куда приезжать, по какому адресу?

— По тому же.

— По какому?

— Вы что, забыли мой адрес?

— А где же находится бассейн?

— У меня в квартире.

Долгая пауза.

— Что-то я не пойму.

— Приходите, увидите — поймете...

Вячеславу Евгеньевичу я не стал рассказывать о бассейне, хотел его сразить наповал, когда он войдет в комнату.

В намеченный день — это было воскресенье — я ожидал своих друзей. Первым пришел Игорь Сергеевич. Увидев бассейн с водой, он остановился у дверей и сказал:

— Я в своей жизни видел чудачков, но чтоб до такой степени... Это на грани...

— Вячеслав Евгеньевич должен увидеть прямолинейное движение, он должен расстаться со своей гипотезой «Вальсов Штрауса».

В это время раздался звонок. Я открыл входную дверь и увидел смущенного Вячеслава Евгеньевича, державшего за руку мальчика:

— Извините, Роман Иванович, — он вошел в переднюю. — Я вынужден был взять его с собой. Сегодня воскресенье, и детсад не работает, а оставить его дома я не могу.

— Очень хорошо, он будет играть с Рыжкой. Видите, она уже приняла его за своего друга.

Рыжка действительно забегала вокруг мальчика, а он тоже стал проявлять к ней интерес.

— Рыжа, Рыжа, дай я тебя поглажу.

— Вот видите, все в порядке, — успокоил я Вячеслава Евгеньевича. — Они и проведут время вместе, пока мы будем беседовать. Проходите в комнату.

Все складывалось как будто благополучно. Правда, Вячеслав Евгеньевич как-то странно отреагировал на бассейн. Он молча подошел к нему и заглянул внутрь, затем поинтересовался без всякого удивления:

— Будем смотреть здесь? Ну что ж, разумно.

Мальчик носился по комнате вместе с Рыжкой, затем подошел ко мне и спросил:

— А почему у Рыжки уши не стоят? Нашему Джерри, чтобы стояли ушки, их специально подрезали. И они у него стоят. Надо и Рыженьке их подрезать.

— Она простая дворняжка, — разъяснил я мальчику, — ей этого не нужно.

— Ну, что ж, друзья, у меня все готово, — обратился я к гостям, — но прежде чем приступить к демонстрации, я все-таки хотел бы еще раз объяснить некоторые взаимосвязи этого механизма. В прошлый раз, когда «Машина»

стояла на столе, я рассказывал, какое огромное значение имело изобретение электродвигателя для этого механизма. Здесь опять мы должны обратить внимание на взаимодействие двух систем.

В это время мальчик подошел ко мне, держа в руках какую-то деталь, взятую со стола на кухне:

— А эта штука для чего? — спросил он, разглядывая шестеренку.

— Это деталь от этой машины.

— Отнеси и положи на место, — строго сказал Вячеслав Евгеньевич.

Мальчик ушел.

— Вот смотрите, — продолжал я. — Если работает электродвигатель, он вращает маленькую шестеренку. От его усилия на большую шестерню, естественно, происходит противоположная реакция. Но такая реакция возможна только на воде, в невесомости, так как реагирует уже само основание плота...

В это время появился мальчик, держа в руках острый нож, взятый на кухне. Подойдя ко мне, сказал:

— Вот этим ножом, наверное, можно подрезать ушки Рыжке, чтобы они стояли.

— Я тебе что сказал! Не бери ничего на кухне! Отнеси нож и положи на место! — повышенным тоном сказал Вячеслав Евгеньевич.

Мальчик ушел.

— Нужно понять, — продолжал я, — что эти взаимодействия открывают нам удивительное явление. Вот смотрите. Я сейчас включу питание, и вы увидите эти взаимодействия при движении машины на воде. Смотрите...

Я прикоснулся к латору... И в это время увидел, как Рыжка вырвалась из рук мальчика, а он, держа нож в руке, рванулся за ней — видимо, хотел «подрезать ушки». Рыжка, спасаясь, начала бегать вокруг бассейна. Мальчик, стараясь ее догнать, споткнулся, и нож воткнулся в тонкую пленку бассейна. Вячеслав Евгеньевич подбежал к мальчику, поднял его, вынул нож и постарался зажать отверстие пальцем.

Мы с Игорем Сергеевичем на секунду замерли, но, видя происходящее и последствия, выскочили из комнаты за тазами и ведрами.

Вячеслав Евгеньевич, зажимая отверстие бассейна, кричал: «Скорее, скорее, воздух выходит!»

Бассейн на наших глазах «таял».

Рыжка лаяла, мальчик плакал, Вячеслав Евгеньевич кричал, а мы с Игорем Сергеевичем, черпая воду из бассейна, как сумасшедшие бегали с ведрами от бассейна к ванне. Такого «веселого» спектакля у меня еще никогда не было в жизни. Но все закончилось благополучно, если не считать расходов на загубленный бассейн. Игорь Сергеевич уверял меня, что он сможет его залатать.

Так закончилась моя затея диалогов и бесед с моими милыми друзьями.

А жизнь продолжается...

БЕНЕФИС

Подошла очередная моя круглая дата. Борис Сергеевич Брунов, народный артист России, художественный руководитель Театра эстрады, при случайной встрече говорит мне:

— Надо устроить твой бенефис в театре.

Бенефис! Это значит, что я буду целый вечер на сцене. Сам буду выступать, и мои друзья артисты станут дарить мне подарки, цветы и говорить только хорошие слова: какой я замечательный артист, и не только артист. Вспомнят все, что я сделал на сцене и в жизни... Прекрасно! Я согласен принять это предложение. Но это и большой труд. Надо, чтобы зрителям было интересно, а выступая, сохранить чувство меры, быть весь вечер интересным и желанным!

В течение двух месяцев надо было написать всю программу и выучить. Началась работа. Хожу, гуляю с собачкой Рыжкой, весь в раздумьях. Сотни раз повторяю уже написанные тексты.

Но самое главное, чтобы мой бенефис видели не только зрители в театре, но и телезрители. Что для этого нужно делать? Брунов говорит:

— Для того чтобы было телевидение, тебе нужно найти полмиллиона.

— Где же я возьму такие деньги?

— Это твои заботы. Найди спонсоров.

— Спонсоров? Где же я их найду?

Вспомнил, что в откидном календаре, который стоит у меня на столе, многие банки, акционерные общества и другие солидные организации размещают свою рекламу. Там — адреса и телефоны... Попробую. Набираю первый попавшийся на глаза номер телефона.

— С вами говорит Роман Романов. Извините, что беспокою по пустякам... Может быть, вы меня знаете и помните: я артист эстрады, конференсье... Через несколько дней в Театре эстрады состоится мой бенефис-концерт. Да, да. Спасибо... Я вас приглашаю... Буду не только я, запланировано выступление многих других артистов. И Кобзон, и Хазанов, и Акопян, и Клара Новикова, и Шифрин... Все наши звезды. Но у меня к вам предложение. Коротко. Желательно, чтобы этот праздник эстрады, мой бенефис, транслировался по телевидению, а для этого необходима большая сумма... Оплата услуг телевидения. Полмиллиона. Да, но зато в эфир пойдет ваша реклама. На сцене будут размещены рекламные щиты... Кроме того, я буду в своих выступлениях рекламировать вас... Да?.. Уже была... Сожалею, извините...

Так! Этот номер не вышел. Пробую набрать другой номер телефона:

— С вами говорит Роман Романов. Извините, что беспокою по пустякам... Может быть, вы меня знаете? Но у меня к вам предложение... Я коротко... Полмиллиона... Рек-

ламные щиты... Да... Да? Не располагаете, да? Сожалею, извините.

Так, номер опять не вышел. Попробую набрать еще номер телефона...

— С вами говорит Роман Романов. Извините, что беспокою по пустякам... С кем? С кем? А как ее зовут? Светлана Георгиевна? Спасибо... Светлана Георгиевна, может быть, вы меня знаете, помните? Я артист эстрады — конференсье Роман Романов. Через несколько дней... Но у меня к вам предложение... Транслироваться по телевидению... Полмиллиона... Кроме того... сам рекламировать вас. Что? Что? Не понял... Конечно, лучше наличными... Я могу сегодня... Очень хорошо. После трех. Мне удобно...

— Ура! Мне дают 450 тысяч рублей, а еще 50 тысяч где-нибудь наскребу. Приезжаю в банк в Каретном ряду. Встречает молодой человек, вежливый. Предлагает подождать. Вижу, ходит, работает, что-то оформляет. Жду. Наконец подходит ко мне с небольшой коробкой.

— Вот здесь распишитесь. А здесь — номер паспорта и все данные.

Паспорт я не захватил... Пишу номер паспорта, какой пришел в голову. Кто будет проверять? Он передает мне коробку с деньгами. 450 тысяч рублей. Я никогда не держал в руках такую сумму.

Благодарю. Ухожу. Смотрю по сторонам, может, будет нападение. Скорей в машину...

Дома. Смотрю на деньги, аккуратно упакованные сотни, тысячи. Кто же это такая Светлана Георгиевна? Какая она? Молодая, красивая, умная или... Невероятно!

На следующий день приезжаю в театр.

— Я достал деньги для телевидения!

— Мой коммерческий директор знает, что нужно делать, обращайся к нему, — сказал Брунов.

Я — в кабинете директора.

— Все это довольно сложно, — говорит директор. — Дело в том, что если приглашать телевидение официально, то это будет стоить не меньше двух миллионов. Я понимаю, Брунов вам подсказал другой путь... Да, телевидение может стоить и полмиллиона, но это уже... Мне нужно связаться с одним человеком... Но надо еще его найти. Попробую позвонить ему по телефону.

Проходит день, второй... Деньги лежат дома. Боюсь, как бы не убили... А впрочем, кто знает, что у меня дома такая сумма?

Звоню директору.

— Должен вас огорчить, — слышу в трубке его голос, — телевидения не будет. Они не могут доставить в театр технику. У них какие-то сложности.

— Но позвольте, как же так, я же оплачу, есть деньги...

— Что я могу сделать? Я предложил им ваши условия, но они не могут.

Какое горе! Телевидения не будет. Звоню спонсорам.

— Светлана Георгиевна, к сожалению, телевидения не будет. Но я постараюсь вас рекламировать, поставлю щиты в фойе, на сцене обеспечу рекламу и сам со сцены буду... Жду вас в театре. Сколько билетов? Двадцать? На весь коллектив... Из этих денег? Тогда у меня есть еще предложение. Я хочу пригласить весь ваш коллектив после концер-

та на банкет. У нас такая традиция. Как? Тоже из этих денег? Спасибо.

Вот это да! У меня есть деньги и на банкет. Сколько же будет людей на банкете? Соберутся мои друзья, да и их будет человек двадцать... Это все сорок... Нужно не меньше 50—80 тысяч. А они у меня есть, лежат в коробке дома!

Звучит третий звонок. Оркестр сидит на сцене. Я стою у лестницы за кулисами. Брунов, как режиссер, придумал мне мизансцену, буквально такую же, как в кинофильме «Цирк», когда Орлова и Стояров спускаются по светящейся лестнице на арену к пушке.

Звучат фанфары оркестра, и я с высокой лестницы из глубины сцены спускаюсь на авансцену. Зрители встречают меня аплодисментами, и начинается мой бенефис. Все задуманное, написанное и выученное они тепло принимают. Особенно понравилась моя лирико-сатирическая песенка. Аккомпанируя себе на рояле, я пел ее с особенным вдохновением:

Проходит жизнь, уходят наши годы,
А я спешу, спешу успеть за модой.
Мне говорят: не время быть красивым,
Знай — в наше время сохранить бы силы.
Хочу я жить сейчас, а не когда-то,
И видеть мир здоровым и богатым,
Грешить, но и молиться в древних храмах,
И руки целовать прелестным дамам.

Хочу я жить сейчас, а не когда-то.
И я голосовал за демократов;
Мне говорят: потом, потом все будет.
Когда потом? Когда меня не будет?
Всю жизнь прожили мы в хрущевских хатах —
Они же жили в храмах и богато!
Хочу я жить сейчас в капитализме,
Живут пусть депутаты в коммунизме.

Хочу я жить сейчас, а не когда-то,
И в этом я совсем не виноватый.
За годы в развитом социализме
Зубрили мы ученье о марксизме.
Быть может, покажусь я вам банальным,
Коснусь я все же темы сексуальной:
Мне нравятся все женщины на свете,
Но, к сожаленью, силы уж не эти.

Я счастлив здесь, сейчас, а не когда-то,
Что вас сегодня в зале многовато;
И не когда-то слышать комплименты,
А слышать здесь, сейчас аплодисменты.

Зрители аплодировали и даже кричали «Бис!», но Борис Брунов остановил шумные выражения чувств, и концерт пошел дальше по намеченной программе.

Вернулся домой из театра поздно ночью. Усталый, пьяный, счастливый... Все прошло успешно. Мозг еще прокручивал, словно магнитофонную ленту, события дня, вечера и ночи.

Утром размышляю: что делать с деньгами? После истраченных на билеты и на банкет денег осталось 350 тысяч рублей.

Прошло несколько дней. Звоню спонсорам.

— Светлана Георгиевна? Как жалко, что вы не были на концерте. Все прошло хорошо. Да... Старался рекламировать. Вам уже сообщили?.. Прекрасно. Я звоню вам еще... Мне же надо вернуть вам оставшиеся деньги... Да, это верно, но реклама, к сожалению, звучала только в зале. Какую часть оставить?.. Сколько вернуть?..

Так и не понял. Еду, лечу в Каретный ряд...

— Светлана Георгиевна обедает, вам придется немножко подождать, — сообщает мне высокая, в метр девяносто, черноволосая девушка в совсем короткой юбке.

И вдруг через несколько минут выходит из кабинета в приемную совсем маленькая, черненькая, с умным волевым взглядом молоденькая женщина, нет, девушка. Она приглашает меня в кабинет. Идет занятная беседа. В черном изящном костюмчике с золотыми пуговками сидит за столом этот финансовый деятель. Заграничная помада на губах. Беленькие зубы в обаятельной улыбке говорят о молодости. И, судя по свободной манере общения, мужчин, наверное, она выбирает сама, придирчиво отбраковывая.

— Я хочу, чтобы вы меня все-таки посмотрели на сцене. У меня есть предложение, идея. Я соберу небольшую группу своих товарищей, и мы у вас здесь выступим, — говорю я.

— Я принимаю ваше предложение, но мы должны отстроить одно просторное помещение. Это будет не раньше, чем через месяц.

— Хорошо, а я за это время подготовлюсь, подумаю, кого пригласить.

Идет обычная деловая беседа. Когда же она меня спросит о деньгах?..

Решил начать сам.

— Я привез деньги, хочу вернуть...

— Мне рассказали, что вы очень успешно провели рекламу в зале. Я думаю, достаточно будет, если вы вернете пятьдесят тысяч...

— Только пятьдесят?

— А впрочем, вы же собираетесь у нас сделать концерт! Считайте, что мы вам оплатили это выступление. Оставьте все эти деньги себе.

В моем дипломате лежат 350 тысяч рублей, и, значит, эти деньги остаются мне! Все 350 тысяч!

Я смотрю на эту прелестную женщину-девочку. В голове рождаются разные планы... Я, наконец, могу рассчитаться с машинисткой за книгу... Я могу купить новые детали для следующего эксперимента... Я могу заменить проржавленные крылья на машине... Я могу купить новый аккумулятор... Я могу... Я могу издать свою книгу. Боже мой, сколько я могу на 350 тысяч рублей!

Смотрю на эту девочку в черном костюмчике с золотыми пуговками и вижу, как у нее за спиной вырастают белые крылья. Вот он, мой Ангел-хранитель. Вот, оказывается, как он выглядит. Я так и знал, что он, мой Ангел — женщина, потому что он все время охранял меня то как мать, то как любимая женщина... Вот она и есть моя Маргарита!..

Спасибо тебе, мой Ангел-хранитель!

Вот так бенефис!!!

ВЕСЕЛЫЙ И ТРАГИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Ли́дия Миха́йловна сломала ногу, и все остановилось. Но жизнь продолжается. Правда, книга моя лежит без движения. Ну и слава Богу. Теперь я не видел в этом беды. Даже успокоился. Такая пауза давала мне возможность еще глубже осмыслить механизм вновь собранной «Машины».

Я выходил на балкон, смотрел в небо, пытаюсь найти способ отблагодарить те силы, которые помогли мне понять, увидеть, открыть наконец-то истину.

Втайне я чувствовал свою вину: в то время, когда у меня радость, бедная женщина — в горе. Надо ее навестить. Она выписана из больницы. Живет за городом, в Лобне, а точнее, на станции Депо.

На Савеловском вокзале сажусь в электричку. Поезд едет только до Лобни, пассажиры выходят, а мне нужно доехать до станции Депо.

Спрашиваю у пассажиров, как же доехать до этого самого Депо.

Девушка, возможно, даже и не осознавала, кто ею руководит, — она берет меня за руку, ведет к автобусной остановке. Нужный автобус будто ждет меня.

Она входит со мной в автобус, подсказывает, где мне нужно сойти, и выходит из автобуса, прощаясь со мной только глазами.

Я сажусь на свободное место и восторженно говорю:

— Какая замечательная, добрая девушка. Привела меня к автобусу, посадила, а сама ушла.

— Это бывает на тысячу одна! — с иронией замечает пассажир пенсионного возраста.

Он же не знает, какие силы меня сопровождают. Легко нашел улицу, дом. Меня встречает радостно и смущенно Лидия Михайловна на костылях.

В уютной, ухоженной квартире мы сидим в просторной кухне, пьем чай довольные друг другом.

Идет непринужденная беседа. Я читаю ей только что написанную последнюю главу книги. Она смеется, когда слышит свое имя, где я связываю ее несчастный случай с событиями своей жизни. Время идет быстро. Уже вечереет. Надо ехать обратно в Москву. Она рассказала, как мне идти на станцию. Этот путь я проехал утром на автобусе.

Я вышел из подъезда, когда уже было темно. Ощущил на себе первые капли дождя и пожалел, что не захватил зонтик. Торопливо шагая по шоссе, заметил машину, стоящую у единственного фонаря. Два парня, не обращая внимания на морозящий дождь и активно жестикулируя, вели беседу.

Я решил у них спросить, верно ли я иду на станцию. Один из них дружелюбно и несколько развязно ответил:

— Верно, верно, батя, вот так прямо и хляй.

Я продолжал идти, но вдруг услышал за спиной шум машины.

Машина остановилась рядом со мной, и тот же парень, у которого я спрашивал о дороге, обратился ко мне.

— Слушай, батя, садись, мы все равно едем в ту же сторону.

Вначале я хотел отказаться от их услуги, но подумал, что они могут обидеться на мою подозрительность, и принял их предложение.

— Ну, что же, спасибо!

Они открыли дверь. Я сел на заднее сиденье, и мы поехали.

Какое-то время ехали молча, затем тот же развязный парень обратился ко мне.

— Ты что, батя, из Москвы приезжал сюда?

— Да, здесь живет машинистка, которая печатает мою книгу, но вот беда — ногу сломала. Я ее и навестил.

— А ты что же, писатель?

— Да, я и артист, и писатель, и к тому же изобретатель, — несколько шутя и смущаясь ответил им.

— Ты слышь, Саня! — обратился развязный парень к своему другу, ведущему машину. — Оказывается, батя-то наш, клевый чувак!

— А вы что, музыканты?

— А как ты узнал, что мы музыканты? — спросил развязный парень.

— Я узнаю жаргон музыкантов, мне этот язык хорошо знаком. Я раньше тоже музыкантом был.

— Саня, ты слышь? — весело обратился к своему другу развязный. — Батя-то наш, оказывается, тоже лабух (музыкант).

— На чем же ты лабал (играл)?

— Я лабал на скрипке, — ответил я на том же языке. После паузы вновь заговорил развязный.

— Лажовая жизнь пошла у нас, лабухов. Башлей не заработаешь. Кирать не на что. Клевые чувихи башлей требуют. Так что, батя, ни кирать, ни барать не на что.

Возникла опять большая пауза. Ехали по какой-то темной дороге.

— Что-то мы долго едем, — обратился я к разговорчивому парню.

— А мы тебя привезем не к Депо, а сразу к Лобне. Правильно, Саня, я говорю? — многозначительно сказал развязный.

— А ты знаешь, Альберт, ко мне сейчас нельзя, у меня чувиха живет, — ответил парень за рулем.

Ответ парня меня несколько насторожил.

Возникла опять пауза. Мы ехали по какой-то проселочной дороге.

— Вы скажите откровенно, куда вы едете? — спросил я серьезно.

— Мы, батя, едем туда, куда нам нужно.

— Куда же вам нужно? — настороженно спросил я.

— Ты не волнуйся, батя, — продолжал беседу развязный парень, — тебе будет хорошо. И нам от этого тоже, надеюсь, будет неплохо. Ты с кем живешь?.. Напомни нам свой телефончик.

— Ну, ребята, напрасно вы это затеяли. Я живу совсем один. От меня вам никакой прибыли не будет. Вы сделали неудачный выбор.

— А мы от тебя и не ждем никаких башлей.

— В квартире у меня только книги, да вот, и свою, новую, могу вам даже подарить.

Я вынул из папки свою книгу и передал ее разговорчивому парню.

Парень взял книгу, полистал ее.

— Саня, дай фонарь, посмотрю, что наш батя пишет. Название замысловатое. Ну, а что дальше?..

Он открыл книгу и стал читать вслух слова первой страницы. А на первой странице крупными буквами было написано, что автор выражает благодарность за поддержку и помощь в издании книги Наталье Нестеровой, ректору Гуманитарного университета, а также народному артисту СССР и депутату Государственной Думы Иосифу Давыдовичу Кобзону.

Прочитав вслух эти строчки, парень захлопнул книгу и с восторгом закричал:

— Ну, Саня, этого я не ожидал! Я-то думал, что мы поймали какого-то окунька, а выловили-то настоящего судака!

— Батя, что ж ты скромничаешь, убеждая, что ничего у тебя нет. Нам от тебя ничего и не надо. И, захлебнувшись от восторга, воскликнул:

— Кобзон! — вот тут уж доллары! Спасибо, батя, этого от тебя я не ожидал! — и, смеясь, заметил: — Клевая книга, у меня с образованием хоть и лажа, но я должен ее одолеть, чтобы понять, за каким хреном Кобзон вложил свои башли в эту книгу.

Парень суетился, много говорил, строил уже какие-то свои планы...

Я не слушал его. В эти минуты меня совсем не пугали «перспективы» будущей жизни. Я думал не о своей судьбе, а о судьбе своей новой книги. Она не закончена. Только в черновиках изложены последние мысли. Если книга все же и выйдет без меня, главное останется неопубликованным. Надо что-то делать.

Мы ехали по ухабистой дороге. Машину чуть ли не переворачивало. У развязного парня восторженная речь перемежалась с матерщиной по адресу плохой дороги.

Наконец мы выехали на ровную дорогу, и, прервав рассуждения парня, я сказал:

— Напрасно вы все это затеяли. У вас могут быть большие неприятности.

— С кем неприятности, батя? С милицией?

— Нет.

— А с кем? С прокуратурой?

— Нет.

— С Кобзоном, с его Думой?

— Нет — выше!

— Куда же выше? С президентом?

— Еще выше!

— Ну, ты, батя, уходишь в мистику!

В это время мы подъехали к шлагбауму. Мигающий свет светофора предупреждал о приближающейся электричке.

— Саня, плюнь на этот сигнал, давай объезжай, я всегда так делаю. Мы успеем. Электричка еще далеко.

Приятель за рулем твердо сказал:

— Нет, подождем. Они здесь часто ходят.

— Я говорю тебе, успеем. Давай объезжай!

— Нет, не буду!

— Ну тогда давай пересядем. Я поведу.

Парни поменялись местами.

Развязный парень сел за руль.

— Эх, где наша не пропадала!

Он объехал стрелу шлагбаума и стал выезжать на рельсы.

Из-за поворота, из лесного массива как-то неожиданно появился яркий свет огней электрички. Парень сразу растерялся и вместо заднего хода передачи включил переднюю. Но, очевидно, очень быстро снял ногу со сцепления, и двигатель заглох. Он начал нетерпеливо поворачивать ключ зажигания. Рев электрички неумолимо приближался. Двигатель завелся, но парень уже в каком-то шоке нажимал педали, путая, где газ, где тормоз, где сцепление. Электричка угрожающе ревела, ослепляя прожекторами.

Наконец он все же включил заднюю передачу. Машина рывками стала пятиться с полотна дороги. Но в последний момент двигатель снова заглох.

Электричка с ревом ударила по передней части машины.

Машина, как волчок, закружилась. Я услышал истерический голос парня за рулем.

— У нас в машине сволочь — сатана!

Задняя дверь открылась, и меня выбросило в кювет.

Машина сделала еще один оборот, ударилась о балку шлагбаума, поднялась на дыбы — на передние колеса, и, опрокинувшись, рухнула колесами вверх в кювет противоположной стороны дороги.

Очевидно, удар электрички разрушил двигатель, бензин стал выливаться из карбюратора и сразу же вспыхнул. Затем раздался взрыв бензина в баке. Машину обволокло светящееся пламя.

Лежа в кювете на противоположной стороне, в глубокой луже, я находился в полном сознании. У меня в эти секунды было два состояния, как будто я участвую в страшном детективном фильме и в то же время смотрю на экране телевизора остросюжетный фильм.

Из будки сторожа вышел пожилой человек. Пожар его ослепил. Он поднял руку к глазам. За ним из будки вышел мальчик с котом в руках.

Кот, ослепленный светом горящей машины, вырвался из рук мальчика. Прыгнул в кювет, где я лежал, пробежал по моей спине и, протяжно мяукнув, скрылся в кустах...

А что дальше?

Дальше я шел по незнакомой дороге к какой-то незнакомой станции. Мокрая одежда холодила тело. Я дрожал, но не от холода. Я не мог освободиться от виденного...

Дождь кончился. Тучи отодвинулись в сторону. На меня смотрели звезды. На меня смотрела вечность.

Я хотел понять и увидеть, где этот «механизм», откуда спускаются невидимые нити этого вселенского «кукольного театра», где мы, люди, подчиняясь этим нитям, играем вечный — веселый и трагический — спектакль.

* * *

Прочитав эту книгу, редактор журнала (о котором я упоминал в начале этой части) вызовет к себе в кабинет журналиста, того самого... И, небрежно перелистывая страницы книги, скажет: «Наступило время подписки, а наш журнал залеживается в киосках, надо его как-то оживить... Вот, возьмите эту книгу, полистайте. Мне не надо вас учить, вы сами понимаете, что нужно о ней писать...»

И выйдет еще одна статья.

Если бы у меня, как у Мастера, героя Булгакова, была своя Маргарита, она не пошла бы по ее пути и не стала громить квартиру редактора. Напротив, она прилетела бы на его балкон, вошла в квартиру и с очаровательной улыбкой сказала:

— Если бы вы не поместили в своем журнале о нем статью, не появилась бы и эта его книга.

И, улетаая, крикнула бы с балкона ошалевшему редактору:

— Пишите, пишите, пишите!.. Может быть, тогда он напишет еще одну книгу.

В жизни все повторяется. Но не точно!..

НЕУДАЧНАЯ АВАНТЮРА, ИЛИ С ЧЕГО ВСЕ НАЧАЛОСЬ

...Я думаю, что человеческая наука никогда не решит, конечно ли Вселенная или бесконечна.

Галилей

Однажды я принял предложение выехать на несколько концертов в курортный город Сочи.

Была уже осень, эти концерты совпали по времени с моим отпуском. Я решил после концертов остаться отдыхать на юге.

Закончились короткие гастроли. Отдыхать я решил в Гаграх. В гостинице, высоко в горах, мне предоставили просторный и уютный номер.

Вечерами я одиноко гулял по тропинкам территории гостиницы. Город светился внизу, как в огромном колодце, а сверху, когда я поднимал голову, черное небо юга окутывало землю огненным покрывалом. Светился целый мир, мир звезд.

Все мирское, все земное стиралось, уходило куда-то, и думалось о вечном, непонятном, необъяснимом.

Понятие времени — зримо. Как в песне поется: «Часы пока идут, и маятник качается...». Идет смена поколений. Чередуются земные сутки, наконец человек смотрит в зеркало и с горечью замечает, что свершает над ним время.

Да, бесконечность времени — понятная истина.

А пространство? Где же оно начинается и где кончается? Его необъяснимость пугает.

Из таких абстрактных размышлений напрашивались выводы: откуда наша Земля? Космический корабль — Земля вместе со всей солнечной системой летит. Где же станция отправления и где станция назначения? И что является двигателем?

Сколько же веков, тысячелетий человек смотрит на звезды, пытаюсь понять, найти им объяснение. И в этом чудесном мире беспредельности я был очередной жертвой в попытке это понять.

В тиши и в одиночестве думалось хорошо.

Дни отпуска, проведенные в Гаграх, и размышления о вечности мироздания, его устройстве и механизме Вселенной, не могли остановить привычного течения жизни, суеты московской концертной деятельности. Однако у меня уже на полках и на столах лежали книги О. Струве — «Элементарная астрономия», «Курс общей астрономии», а также «Занимательная астрономия» Перельмана.

Вселенная и ее механизм образования приобрели новое толкование, уже появилась гипотеза объяснения мира, отличная от учебников. Такое понятие, как расширяющаяся Вселенная, для меня было естественным — само собой разумеющимся. Фотографии галактик четко определяли их динамические структуры.

Споры о горячей и холодной Вселенной удивляли меня самим существованием этого спора — когда весь Млечный Путь «горит огнем», подтверждая эту истину.

В общем, я находился на самом первом витке спирали познания, где в основе лежат самоуверенность, ревизионизм и невежество.

Это все и привело меня к железным воротам астрономического отделения Московского университета.

Неуверенными шагами поднялся по ступенькам парадного входа, открыл массивную дверь, вошел в вестибюль и, подойдя к дежурному, спросил тоном бывалого человека:

— В каком кабинете находится профессор Воронов?

Дежурный указал на второй этаж, не проявляя ко мне интереса.

Пройдя по лестнице и коридорам, я остановился перед нужным кабинетом, преодолевая робость, открыл дверь и сразу же попал под вопросительные взгляды двух молодых женщин.

— Федор Николаевич у себя? — смущенно спросил я.

— Да, проходите, — услышал я в ответ и открыл боковую дверь.

В углу за столом, наклонясь над кипой бумаг, сидел полный пожилой человек. Подняв голову, он посмотрел на меня. Было видно, что пытался вспомнить, почему мое лицо ему знакомо.

Я подошел к столу, подал ему руку и представился.

— Очень приятно, — он улыбался, — никак не пойму, лицо знакомое, а где видел... Теперь все ясно...

Слава Богу, кажется, видел меня. Когда артист с экрана телевизора появляется в жизни и его узнают, дальнейшее общение упрощается.

— Что же вас привело к нам?

Профессор отложил ручку, надеясь услышать что-то интересное. Он был удивлен появлением в кабинете человека совсем из «других миров». А во мне проснулся юношеский авантюризм.

Я начал издалека. Вынул из бокового кармана пиджака ученическую тетрадь в поблекшей синей обложке и сел на стул у стола.

— Я сейчас живу на Ленинградском шоссе, в новом микрорайоне. А до этого я жил на Садовой, угол Каляевской. Помните, там еще был комиссионный магазин?.. Теперь этот дом сломали.

Профессор, очевидно, читал материал одного из своих сотрудников о дальних галактиках и, находясь еще в далеких мирах, не мог даже понять, где этот комиссионный и где угол Каляевской...

— Да, мне известны эти координаты.

Эта фраза прозвучала как дань уважения к словам собеседника, и я заговорил более спокойно.

— Жильцы, выезжая из таких старых домов, оставляют весь хлам, накопившийся за десятилетия. В пыльных сундуках лежат оставленные предыдущим поколением и книги, и тетради... И вот, когда я уносил последние вещи из своей комнаты, я обратил внимание на развалившийся ящик, выброшенный на площадку у входной лестницы. Он был забит книгами с астрономическими названиями и старыми исписанными тетрадями. Одну из них я принес вам показать. Меня самого заинтересовало ее содержание. В ней излагается, как мне кажется, новая теория или гипотеза о рождении Солнечной системы.

На словах «Солнечной системы» профессор тяжело вздохнул и откинулся на спинку кресла.

— Ежемесячно в наш отдел приходит немало разных «гипотез» на эту тему. Я помню, один товарищ прислал нам объяснение мира даже с рисунками. А в конце была

приписка: «Поскольку я так хорошо объяснил весь мир, прошу оплатить мне эту работу, так как к зиме мне нужно перекрыть крышу дома и купить дочери валенки». А в другой гипотезе говорилось так: «Земля — это большое животное, а мы, люди, как бы микробы или вирусы гриппа. Может быть, Земля найдет еще средство, как от них, людей, избавиться».

Профессор засмеялся и был доволен своим собеседником, так как я тоже искренне смеялся, доставляя удовольствие профессору.

— Но здесь, — я потряс тетрадкой, — как мне кажется, все разумно и научно. Если время позволит, я могу немного прочесть, я уже хорошо разбираюсь в этом почерке.

Профессор почувствовал неизбежность затраты нескольких минут и кивнул головой.

Я открыл синюю обложку тетради, нервно кашлянул.

Профессор опять откинулся на спинку кресла, сложил руки на животе, перевел взгляд в окно и стал думать... о своих делах.

— Вот что здесь написано:

«В обозримом пространстве Вселенной большая часть звезд — двойные. Это одна из важных закономерностей звездных образований, так как это раскрывает дальнейший механизм развития в эволюции звездного вещества. Двойные звезды, а также и тройные звезды — это результат деления облака — протозвезды — на ряд компонентов.

Еще не сформировавшееся в шаровую форму звездное вещество при охлаждении и сжатии приобретает дополнительное вращение, а гравитационная неустойчивость боль-

шой массы материи способствует удалению периферийных частей от центра. Этот процесс ведет к постепенному изменению геометрической формы облака и распаду — делению вещества на ряд компонентов в зависимости от первоначальной формы его строения.

Таким образом, только определенная масса (количество) звездного вещества способна обрести шаровидную форму, а этому способствует деление звездного вещества».

Профессор не мог понять, зачем ему все это нужно слушать.

В нем смешивались два чувства: с одной стороны, уважение к гостю, артисту, с другой — борьба с желанием закрыть глаза и уснуть. И это заставляло профессора смотреть на меня преувеличенно раскрытыми глазами.

А мне казалось, что я вижу на лице профессора интерес и удивление моим рассказом, и еще больше вдохновлялся, внося в чтение свое актерское мастерство.

— Предположение американского ученого, что наше светило имеет свой компонент, — звучал мой голос в тиши кабинета, — который якобы совершает какую-то невероятно удлиненную орбиту и, приближаясь к нам, уничтожает все живое на Земле, это бред.

— Да, бред...

Профессор вслед за мной тоже повторил это слово. Я опять воспринял это как внимание ученого и с еще большим энтузиазмом продолжал:

— Да, у нашего протосолнца тоже было деление. И делилась его оттянутая полоска газообразного вещества как след его последнего деления. Вначале отделился Плутон, самая крайняя, узкая часть, а потом...

Я оторвался от тетради и взглянул на профессора... Он спал. Его голова как-то неестественно лежала на плече, глаза были закрыты, и мерное его посапывание нарушало тишину.

Тишина как раз и разбудила профессора. Он открыл глаза, еще не понимая, где он. Остановил взгляд на мне и, несколько смущаясь, сказал:

— Да, это, конечно, интересно, но я советую материал передать моим помощникам. Они изучат его и доложат мне...

Он позвонил. В кабинет вошла одна из девушек, которую я видел в приемной.

— Верочка, возьмите у товарища материал, познакомьтесь и через недельку расскажите, что вы об этом думаете. — И, улыбнувшись девушке, совсем в другом тоне спросил ее: — А вы узнаете, кто у нас в гостях?

Девушка кокетливо посмотрела на меня.

— Конечно, артист...

Начался скучный разговор о жизни звезд эстрады, после которого я передал тетрадь девушке, пожал руку профессору и ушел из кабинета.

Текст этой же статьи был отпечатан на машинке и находился в редакции журнала «Знание — сила», редактором которого был мой хороший приятель.

Этот человек доброй души интересовался всем, чем я занимаюсь. Интермедии для эстрады, рассказы я всегда читал ему первому, все мои «сумасшедшие идеи» он воспринимал как великие открытия. Мою гипотезу о строении Солнечной системы он хотел печатать в журнале. Но все-таки, прежде чем опубликовать статью, посоветовал, чтобы авторитетная подпись консультанта подкрепляла ее.

Это была моя очередная авантюра. Я полагал, что подпись профессора будет стоять на тетрадке, а статья, уже заготовленная в редакции, пойдет под моим именем.

И уже представлял себе, какой бум произведет моя напечатанная статья. Я понимал, что в моей гипотезе нет никакого сходства с предыдущими — Лапласа, Канта, Шмидта, Вейдзекера и других классиков космогонической науки.

Но у меня были рисунки: этапы деления не только звездного вещества на компоненты, но и деления планет от протосолнца. Больше того, я даже создал прибор, который показывал, как, отрываясь, планета вращается с ускоренными оборотами в ту же сторону, в какую вращается основной компонент, от которого она отделяется.

Суть гипотезы заключается в том, что при делении звезда уносит с собой след, как бы «пуповину», соединявшую ее с компонентом при делении.

И наша звезда, тоже будучи еще протосолнцем, имела след последнего деления, оттянутую конусообразную часть газообразного вещества, в которой происходил ускоренный процесс охлаждения и изменения состояния этого вещества. В этой удаленной от центра периферийной части протосолнца зарождались и отделялись планеты-гиганты.

Появление всех малых планет — Меркурия, Венеры, Земли, Марса и всех спутников — я объяснял тем, что они представляли собой массу перемычек при делении протосолнца на компоненты. Я думал, что во всем этом есть какая-то логика, и мой приятель, редактор журнала, тоже верил в мою гипотезу и ждал подписи авторитетного консультанта.

Он даже и не предполагал, чем обернутся для него мои «гениальные» идеи.

Прошла неделя в томительном ожидании. И наконец я снова поднимаюсь по лестнице астрономического отделения университета.

В приемной никого не было, и я осмелился открыть дверь кабинета. Я застал профессора Воронова сидящим в той же рабочей позе за столом. Идя на эту встречу, я перебрал многие варианты беседы. Я думал, что если «завоюю» профессора Воронова, налажу дружбу с ним, то это может повлиять и на дальнейшую судьбу моей статьи. Надо только получить на титульный лист: «Не возражаю» и подпись. И все!..

В первую нашу встречу я убедился, что профессор любит артистов. Он с удовольствием и вниманием слушал, когда я рассказывал о личной и закулисной жизни артистов.

И сейчас, войдя в кабинет и сидя в кресле у стола профессора, я не задавал вопросов о судьбе тетради, а собирался вести отвлеченный разговор о жизни популярных артистов театра и эстрады. И я мог рассказать про таких, как солисты Большого театра Пирогов, Козловский...

— А где вы учились играть на скрипке? — спросил профессор.

— В Московской консерватории.

— Вы, наверное, единственный конферансье, играющий на скрипке? А я всю жизнь хочу научиться играть на гитаре, но у меня никак не получается.

В кабинет вошла женщина средних лет с портфелем и, не замечая меня, заискивающе обратилась к ученому:

— Здравствуйте, дорогой Федор Николаевич, вы, очевидно, меня не помните, я из «Вечерней Москвы». Принесла корректуру вашей статьи. Для нас все это темный лес:

диффузии, радиоизлучения... Но мы все просим написать еще одну статью. О Венере... В свете последних событий, посадки наших автоматических станций...

Воронов кивнул головой на приветствие журналистки, выслушал ее и продолжал разговор со мной.

— И гитара у меня есть, но то ли пальцы уже не те, то ли слуха недостаточно. А я очень люблю музыку.

Беседа Воронову нравилась. Он даже встал с кресла и прошелся по кабинету.

Кто же из нас первый начнет разговор о статье?

После небольшой паузы он вновь сел в кресло и первым начал говорить о тетради.

— Вы знаете, что нас удивило в той тетрадке, которую вы нам принесли?

— Что? — Я настроился, полагая, что он скажет, как это гениально!

— Удивительно то, что бумага этой тетради очень старая, а все, что на ней написано... химический анализ показал... Моя помощница носила ее в лабораторию. Состав чернил, то есть все записи сделаны сегодняшней ручкой, а вы говорили, что нашли ее среди хлама из старых сундуков.

Такого поворота разговора я не ожидал. Я перебрал все варианты беседы, ответы профессора, но такой вариант не «проигрывал».

— Дорогой Федор Николаевич, как вы видите, перед вами артист эстрады, по вашему мнению, далекий от науки... Все, что написано в тетради, — это мои объяснения мира. Плоды долгих мучительных часов, дней последнего года.

Федор Николаевич менялся у меня на глазах. А я продолжал:

— Мой друг, редактор журнала «Знание — сила», считает, что моя гипотеза оригинальна, интересна, и хочет опубликовать ее в своем журнале. И теперь зависит все от вас. Если вы как ученый посчитаете это возможным...

Лицо Федора Николаевича настолько изменилось, что я остановился на полуслове.

Я молчал, и профессор молчал. Наконец Воронов потрогал тетрадь, посмотрел на меня, улыбнулся и вдруг захохотал. Он откинулся на спинку кресла и безудержно смеялся. Слезы текли из глаз. Он достал платок и все еще смеясь вытирал глаза, лицо... Успокоившись, серьезно произнес:

— Когда мы открываем какое-либо новое явление или новые объекты, прежде чем опубликовать сообщение, идет тщательное изучение, проверки... — Он посмотрел задумчиво в окно, перевел взгляд на меня: — А вы здесь описали все сотворение мира и хотите моего признания. Сколько сломано человеческих жизней, пытавшихся объяснить мир, не имея элементарных знаний в этой сложной и самой древней науке. А ваш друг, редактор журнала, несмотря на любовь к вам и признание ваших идей, не лишен здравого смысла, если направил ко мне.

Дальше наша беседа была не интересна ни мне, ни профессору. Но зато интересными были события в редакции журнала «Знание — сила». Работники журнала переживали напряженные дни. Появился новый главный редактор. Это был мой приятель. Он решил навести порядок и сразу уволил ответственного секретаря. Редакция всполошилась. Такое решение многим не понравилось. А в это время отпечатанная на машинке моя гипотеза ходила уже по рукам сотрудников редакции.

Предполагаемая публикация моей статьи вызвала у многих недоумение. Как это, артист эстрады выступает в роли ученого, да еще претендует встать вровень с великими — Лапласом, Кантом и другими классиками космогонической науки...

Последовали длинные письма «инициативной» группы за подписями в вышестоящие инстанции, и мой друг не стал главным редактором журнала «Знание — сила», но вскоре стал главным редактором другого журнала, тоже очень популярного, с тиражом более двух миллионов. Это было естественное назначение, поскольку мой приятель был хороший писатель, имел много книг, написанных в жанре научно-популярной литературы. Да, это был талантливый человек — Игорь Иванович Адабашев. Но моя гипотеза осталась в архивах журнала «Знание — сила» и нигде не была опубликована.

* * *

Как это объяснить?.. Может быть, помогут психологи. Специалисты каких наук могут распознать, объяснить, что творится в голове человека? Почему его мозг все время должен ставить вопросы: почему? зачем? для чего?

Кто и когда вставил человеку в мозг «прибор» вопросов и ответов?..

И кто же заставил меня уйти в звездный мир Вселенной, в макромир? Уж очень заманчивая «лаборатория». Вышел на балкон, поднял голову вверх — и думай.

И мои размышления не прошли даром...

Если в редакции журнала «Знание — сила» моя профессия могла быть помехой публикации космогонической статьи, то в другой редакции наоборот.

Заведующий отделом науки газеты «Поиск» Александр Алексеевич Чуба встретил меня доброй улыбкой. А когда он увидел мою программу с фотографией моего бенефиса в Театре эстрады, прочитал тут же текст моей статьи «Размышления о Вселенной» и сразу сказал:

— Будем печатать в ближайшем номере.

Боже мой! Как медленно шли дни... Как я, наверное, надоел редактору Чубе с вопросом: «Когда же?»

Наконец дождался... И составил план прихода в редакцию. В редакции много женщин, и я решил купить огромный торт, предполагая, что за чаем у нас будет интересная беседа о статье, о науке, о жизни газеты.

Приехал в редакцию, но все же решил пока торт оставить в машине и посмотреть, как меня там встретят. К сожалению, Александра Алексеевича не было. Женщины, находящиеся в комнатах, даже и не знали о существовании моей статьи, да и вообще смотрели на меня с вопросом: «Что вам нужно?»

Я стал смущенно спрашивать:

— Не найдется ли у вас несколько экземпляров с моей статьей?

— А какая ваша статья? Какой номер газеты?..

Назвал.

— А... это статья отдела Чубы. Вот вы у него и спрашивайте.

Итак, в редакции не произошло сенсации. Ну, думаю, когда газета дойдет до читателя, а подписчики ее в основном люди науки, тогда уж начнется бум! Восторги... И письма негодования, и вообще сенсация в астрономическом и космогоническом мире науки.

Проходят неделя, месяц, полгода... Никаких реакций на статью. Как же так? Ведь я же объяснил многие неизвестные закономерности в планетных системах.

Почему планеты-гиганты имеют такое быстрое вращение вокруг своей оси.

Как возникли малые планеты.

Что собой представляет круг астероидов за пределами Марса.

Механизм возникновения парных, тройных и кратных звезд.

Наконец, я предложил общую теорию, «теорию деления» от макрообъектов к заключительному делению — образованию планетных систем, как общий эволюционный механизм в звездных мирах...

Так почему же вы молчите? Люди!

Галилей вынужден был отказаться от своих идей под угрозой смерти! Джордано Бруно сожгли на костре за его убеждения. Николо Коперник только на смертном одре увидел свои печатные труды... Неужели все, что я сказал в статье, не заслуживает внимания?

Может быть, сегодня в космогонической науке есть труды, в которых, используя современную технику — радиотелескопы, компьютеры, предложены более совершенные концепции, объясняющие механизм образования нашей планетной системы?

С таким вопросом я обратился к одному из самых компетентных писателей научно-популярной литературы, к Виталию Александровичу Бронштэну, и он предложил мне ознакомиться с монографией: Витязев А. В., Печерникова Г. В. и Сафронов В. С. «Планеты земной группы

(Происхождение и ранняя эволюция)». Издательство «Наука», главная редакция физико-математической литературы, 1990 г.

В ней излагается современная теория того, как возникли планеты земной группы из облака пыли и газа.

Доказывается, как частицы роя, объединяясь в более крупные тела, образуют планеты, обладающие всеми известными свойствами планетной системы.

Читая книгу, я видел титанический труд этих авторов. Формулы, диаграммы, графики, схемы, ссылки на иностранных ученых... Отданы годы раздумьям и кропотливой работе. Пусть авторы простят меня за некомпетентность, но я бы определил этот огромный труд одной фразой: «Природа просто смеется, что ее объясняют так сложно».

Рождение планет (Земли), я думаю, невозможно рассматривать отдельно, в отрыве от всех процессов, происходящих в Солнечной системе. Это все равно, что смотреть на младенца и гадать, откуда он появился, высказывать самые различные гипотезы его рождения, не замечая рядом лежащей матери.

А между тем, как впечатляет зрелище, когда мы смотрим на планеты-гиганты, особенно на Сатурн, Юпитер. Каждая из них — то же Солнце, только в миниатюре.

Есть механизм, который «строит» по единому «сценарию» систему планет, принадлежащую Солнцу. И систему, принадлежащую следующему «поколению», самим планетам с их спутниками. Это механизм деления.

Механизм деления рождает звезды.

Механизм деления рождает планеты.

Механизм деления рождает спутники.

Механизм деления объясняет и определяет вращение планет.

Механизм деления создает однонаправленное движение и вращение всей планетной системы.

Механизм деления раскрывает секрет момента количества движения Солнечной системы.

Механизм деления — это единый эволюционный процесс в жизни каждой звезды.

И, наконец, может быть, механизм деления участвует в делении живой клетки — в биологической жизни планет?

И чтобы закончить эту главу, я предлагаю прочесть мои «Размышления о сотворении мира», помещенные в этой книге.

ВЗГЛЯД В ОДНУ ТОЧКУ

Темнело и, несмотря на летний вечер, было прохладно, но я не ощущал вечерней прохлады, теплый, шерстяной свитер свободно сидел на моей худощавой фигуре.

Я стоял, прищурившись, но никого не видел. Я вспоминал. Вспоминал, куда, в какое место и на какой улице поставил автомобиль, когда пошел в кинотеатр. Пожал плечами.

Черт знает что такое. Начну сначала. Значит, так... Прежде чем войти в зал, я купил билет. Мне было безразлично, что я буду смотреть. Мне надо было обязательно отвлечься. Мозг устал думать об одном и том же. Да... Но, по существу, я даже не могу вспомнить, о чем был фильм, я продолжал думать о том же... Все-таки куда же я поставил машину? Что же это такое? Склероз?.. Впрочем, я прекрасно помню, как я сидел за рулем и как проезжал по Ленинградскому шоссе у магазина «Мясо», тогда мне и пришла эта мысль. Такая ясная, логически точная, а дальше я уже вел машину автоматически, думал лишь об этом. Все правильно, но это было... вчера. Точно, эта мысль мне пришла в голову вчера. Я все время думал и ночью почти не спал, так, так... Утром я пошел в читальню, но она была закрыта,

санитарный день, и в Каретном ряду читальня была закрыта, и только у Войковской мне удалось взять эти книги. Куда же все-таки я поставил машину?

Я медленно пошел по улице, на которой находился кинотеатр. Но на ней не было ни одного автомобиля. Вернулся обратно. Завернул за угол на улицу, куда выходила боковая стена кинотеатра. Стояло несколько машин, но среди них я не видел своей. Опять пожал плечами.

Если даже и украли, думал я, так и заявить невозможно, с какого места украли? Так... начнем все сначала... Когда я въехал в тоннель, я понял, на каком свете живу. Да, я еще удивлялся, как это мы все ходим по земле и под землей, и почему же нас так мало интересует сама Земля, ее путь следования, ее начало, ее конец... Так... Когда я проезжал мимо школы, я стал думать о галактике, о звездах и чуть не въехал в троллейбус, который останавливался у школы... Тогда я подумал, почему же звезды не сталкиваются, не сближаются. Тут-то и пришла прекрасная мысль, что весь звездный мир, как это ни парадоксально, живет по законам антигравитации. Эта мысль меня захватила настолько, что я сделал поворот на Головинское шоссе на красный свет, и вместо того, чтобы остановиться на свисток инспектора ГАИ, я, как самый настоящий преступник, нажал на газ... Да, это было вчера... И я поставил машину в гараж, а куда же я сегодня ее поставил?

Начнем опять сначала... Нет, с этого момента. После Головинского шоссе я начал кружить, чтобы с другой стороны выехать на Ленинградское шоссе и не попадаться на глаза инспектору ГАИ. Наконец я успокоился и опять стал думать все о том же...

Вселенная — мир газов, ей предоставлен безграничный объем для расширения, и будет этот процесс происходить до того времени, пока вся горячая Вселенная остынет...

Господи! Зачем мне это нужно — думать о звездах, о галактике, когда сейчас уже двенадцатый час, а я все еще кружу вокруг кинотеатра.

Высокий молодой человек в узких джинсах, в вельветовой куртке, оторвавшись от девушки, подошел вплотную ко мне.

— У вас нет ли сигаретки?

— К сожалению, я не курю.

— Да, к сожалению. Ну будь здоров, отец!

Да, отец! А ведь я в его годы тоже не думал, где я живу, в гравитации или в антигравитации. Как в мире все похоже... Имеет свои стадии. Я поднял голову вверх. На темном небе, как на новогодней елке, горели звезды, в одиночку, парами, кучками...

Так почему же они не идут друг другу навстречу?

Проходящая машина включила фары, резко затормозила и чуть-чуть не наехала на меня.

— Ты что там разглядываешь, псих! — на ходу крикнул таксист и скрылся за поворотом.

А может быть, я действительно псих? Я поежился от ночной прохлады... Впрочем, какое имеет значение, как тебя назовут? Важно, что меня сейчас занимает, поглощает... В самом деле, что со мной происходит? Я весь во власти неба, я не могу отвлечься от дум! Неужели какие-то неведомые силы руководят мной? То ли в фокусе каких-то лучей? Почему выбрали именно меня этой жертвой? Но я от этого не чувствую себя рабом, а, наоборот, это приятные думы...

О чем же продолжать думать: куда я поставил машину или о чем я думал в машине?

Если я буду думать, о чем я думал в машине, может быть, я доберусь до того места, где я ее оставил?..

Но ведь это же было вчера...

— Послушай, друг, — прервал мои мысли сильно подвыпивший пожилой прохожий. — Дай на метро, куда-то рассорил всю мелочь.

— Так тебя же все равно не пустят в метро.

— Тогда дай трешник на такси.

— Это уже слишком смело.

— А я такой...

— Почему ты решил, что я тебе дам три рубля?

— А у тебя в лице и в глазах что-то такое потустороннее. Может, ты инопланетянин?

Уставший от одних и тех же мыслей, я легко пошел на шуточный разговор с чудаковатым, пьяным прохожим.

— Возможно. Считаю, я марсианин.

— Нет... На Марсе жизни нет. Это я тебе точно говорю. На Центавре — это еще возможно... Хочешь, я тебе лекцию прочитаю обо всех этих звездах за три рубля. Я про эти звезды все знаю. Я на Кудринской в планетарии все эти звездные науки прошел... За десять-то лет... Я сторожем там. Про что тебе рассказать за три рубля?

— Позволь, но туда вход всего десять копеек.

— А ты у меня как бы целая аудитория — как бы тридцать человек.

Я улыбнулся, достал из кармана деньги.

— Считаю, что ты мне уже прочитал лекцию. Вот тебе три рубля, садись на такси.

Пьяный прохожий с удивлением взял деньги.

— А ты и правда какой-то не наш. Как будто из тарелки вывалился... А деньги наши...

И, рассматривая три рубля, стал говорить как бы свои мысли вслух.

— Я здесь недалеко у братени переночую, а завтра мне это как раз и пригодится... Ну спасибо, будь здоров.

Прохожий, покачиваясь, скрылся в каких-то темных воротах, а я остался опять один со своими мыслями.

Черт знает что это такое? Надо же встретить на улице сторожа не магазина, не фабрики, а именно сторожа планетария. Что это, случайность? Или кто-то руководит моими мыслями и действиями? Попробую посмотреть машину еще в этом переулке, ведь где-то я ее оставил. Перешел через улицу и направился в ближайший переулок. Тишина, безлюдность, одиночество, звездное небо — все толкало на размышления.

О чем я думал? Да... Мир газов — это звезды, галактика; горячая Вселенная разлетается и будет расширяться и разлетаться до тех пор, пока не превратится в иное вещество, в твердое вещество. Да, будет такое время, когда звезды, которые нам сегодня видятся звездами самой первой величины, для будущего наблюдателя, если таковой будет, станут просматриваться бесконечно малыми и почти совсем невидимыми. Страшно подумать, что этот звездный Млечный Путь исчезнет. От горизонта до горизонта будет черное небо... без звезд.

Я шел по переулку с поднятой головой, не замечая, что впереди. Наконец опустил голову, и взгляд остановился на стоявшей впереди машине.

Позвольте, позвольте... Так это же моя машина. Белая, пятая модель... точно... и мои чехлы в клеточку. Как же я раньше сюда не заглянул? Да, я так автоматически действовал: ставил, закрывал. Абсолютно не фиксировал всех своих действий. Ну, слава Богу!

Я вынул ключи из кармана и стал вставлять в замок двери.

Интересно, почему ключ не входит в замок, неужели кто-нибудь уже пытался открывать? Вновь попробовал вставить ключ в замок. Но тут мои руки скрутили за спину.

— Наконец, зараза, я тебя поймал. Петров! — кричал в подъезд дома державший меня парень. — Вот он. Он, подлец, вчера с третьей модели у доцента Боброва молдинги стащил, а теперь в мою машину полез.

Из подъезда вышел пожилой человек с заспанными глазами.

— Вот ты спишь на дежурстве, а в это время по нашим машинам шуруют.

— Вы мне делаете больно. Отпустите мои руки, я никуда не убегу.

— Петров, беги звони на ноль-один, чтобы выслали наряд, а я его буду держать, заразу! Я сегодня специально решил ночь не спать, чтобы наконец увидеть, кто это своими лапами прикасается к нашим машинам. У... ворюга!

— Но позвольте, я думал, что это моя машина, — пытался я оправдаться.

Парень, державший меня, освободил руки.

— То есть как это твоя машина?

— Понимаете, я куда-то поставил свою машину, но не помню куда.

Парень ошалело смотрел на меня.

— Ну-ка пойдем на свет, к фонарю. Ты что притворяешься? Дыхни.

— В самом деле, такое недоразумение. Куда я ее поставил? Вот такая же белая, пятая модель... и чехлы в клеточку — двадцать пять рублей. Так неловко.

Парень с интересом рассматривал меня. Все, что я говорил, было довольно убедительно. Да и вел я себя, видимо, не как вор, а искренно, как человек, попавший в смешную историю.

Я суетливо полез в задний карман брюк, вытащил кожаный бумажник. Достал книжечку.

— Вот видите, мои права, технический паспорт, и в них указан цвет моей машины... Тоже белый, все как у вас... Пятая модель... и чехлы в клеточку за двадцать пять рублей.

— Да уж, конечно, все машины как одна, — соглашался миролюбиво парень. — Петров! — крикнул парень в сторону подъезда.

— Чего тебе? — опять вышел заспанный человек.

— Ты дозвонился до ноль-один?

— Да нет, там все занято.

— Ладно, не звони, — и, обращаясь ко мне, чуть виноватым тоном сказал: — А вы можете идти.

Я протянул руку парню.

— Будем знакомы...

Парень ответил.

— Кулешов, — улыбнувшись, сказал: — Да, бывает же такое... Заскок, — и покрутил пальцем у виска.

Я старался как-то загладить происшедшее и заинтересованно спросил:

— А вы что же, значит, всю ночь так и не будете спать, а как же завтра работать?

— Да у меня такая работа, могу и не пойти.

— Где же вы работаете?

— Я работаю за городом, в Доме культуры в Звездном городке.

Я остановил на нем долгий взгляд, от которого парень несколько смутился.

— Ну, вы можете идти, спокойной ночи.

Я повернулся и пошел в обратную сторону к кинотеатру.

Город спал. Редкие машины, в основном такси, на поворотах мгновенно освещали фасад нового здания кинотеатра. Лампы фонарей сливались со звездами на фоне черного неба.

Пробежала кошка, белая с черными пятнами, и скрылась в кустах. Из окон жилого дома еще слышалась последняя музыка телевизионной программы. Все живое жило разными думами, желаниями, стремлениями, и сейчас это на несколько часов затихало, чтобы с рассветом опять все зажило, зародовалось, запечалилось, заболело, замучилось...

«Никогда ничего подобного со мной не было», — размышлял я, обходя уже в который раз переулки у кинотеатра.

Все. Надо идти домой пешком. В конце концов, можно заявить в милицию о пропаже, указав любое место.

Когда было принято действенное решение, появилось и успокоение. Выйдя из переулка на Ленинградское шоссе, я пошел в сторону Войковской.

Я как раз иду по тому маршруту, который совершил в машине. Проезжая мимо рекламы кинотеатра «Варшава», я тогда еще обратил внимание на название кинофильма «Шанс», фантастическую комедию про инопланетянина, подарившего земному человеку эликсир молодости. Если бы великие умы прошлого имели возможность выпить такой фантастический напиток и жить еще столетия, как бы они были счастливы, увидев, что их предвидения сбылись, и как бы они огорчились, если бы узнали, что их талантливые потомки нашли и их заблуждения...

Да, весь мир в движении, а этот застывший купол звезд в своем кажущемся постоянстве покоя скольких гениальных людей вводил в заблуждение... И даже великого Эйнштейна, который в какое-то время полагал, что мир звезд статичен. Но ведь он человек, а человеку, каким бы он ни был гением, свойственно ошибаться. А великий Ньютон?.. Закон всемирного тяготения... Как же совместить гравитацию с тем, что вся Вселенная, все звезды, галактики разлетаются в бесконечность? Ну, я, кажется, вошел в запретную зону. Но кто меня может упрекнуть? Ведь обо всем этом я думаю про себя. Я просто думаю. Мало ли о чем человек думает. Иной человек думает такое, что его сразу можно привлечь по статье такой-то, но он только думает, и никому от этого нет вреда.

И я думаю, и мне не мешают думать, шурша шинами колес, одиночные машины с зелеными огоньками.

Пронесются эти зеленые огоньки по шоссе, и на горизонте в вышине стоят неподвижные звезды. Сколько же

человеческих жизней уйдет в небытие, пока звезды Ориона чуть-чуть изменят свое расположение. Как медленно разыгрывается этот спектакль Вселенной в сравнении с человеческой жизнью.

Иду по шоссе... Каблуки гулко стучат по асфальту. Через несколько метров начинается мост, но я остановился. Мой взгляд опять уставился в одну точку.

Звезды, галактика... Все как бы подчинены одновременному развитию. Да, есть какая-то одновременность и схожесть в их эволюции. Но почему же квазары находятся так далеко, как будто на самом краю видимой Вселенной? Вошел на мост, остановился, облокотился на холодный цемент перил. Внизу вблизи фонарей светились рельсы. Опять взгляд в одну точку.

Почему же нет ни одного квазара в районах ближайших галактик?

И вдруг ударил ладонью по перилам и улыбнулся своим мыслям: конечно, квазар может быть только на краю Вселенной за миллиарды световых лет от нас. Сейчас это уже не квазар, а такая же галактика, но мы видим эту галактику квазаром. Пока его световой луч летел к нам миллиарды лет, он уже «расцвел» в галактику, а к нам он все еще «летит» и «сообщает» о себе формой и светом квазара...

Это значит, что Вселенная имеет одновременность в своей эволюции. Я быстро пошел по мосту, стуча каблуками в тишине ночной Москвы. Прошел мост в каком-то восторге, удивляясь простоте вывода.

В самом деле, мы все время говорим о звездах, свет которых к нам летит многие световые годы, но одно дело,

когда мы время исчисляем годами, и совсем иные совершаются события в течение миллиардов, миллиардов лет.

Разлетятся галактики... И настанет время, когда Туманность Андромеды мы уже не увидим не только глазами, но и в хорошем телескопе. А если продолжить исчисление времени, где после единицы нули растянутся на километр, то наблюдатель, если бы такой существовал, не увидал бы ни одной звезды, так далеко они уйдут друг от друга. Я остановился и вновь уставился в одну точку.

Разлетаются звезды и гаснут, превращаясь в холодные твердые тела. И на огромных периферийных просторах замедляют свое движение, так как они уже не газообразные вещества, а твердые тела и частицы пыли. Теперь ими уже руководит закон гравитации.

Наконец этот мир твердых тел постепенно останавливается и через мгновение начинает свое движение с нуля в обратную сторону, с постепенным ускорением. Их обратное движение по времени равно также миллиардам, миллиардам лет.

Но если звезды и галактики разлетались, следуя законам газов (в состоянии антигравитации), теперь они бегут друг к другу на сближение, где вступает в силу над ними закон гравитации, и каждая частица твердого вещества идет в «лоно» своего «бывшего» пространства. Свершается великое крушение, столкновение твердых тел, принадлежащих ранее той или иной галактике. И вот уже на месте бывшего газообразного вещества концентрируется то же количество материи, но уже в форме твердых частиц гигантского пылевого облака...

Шелест колес и скрип тормозов прервали мои мысли.

Рядом остановилась машина — такси. Шофер — молодой высокий парень с длинными волосами, обошел вокруг машины и, остановившись у заднего колеса, вздохнул и свистнул. Женщина-пассажира, открыв дверцу, нетерпеливо и капризно крикнула:

— Ну что у тебя там еще случилось?

— Колесо спустило, — тихо произнес парень.

— Я так и знала, что что-нибудь случится. А как заменить, знаешь?

— А чего тут сложного, в момент...

Но сам стоял у багажника в раздумье.

— Чего же ты стоишь?

— Черт, замок заело, багажник не открывается. Дают машины, которые уже надо списывать.

— Господи, так я же опоздаю на самолет. Гражданин, товарищ, — обратилась женщина ко мне, — ты не скажешь, где здесь ближайшая стоянка такси? — Но, видя перед собой вполне приличного человека, уже другим тоном заговорила, поправляя прическу, то есть взлохмачивая черные волосы. — Надо же так не повезти, сесть на такую рухлядь, да еще видите, с каким умельцем, — и, посмотрев в сторону шофера, который все еще копался у багажника, иронически заметила: — Да, специалист, а у меня самолет из Шереметьева на Сочи в час тридцать.

Я смотрел на молодую женщину, сидящую на переднем сиденье. Черный костюм, черные изящные туфельки, что-то золотое поблескивало на шее. Все дорожное и удивительно женственное рассказывало, как невидимая анкета, что было раньше с ней и что будет дальше, в Сочи...

— Я думаю, здесь можно просто поймать машину, многие такси и идут в этом направлении в парк.

— Помогите мне выйти, — и прежде чем протянуть руку, привычным жестом подпернула узкую юбку, чтобы сделать широкий шаг. Протягивая руку, она уже как знакомому сказала: — Боже мой, как у вас все сложно — заказать машину, купить билет, да еще неизвестно, какая погода, полетит ли самолет? Хорошо, что попадаются люди, которые как-то сочувствуют.

Я, помогая ей выйти из машины, почувствовал смешанный запах вина, дорогих духов и все то очарование, которым природа наделяет красивых женщин.

Она подошла к шоферу и, вынув из сумочки деньги, передала ему.

— Скорее, скорее, вынимайте чемодан.

— Как я его достану, когда багажник не открывается, — со злостью и досадой ответил шофер.

Я взял ключи у парня, вставил в замок, тихонько постучал по багажнику, наклонился к замку, как бы прислушиваясь, и без всякого усилия открыл его.

Женщина посмотрела на меня с любопытством и восхищением.

— Вы что, волшебник?

Я молча с улыбкой посмотрел на нее, достал из багажника небольшой красивый кожаный чемодан и жестом пригласил идти по тротуару. Пройдя несколько шагов, мы остановились.

— Надо поймать любую машину.

— Сейчас это и сделаем.

Я смотрел в лицо женщине. Ничего в ней особенного не было. Небольшой аккуратный носик, чуть вздернутый, несколько волосков бровей, подведенных черным карандашом высоко над глазами, но живые, блестящие глаза и чуть начинающаяся полнота фигуры — все говорило о цветении и желании успеть все взять себе.

Держа меня под руку, она нервно переступала с ноги на ногу, постукивая высокими каблучками.

Мимо нас пронеслась с зеленым огоньком одна машина, другая...

Она поднимала то одну руку, то обе вместе, и при этом ее костюмчик тоже поднимался, а под ним видна была беленькая дорогая сорочка.

Вдруг она торопливо сказала:

— Я вас очень попрошу, встаньте за фонарь, чтобы вас не было видно.

Догадываясь о ее намерении, я скрылся за фонарем. На мосту появилась черная «Волга». Женщина вышла на проезжую часть с вытянутой рукой. «Волга» затормозила и остановилась у тротуара. Дверь открылась, хлынула волна джазовой музыки и появилась голова мужчины с редкими волосами, с бородкой и сигаретой во рту.

— Я вас умоляю, я опаздываю на самолет.

Мужчина пристальным взглядом окинул фигуру женщины.

— Вы одна?

— Да. Я только возьму чемодан.

Торопливо побежала к фонарю.

— Он меня берет! Я вам так благодарна и хочу, чтобы вы все-таки запомнили мое имя.

Передавая чемодан, я шутливо сказал:

— Я знаю, вы, очевидно, скажете, что вас зовут Венера.

— Почему? Это что, комплимент? Вы еще не видели меня на пляже.

— Я пошутил.

Послышался сигнал «Волги».

— Ой! У меня самое современное и сейчас модное имя. Меня зовут так же, как нашу звездную сестру, Светлана!

Помахав рукой, она побежала к машине. Бросила чемодан на заднее сиденье. Опять привычным жестом подняла узкую юбку. Села рядом с шофером, еще раз взглянула на меня и захлопнула дверцу.

Машина лихо рванула с места, оставив за собой клубы пыли. Я смотрел на удаляющуюся «Волгу», и что-то внутри заныло. Мне вспомнилось, что когда-то, еще молодым солдатом, будучи в увольнительной, я шел по городу и удивлялся тому, что девушки, идущие мне навстречу, проходят мимо, не видя меня, как будто я и не существую. Причиной тому была солдатская форма.

«Что за глупости», — мотнул я головой, стараясь стряхнуть с себя набежавшие воспоминания.

Свежий ветерок подул с канала. Зашелестели листья деревьев, закрывающие первые этажи темных окон. Город спал. С грохотом проехала поливальная машина, шелестя по асфальту щетками.

Да, о чем я думал?..

И вместо прежних космогонических дум вдруг вспомнились живые глаза незнакомки, ее жест, когда она поддерживала юбку...

Светлана... Что это — опять случайность? Есть ли вообще в жизни понятие — случайность? Природа создала человека на Земле, что это — случайность? Она же стремится раскрыть ему свои тайны, и эти тайны раскрываются перед ним как будто случайно. Но почему-то эти «случайности» она дарит самым достойным, самым терпеливым, самым упорным? Рентген «нечаянно» обнаружил одну из величайших ее тайн.

Супруги Кюри «нечаянно» обнаружили радиоактивность. Колумб «нечаянно» открыл Америку.

Да, природа щедра на «случайности», отдавая свои тайны фанатикам, но в то же время природа безжалостна, когда обнаруживает, что дала одному слишком много, и тогда, чтобы как-то выправить эту «несправедливость», она рождает Дантеса.

Да, невозможно предугадать ее замыслы. Вот она заставила меня забыть, где я поставил машину. Она сейчас заставляет меня думать о звездном мире. А может быть, она сейчас дарит мне свои секреты, свои великие тайны мироздания? Так зачем же препятствовать ей, надо думать, надо думать...

Я почувствовал какой-то прилив новых сил.

О чем я думал, когда проходил мост? А не вернуться ли, вспомнить?

Остановился. Где-то за каналом «падающая звезда» пронзила световым лучом небо.

Да, как это ни парадоксально, но мы живем в период, когда наша Вселенная переживает расцвет антигравитации, разбегания...

Но будет и другое время, когда «все» пойдет в обратную сторону... Вот я и думал, когда проходил мост. Так, так... И тогда начнется великое крушение твердых тел... И на месте бывшего газообразного вещества начнет концентрироваться материя уже в состоянии твердых частиц, гигантского пылевого облака...

Я вспомнил весь ход мыслей и продолжал размышлять, проходя мысленно весь путь эволюции.

Облако начинает сжиматься, сжиматься, образуя гигантское ядро, в недрах которого под огромным давлением совершаются реакции, рождается внутреннее давление газообразного вещества. Происходит разогрев материи, который приводит к образованию квазара. И вновь вступает в силу закон газов. Гигантские газообразные шары — квазары замедляют свое движение от антигравитационных взаимных влияний и, наконец, вновь наступает великое «противостояние». Квазары, остановившись, с нуля начинают свое движение, разбегание, разбрасывание звездного вещества и рожают вновь вокруг себя звездные скопления — галактики.

Если бы можно было это время, исчисляемое миллиардами лет, «спрессовать» в секунды, мы увидели бы что-то похожее на праздничные салюты, когда на фоне темного московского неба взлетают ракеты, одновременно рассыпая световые шары и затухания, вновь рождая миллионы горящих искр.

Вечное, постоянное движение материи, где наряду с понятиями «время» и «пространство» есть, очевидно, еще одно понятие — одновременность эволюции мироздания.

Куда я зашел? Я уже прошел свой дом! Вот и восьмизэтажка, продовольственный магазин...

— Послушайте, гражданин, — вдруг нарушил женский голос мои думы. Я вздрогнул от неожиданности.

— Да, я вас слушаю.

— У вас не найдется двух копеек позвонить по телефону? Передо мной стояла пожилая женщина в халате.

— Муж мой помирает, — ее лицо со складками морщин еще больше сморщилось. Она прижала к глазам полуширокого халата.

— Телефон отключили, и не знаю почему...

— Сейчас поищу, — я суетливо полез в карман. — Если вам звонить в «Скорую помощь», то можно и без двух копеек. Надо только набрать ноль-три. Я сейчас позвоню. — Я подошел к телефонной будке, набрал номер и стал в трубку пересказывать адрес, который диктовала женщина.

— Успокойтесь, через несколько минут приедет неотложка. Пойдемте, я вас провожу.

Приобняв за плечи пожилую женщину, я пошел с ней к подъезду. Женщина открыла дверь своей квартиры, приглашая меня войти.

Я переступил порог квартиры и сразу почувствовал обычный запах жилища стариков. В комнате было чисто, прибрано, на стене висели в овальных рамках фотографии людей, одетых по моде начала века.

В клетке у окна сидела, нахохлившись, крупная черная ворона.

На стене, у которой стояла большая тахта, висели поблекшие афиши. С крупного плаката смотрел улыбающийся молодой человек с тросточкой и в канотье. Старая мебель красного дерева, кресло, столики с инкрустацией — все говорило о прошлой красивой, веселой жизни хозяина. А

сейчас этот человек лежал с закрытыми глазами, укрытый пледом, не видя, не слыша вошедших.

— Я вам так благодарна за участие, — шепотом произнесла женщина и, показывая на стены с афишами, так же тихо сказала: — Это был очень хороший веселый артист. Его любила Москва. У него было много друзей и так много разных увлечений... Нет... Вы меня не поняли, увлечений...

Она вдруг решительно вышла из комнаты и, порывшись где-то, вынесла тяжелый длинный предмет.

— Я уже и не знаю, как вас отблагодарить. Мой муж очень увлекался астрономией. По вечерам и даже ночью смотрел на небо вот в этот телескоп. Теперь ему он уже не понадобится. Возьмите, может быть, вам это будет интересно.

В это время послышался звонок у входной двери. Женщина торопливо положила телескоп мне на руки и пошла открывать дверь.

Люди в белых халатах спокойно вошли в комнату. Устало и привычно осматриваясь по сторонам, искали место больного.

Стараясь не мешать обычному ритуалу врачей, только глазами и кивком головы попрощался с женщиной и, неловко держа тяжелый предмет, вышел из квартиры.

Стоя в подъезде и глядя на телескоп, с улыбкой сказал, обращаясь к себе на «вы»:

— Ну что вы на это скажете?

И, посмотрев вокруг, подумал: «Кто меня сегодня сопровождает? Интересно, чем все это кончится?»

И, взяв поудобнее тяжелую ношу, направился к дому. А дом был рядом — по диагонали через шоссе на противополо-

ложной стороне. Машин на шоссе почти не было. Звездное небо, словно в планетарии, куполом укрывало ночную Москву от горизонта до горизонта.

Я шел с поднятой головой.

Да, люди умирают, а вся Вселенная живет, и до ее смерти бесконечное время. И, как ни странно, я иду по земле, устало передвигая ноги, чувствуя тяжесть, гравитацию земли, а вся Вселенная — это мироздание в антигравитации. Но все-таки, где же мой автомобиль? Надо зайти сейчас в гараж, узнать — что мне делать дальше, кому и как заявлять.

Огромный гараж на триста машин располагался под домами. Под большим углом пандус вел к дверям гаража.

Нажал кнопку звонка. В окне сторожевого помещения отдернулась занавеска и появилось заспанное лицо дежурного. Дверь гаража открылась. Видя вопросительный и недовольный взгляд сторожа, смущенно сказал:

— Извини, Семен, что я тебя беспокою. Но время не терпит, я должен заявить о пропаже машины. Подскажи, куда звонить и вообще...

— Какая машина? — грубо, не понимая вопроса, начал разговор сторож.

— Да моя машина...

Сторож подозрительно смотрел.

— Да вы что? Приходите ночью, будите... А еще жены все звонят: «Приехал мой, поставил машину?», никакого покоя за девяносто рублей.

— Подожди ты, я тебя дело спрашиваю.

— А я даже не понимаю, чего вы хотите?

— Машина пропала.

— Куда пропала, вон она стоит на вашем месте — двести шестом. Вы ее утром как поставили, так она и стоит, даже подфарники горят. Я звонил вам, чтобы вы пришли и выключили свет, а вас все нет и нет.

Я побежал к своему боксу, открыл дверцу машины, положил тяжелый предмет на сиденье, выключил свет и устало сел в кресло у руля.

Закрыв глаза. Словно кассета видеомэгнитофона завертелась, повторяя события ночи.

Какие мысли были на мосту? О чем я думал?

Решил объехать на машине весь пройденный путь.

Повернул ключ зажигания. Заработал двигатель. Постукивают клапаны... Надо менять распредвал... Опять заботы... Три часа показывают стрелки часов в машине. Двигатель работает. Из трубы глушителя вырываются струйки газа, заполняя бокс. Устало потянулся. Закрыл глаза.

Довольно, не буду думать больше ни о чем. Какой приятный покой.

Двигутся стрелки часов.

Но почему все закружилось?

Куда я лечу? А... Так это же мой космический корабль поднял меня в космос. Но как же так? Он мог двигаться только на плоту в ванне! Правда, последние опыты показали прекрасный результат. Понятно. Я же сейчас нахожусь в настоящей невесомости. Да... Только здесь я смогу показать новый принцип движения. А где же звезды? Куда я прилетел? Боже мой! Какие красивые ворота... Куда они ведут? Шлагбаум, обвитый цветами, розами, с подвешенными красными яблоками, опустился, преградив путь. Из ажурной веранды караульного помещения появился старец

в легком белом одеянии, с седой бородой и светящимся серебряным нимбом над головой.

— Мы транспорт к воротам не пускаем, — произнес старец нараспев, — к нам летят сюда своим ходом.

— Но у меня особенный, космический, небесный корабль. Видите, это увеличенный атом водорода, и все его детали как бы повторяют, имитируют все свойства каждой частицы атома. Так же, как и в атоме, они, взаимодействуя, создают изнутри движение корабля. Я создал эту машину много лет тому назад, а ученые ее не признают!

— В этом нет ничего удивительного, — сказал с грустью старец. — Смотри, я создал целый мир в шесть дней, а ученые и по сей день этого не признают. — Старец сделал широкий жест рукой. — Я предлагаю тебе войти в мои владения. Поставь свой корабль вон там, на стоянке, на белом облачке. Я открою тебе ворота в мой мир. Ты увидишь здесь своих старых знакомых, ты их по школьным портретам узнаешь. Здесь у них и консультации получишь по твоим научным вопросам, на самом высоком уровне.

— Нет, нет. Я хочу на Землю к людям, хочу для них сделать еще доброе, полезное. Я хочу, чтобы мой корабль служил людям. Я не хочу, я не хочу... в эти ворота... Почему вы меня держите? Почему так грубо со мной обращаетесь?

И вдруг исчезли красивые ворота. Слышен был только голос Семена:

— Вы что, с ума сошли? Отравиться захотели? Заглушите двигатель.

Протирая глаза от едкого дыма, Семен повернул ключ зажигания, отключил мотор. Вытащил мое полуживое тело, взвалил на себя и сквозь дымовую завесу потащил к выходу.

Свежий ночной воздух ворвался в легкие. Я открыл глаза и стал на асфальт у выхода из гаража.

Как же это случилось?

— Получилось, получилось... Сейчас включу всю систему вентиляции, может быть, к утру и проветрю. Только бы начальник гаража с утра не заявился.

Я, жадно глотая воздух, начал медленно подниматься по пандусу. И где-то, уже у самого верха, остановился, посмотрел вниз и, виновато улыбнувшись, сказал:

— Спасибо, Семен, извини.

И пошел к подъезду своего дома.

Но что это?

У подъезда дома я увидел странное зрелище. Нарушая тишину ночи, звучала танцевальная музыка. Магнитофон стоял на крыше чьей-то машины.

Молодые люди, празднично одетые, танцевали, смеялись, и никто им этого не запрещал.

— Что случилось, ребята? Почему такое веселье? — обратился я к девушке.

— Как это, вы не знаете? Ваш сосед Костя женится на Тане. Свадьба!

Дом спал. И только звездный мир огромного купола неба был свидетелем начинающейся новой жизни.

Я вошел в подъезд.

— А что, почта сегодня вечером была? — спросил у дежурной.

— А как же, «Вечерку» приносили.

Я открыл свой почтовый ящик, вынул газету и вошел в лифт.

Из газеты вывалился и упал на пол лифта конверт. Я поднял его, раскрыл и вынул небольшой лист бумаги. На официальном бланке печатными буквами было написано:

«Рассмотрев материалы заявки, ВНИИГПЭ решил признать предложенное техническое решение изобретением и выдать охранный документ на изобретение с названием «Машина Романова».

Мне показалось, что я уже лечу вверх, но это лифт поднимался на шестнадцатый этаж.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СОТВОРЕНИИ МИРА

Верующие с уважением относятся к библейскому сказанию о сотворении мира. Научные гипотезы о происхождении Солнечной системы Лапласа, Канта, Шмидта и других классиков космогонической науки по-иному представляют акт возникновения Вселенной. Поиск науки вечен. Библейская истина тоже неопровержима...

И если в прошлых столетиях непримиримая борьба этих двух мировоззрений приводила к драмам, то в наше время мы стали терпимее: «Вы верите Библии, ну и прекрасно. А вы поверили в научные гипотезы, тоже замечательно, ибо надеетесь найти законы, по которым возникла наша Вселенная...»

И конфликта вроде бы уже и нет.

И все-таки полного единства нет. Природа слишком много дарит чудес, которые наука не в силах объяснить, и, обращаясь к Богу, мы находим успокоение. Однако и поиск науки не прекращается. Разум, который тоже дан нам от Бога, не желает смириться с незнанием.

Вот я смотрю кадры фильма: космонавты ходят по лунной поверхности, по лунному песку; вот я разглядываю цветные фотографии Юпитера, спутников Сатурна... Мы так далеко заглянули в пространство, но, обращая взор к Биб-

лии, я снова задаю себе вопрос: неужели Бог мог сотворить мир за шесть дней?

И тут мне приходит мысль, что объяснение сложнейшей загадки зависит от того, какой «механизм» применим мы в построении нашего мира... Да, да, такой механизм существовал в создании Вселенной и существует при сотворении других миров... Сегодня нет новых концепций о рождении планетных систем, а предыдущие классические гипотезы не отвечают на наши вопросы о возникновении окружающего нас мира.

Две гипотезы прошлого, а также и нынешняя гипотеза Шмидта рассматривают и видят в образовании Солнечной системы (кроме катастрофических гипотез) эволюционные процессы, длившиеся миллионы и миллиарды лет. Это, конечно, противоречит библейскому сказанию.

Как образно сказал еще Ф. Уипл: «Общее движение столь многих тел наводит на мысль о каком-то первоначальном вращательном действии, как будто Солнечная система была когда-то приведена во вращение неким «Космическим пальцем».

Читая эти строки Ф. Уипла, делаешь вывод — чтобы понять механизм образования планетной системы, нужно ответить только на один вопрос: что заставило планеты и все тела Солнечной системы вращаться в одном направлении вместе с Солнцем?

Во всех космогонических гипотезах есть общее стремление найти тот «космический палец», в котором было бы заложено действие, то есть момент количества движения. А возможно, что этот момент количества движения следует искать в первоисточнике — в центре нашей галактики.

Рассматривая фотографии спиральных галактик, мы видим динамику их строения.

Может быть, именно здесь, в самом центре галактики, следует искать первопричину последующих событий.

Периодическое «дыхание» галактического ядра дает как бы первый импульс движению материи, и это бесформенное облако уже имеет определенный момент количества движения.

И можно полагать, что в спиральных образованиях галактики в процессе эволюции совершается изменение состояния вещества, что способствует его делению на многие компоненты.

Статистика в астрономии говорит о том, что большинство звезд в нашей галактике, а наверное, и в других галактиках, — это парные, тройные и кратные звезды. Но какой механизм был «применен» при создании этих систем? Парные, тройные и кратные системы звезд возникли не самостоятельно, был механизм деления гравитационно-неустойчивого огромного газообразования. И этот процесс деления совершается от больших компонентов к малым до тех пор, пока не появится гравитационная устойчивость газообразного вещества.

Звездное вещество, еще не сформировавшееся в шаровую форму, при охлаждении и сжатии приобретает дополнительное вращение, а гравитационная неустойчивость большой массы материи способствует удалению периферийных частей от центра. Этот процесс ведет к постепенному изменению геометрической формы облака и распаду — делению вещества на ряд компонентов в зависимости от первоначальной формы его строения.

Процесс эволюции в образовании звезд, пожалуй, нужно рассматривать как способность деления звездного вещества на определенных этапах. И если существует единый механизм в образовании как звездных систем, так и планетных, то этот механизм — деление!

И если на раннем этапе образование звездных систем это длительный процесс, то на последующих этапах он все более ускоряется и приводит к ускорению деления и ускорению вращения делящихся. И когда процесс деления доходит до «заключительного этапа» деления протозвезды — будущего Солнца — на планеты, этот процесс деления превращается в обвалный, «лавиный», это уже процесс «цепной реакции».

С образованием планетной системы звезда приобретает форму шара и входит в стабильный, долговременный акт жизни.

Совершается как бы «финальный аккорд» большого взрыва. Если такой вообще существует.

Что же собой представляет этот «механизм» деления?

На мой взгляд, процесс деления звездного вещества возможен только при условии, когда звездное вещество находится еще в гравитационной неустойчивости, когда его формы асимметричны, когда на одном из этапов деления будущая звезда еще не имеет форму шара. В это время она несет в себе остаточный след деления, ранее соединявший ее с первоначальным объектом. В этом месте, именно здесь, в этой асимметрии, «созревает» последующее деление. Его не может быть, если газообразное вещество приобрело уже устойчивую форму шара.

Сегодняшнее Солнце не может «родить» планеты. Возникновение планет происходило тогда, когда Солнце, будучи протозвездой, имело асимметрию. Тогда только мог произойти процесс деления.

Какие же силы участвуют в процессе деления?

Вспомним самый простой жизненный пример — игру в городки.

Когда игрок бросает биту, она, отрываясь от руки игрока, вращается и бьет плоскостью по городкам. Почему бита-палка вращается? Потому что концам этой тяжелой палки первоначально даны были разные скорости. У конца палки, зажатого в руке, была одна скорость, а у другого конца, свободного от руки, совсем другая скорость. Свободный конец с большой скоростью увлекает всю палку во вращение.

То же самое происходит в асимметричной части вращающегося космического объекта.

Попробуем мысленно представить деление протозвезды, будущего Солнца, и механизм рождения первой планеты.

Очевидно, первой планетой была планета Плутон. Она до своего рождения была самой крайней частью в структуре следа при делении звезды.

Конденсируясь, она как бы «созревала» в этом месте. При сжатии звездного вещества, ускорении вращения протозвезды первый отрыв, естественно, мог произойти только в самой удаленной и гравитационно-неустойчивой части вещества.

При этом нужно вспомнить описанный пример с вращением палки.

Находясь на крайнем месте протозвезды, будущая планета Плутон имела угловую скорость движения самого удаленного радиуса протозвездного места, которым она соединялась с протозвездой, и имела соответственно меньшую скорость движения по сравнению с ее удаленной, свободной частью.

При отделении крайняя часть, в которой шел ускоренный процесс конденсации, создававший более тяжелые элементы, сразу же вовлекла во вращение планету.

Следует сказать, что планета Плутон сравнительно недавно открыта (1930 г.), поэтому мало что можно сказать о ней. Но известно, что орбита Плутона резко отличается от орбит всех планет-гигантов, так как имеет самый большой эксцентриситет. Может быть, это и подтверждает ее местоположение в структуре асимметрии протозвезды.

Отделение Плутона дало возможность «созреть» следующей планете.

Планета Нептун своей большой массой дает некоторое представление о крайних формах структуры следа — последствий деления протозвезды. Надо полагать, что само построение планет-гигантов говорит о структуре и форме этой «пуповины» в экваториальной части протозвезды.

Отделение Урана тоже определяет эту структуру следа протозвезды, но это единственная планета, у которой осевое вращение отличается от всех планет-гигантов.

Может быть, на последнем этапе деления она (планета Уран) соединялась с протозвездой не экваториальной частью, а «полюсом», поэтому при отделении и возникло такое аномальное вращение.

Но то, что спутники вращаются в том же направлении, в котором вращается Уран, подтверждает гипотезу о том же принципе деления.

Все планеты-гиганты не похожи друг на друга. Их особенности складываются из того, с какого места произошло деление, и это определило их размеры, вращение, состав вещества, конденсацию, охлаждение. Но всех их объединяет общий принцип «рождения» — механизм деления (рис. 5).

И если планета Плутон отделилась первой на самом крайнем месте асимметрии протозвезды и уже в самый ранний

период формирования планетной системы представляла плотный, сконденсированный сгусток материи, то Юпитер, отделившись последним и несущий в себе еще остаток протозвездного вещества, в этот период «выглядел» маленькой звездочкой, вращаясь вокруг Солнца на своей орбите.

Описание гипотезы — механизма деления при рождении планет Солнечной системы отвечает на главный вопрос: почему планеты вращаются в одном направлении вместе с Солнцем?

Но есть еще немаловажный вопрос: чем все-таки объяснить большое различие углового момента планет и Солнца? Какой механизм может при сжатии протозвезды передать значительную часть моментов количества движения на образование планет?

Выше уже рассказано о механизме деления, создающем движение и вращение планет, и было видно распределение момента количества движения. Далее предлагается рассмотреть прибор, демонстрирующий вращение планет при делении асимметрично части протозвезды (рис. 6).

Прибор наглядно показывает различие углового момента планет и Солнца и дает возможность увидеть, как переходит момент количества движения от протозвезды к планетам.

На оси электродвигателя, который закреплен вертикально, на устойчивой площадке находится планка.

На одном ее конце вставлен электромагнит. При включении в сеть он притягивает к себе металлический диск с небольшим приливом на одной стороне. Диск располагается на планке в горизонтальной плоскости. На противоположной стороне планки закреплен противовес, чтобы вся система была динамически уравновешена.

Если электродвигатель включить в сеть, то вся конструкция, находящаяся на оси электродвигателя, будет вращаться.

Однако если отключить электромагнит, то металлический диск, оторвавшись от магнита и от планки вследствие ее вращения, под действием инерционных сил полетит по касательной в том же направлении, в котором вращалась ось электродвигателя и планки.

Но диск будет еще вращаться и в полете вокруг своей оси, в том же направлении, в каком вращалась вся эта система, то есть ось электродвигателя и насаженная на нее планка.

То, что диск летит по касательной в направлении всей вращающейся системы, — это часто видим и на других примерах. Но что же заставляет диск при этом полете еще и вращаться вокруг своей оси в том же направлении?

Известно, что при вращении какой-либо системы скорость точек, расположенных по радиусу, различна. Значит, диск, закрепленный на планке, при ее вращении имеет по диаметру разные угловые скорости. В полете диск не связан с планкой, и большая скорость движения крайней части с приливом передается всей его массе, являясь определенным импульсом осевого вращения. Этот момент количества движения и передается по ступеням деления вещества.

Этим и объясняется осевая скорость вращения планет-гигантов.

Прибор демонстрирует механизм вращения планет и вместе с тем отвечает на вопрос: почему существует большое различие углового момента планет и Солнца. Также прибор дает возможность понять, как происходит распределение количества движения во всей планетной системе.

Каждая планета, как и протозвезда, отделяясь, уносит с собой оттянутую часть — остроконечный след деления, из которого и рождаются спутники.

Рассматривая таблицу расположения спутников, мы видим, что у планет, как и у протозвезды, есть свои спутники-гиганты, возникшие по той же схеме.

За огромным Титаном, спутником Сатурна, расположилась гряда малых спутников, как бы имитирующих группу малых планет.

Примерно по той же схеме распределяются спутники Юпитера, что вновь подтверждает единый механизм образования планетной системы.

А что же собой представляют самые удаленные спутники Юпитера?

Вот они-то и приводят нас к объяснению рождения малых планет.

Возникновение малых планет, а это Марс, Земля, Венера, Меркурий, произошло тоже в процессе деления звездного вещества, но их рождение связано с делением Юпитера.

В момент отделения Юпитера от протозвезды на его последнем этапе возникла, образно говоря, газообразная перемычка, связывающая его с протозвездой. И когда Юпитер отделился от протозвезды, оборвалась и эта «пуповина». Вместе с Юпитером ушла одна ее часть, из которой родились его дальние спутники (такой вид спутников имеет и Сатурн, они находятся на дальних орбитах планеты), другая часть перемычки-пуповины осталась «во власти» протозвезды. Конденсируясь, эта узкая полоска звездного вещества разделилась на отдельные плотные шаровидные образования, которые и заняли соответствующие места на орбитах вокруг протозвезды — Солнца.

Так родились малые планеты. А из более узкой полоски газообразного вещества, которая еще связывала планету Марс с Юпитером, и возникло кольцо астероидов; им некоторые фантасты приписывают роль осколков планеты Фээтон, которой никогда не существовало.

Коснусь еще проблемы «красного пятна».

Гипотеза деления объясняет не только строение планетной и спутниковой систем, но и дает повод к размышлению и поиску последствий и следов этого процесса: взаимосвязи формирования планеты с биологической жизнью на ней, а также объяснение комет как объектов допланетного происхождения.

Последствия и следы этого процесса деления мы можем увидеть также и на самих планетах.

С тех пор как изобретен телескоп, в экваториальной части Юпитера всегда наблюдается необычное обособленное образование — красное пятно овальной формы.

Полагают, что пятно не принадлежит к деталям поверхности, а, возможно, состоит из облаков, скапливающихся над некоей твердой массой, плавающей в океане из жидкого водорода. Почему это пятно находится в этом месте планеты, как оно появилось и что оно собой представляет? На это ответов пока нет. Но можно попытаться объяснить этот феномен, применив дедуктивный метод.

Каждая планета в период деления претерпевает деформацию. Как описывалось ранее, на последнем этапе деления соприкасающаяся сторона Юпитера с протозвездой была оттянута и создавала у планеты удлиненную форму из конденсирующегося газообразного вещества. И можно предположить, что «красное пятно» Юпитера — это и есть то место «пуговины», которая связывала пла-

нету с протозвездой и из которой в дальнейшем рождались спутники.

Наконец, следы деления мы можем обнаружить и на планете Сатурн. Что собой представляет кольцо Сатурна?

В учебнике «Курс общей астрономии» говорится: «Причина, по которой Сатурн на расстоянии 10^5 километров имеет именно кольцо, а не спутник, состоит в приливной силе. Было показано, что если бы спутник и образовался на таком расстоянии, то он был бы разорван под действием приливной силы на мелкие осколки. В эпоху формирования планет-гигантов вокруг них на некотором этапе возникли уплощенные облака протопланетной материи, из которой потом образовались спутники. В зоне колец приливная сила воспрепятствовала образованию спутников. Таким образом, кольца Сатурна, вероятно, являются остатками допланетной материи».

В учебнике вновь обращаются к классической небулярной гипотезе Канта — Лапласа, объясняя уникальное явление.

Но хотелось бы найти иное объяснение появления колец Сатурна. Для этого придется вновь вернуться к механизму строения планетной системы.

Как уже говорилось, Сатурн является четвертой планетой (отделившейся от протозвезды). Как и все предыдущие планеты, она, по той же схеме, приобретала асимметричную часть, из которой рождались спутники.

Но если в Юпитере оставшаяся «пуповина» под действием его большой массы, формируясь в шар, ушла внутрь планеты, то у Сатурна вследствие его огромного вращения, иного состава вещества, более тяжелых элементов, оставшаяся часть «пуповины» не ушла внутрь планеты, а под действием огром-

ного вращения и центробежных сил у экватора эта последняя часть была отторгнута на определенное расстояние, и планета оказалась окаймленной кольцами твердых частиц.

Так что, очевидно, кольца Сатурна не являются допланетной материей. Они родились из самой планеты и несут в себе ее же материю, демонстрируя безграничные возможные варианты механизма образования в планетной системе.

Механизм деления дает объективную картину, схему строения планетной системы, где планеты-гиганты выстроились как бы по ранжиру от больших к меньшим, от ближних орбит к дальним. Этот механизм имеет отношение только к образованию больших планет, планет-гигантов. Но именно они участвуют в процессе рождения планетной системы.

Такой механизм деления дает возможность объяснить многие закономерности в строении и движении планет Солнечной системы.

Механизм деления создает условия, при которых все планеты и спутники, находясь в одной плоскости, вращаются в одну сторону (есть, конечно, исключения), в которую вращается само Солнце.

Процесс деления в рассматриваемой гипотезе объясняет механизм и причину быстрого вращения планет-гигантов, дает логичное объяснение рождения малых планет, их места расположения, а также наличия астероидов на дальней орбите между Марсом и Юпитером.

И самое главное, механизм деления объясняет момент количества движения всей планетной системы и дает представление о том, что Вселенная, звездный мир развиваются по единым законам и что планетные системы — это

один из последних этапов деления в эволюции звездного вещества, когда газообразное состояние вещества переходит в иное состояние и где уже вступают в силу законы твердого вещества. Но, несмотря на единый механизм образования планетных систем, каждая звезда имеет свою «судьбу», отсюда и разновидность планетных систем, так как ее размеры зависят от геометрической формы предыдущего объекта, его скорости вращения. Все эти факторы отражаются и на последующем делении и строении планетных систем.

Теперь, объясняя рождение планетных систем, в котором участвует механизм деления, мы можем не только утверждать наличие планет у каждой звезды, но и представить схему этого образования, в которой планеты-гиганты располагаются от больших к меньшим, и даже определять место у «незнакомой» звезды, где может «скрываться» планета, на которой возможна жизнь. Она, может быть, находится там, где и наша Земля, в ряду малых планет, ближайших к звезде, и это определение места положения такой планеты дает нам шанс предполагать множественность цивилизаций в нашей галактике.

А теперь вернемся к Библии, где говорится: «На четвертый день Он (Бог) создал два тела небесных, светящихся на своде неба: большее, чтобы светило днем, а меньшее для освещения ночи». Слово «возникло» сближает идеи сотворения мира по Библии и по науке, и можно даже говорить о том, что библейское сказание тоже один из вариантов научного. И сегодня человечеству открывается мир, в котором видно, что разрушительный процесс деления создает прочное здание планетной системы.

В газете «Поиск» (№ 47, 1993 г.) была опубликована моя статья «Солнце играет в городки», где я тогда представил первый вариант моей гипотезы о делении планетных систем. Здесь я внес некоторые поправки в гипотезу о механизме деления. Мне удалось более подробно и аргументированно объяснить все эволюционные процессы, идущие от звездного деления вещества к планетным и спутниковым системам.

Полагаю, что статья «Размышления о сотворении мира» дает читателю импульс к размышлению, ибо гипотеза деления раскрывает многие тайны рождения и жизни планетных систем.

В описании гипотезы механизма деления я часто прибегаю к таким выражениям, как «возможно», «я полагаю», «может быть» и т.д., ибо убежден, что только глубокие знания ученых помогут разобраться в этих вопросах и определить справедливость описанных мною явлений в окружающем нас мире Вселенной.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(для любознательных читателей)

Как и почему парадоксальное движение не противоречит закону движения? (Напомню: «Всякое движение — это суть неравных условий, в которых пребывают действие и противодействие».)

По сути дела, в «Машине Романова» работает система рычагов. Посмотрите на рисунок 7, где можно усмотреть некоторую аналогию распределения усилий с «Машинной Романова». Шестерня малого электродвигателя — (руки рабочего) опирается на противоположную массу плавучего основания — (упор о землю) и этим самым создается усилие на центральную ось плавучего основания — (груз тачки).

Таким образом, усилие малой шестерни — это действие, а противодействие — усилие на центральную ось от опоры (массы) противоположной стороны плавучего основания. Так что парадоксальное движение — это совсем не парадокс.

Но если механизм (система рычагов статики) действует в динамике в условиях невесомости (на воде), тогда это парадоксальное движение.

Какие же должны быть условия, чтобы это движение возникло?

Плавучее основание является главной основой движения, поэтому в условиях невесомости (на воде, где нет «опоры») плавучее основание должно находиться в статике, без движения. Оно не должно реагировать — то есть вращаться от действия малой шестерни. Оно (плавучее основание) должно реагировать только в моменты «дискретности», то есть поворачивать свою массу в ту сторону, в какую нужно создать дополнительную «нагрузку», то есть создать своей массой опору, на которую должен опереться тот или другой электродвигатель.

«Дискретность» в «Машине Романова» — это момент отключения электродвигателя (пауза), в который малая шестерня увлекает за собой плавучее основание, чтобы движение этой массы (после статики) было опорой для последующей работы электродвигателя. (Описан один из циклов действий в «Машине Романова»).

По существу, механизм «Машины Романова» прост и объясним в действии.

Планка с малой шестерней имеет постоянное вращение в одну сторону. На каждой стороне большой шестерни происходит переключение электродвигателей. На одной стороне включается малый электродвигатель, где его малая шестерня толкает большую шестерню в противоположную сторону.

На другой стороне, при включении статичного электродвигателя, малая шестерня, перемещаясь, «тащится» по большой шестерне, стремясь сдвигать всю систему вместе с плавучим основанием. Но так как при переключении того или иного электродвигателя появляется «пауза», в которой возникает некоторый поворот плавучего основания, то этот незначительный его сдвиг является опорой для каждого последующего включения электродвигателя.

В прямолинейном движении «Машины Романова» эти повороты плавучего основания почти незаметны, но они являются опорными моментами и ощутимы для каждого электродвигателя.

Те же процессы, как мне кажется, происходят и в механизме атома. Я не могу себе представить, как же гениальные умы могли обнаружить свойство той или иной частицы: спин электрона (в машине это действие малого электродвигателя), магнитное свойство электрона (момент, когда «тащится» шестерня), волновое движение (движение планки с шестерней), наконец, дискретность (поворот всей системы с плавучим основанием) и другие моменты.

Ведь для того, чтобы обнаружить все эти свойства частиц атома, нужно его увидеть «в сборе». Однако этого же в квантовой механике не существует. Только в «Машине Романова» можно было понять и увидеть этот сложный и вместе с тем простой кинематический процесс, где замкнутая система способна перемещать центр масс, обладая парадоксальным движением.

Мне кажется, что квантовая механика не распознала в микромире — в механизме атома — действия классических законов, сузив основной закон механики действия и противодействия и ограничив его смысл, рассматривая его как закон статики. Если мы его изложим по-другому, то смысл в нем раскроется, как закон движения — это суть неравных условий, в которых пребывают действия и противодействия.

По этому закону совершаются все процессы в атомных структурах.

Обратите внимание на рисунок 8. Как видно, стабилизация плавучего основания здесь достигается посредством диф-

ференциала, где противоположное движение массы (диска) удерживает плавучее основание от вращения. Очевидно, возможны и другие технические решения этой задачи. (Этот вариант «Машины Романова» был показан в действии членам комиссии Космического агентства.)

Несмотря на их высокий технический уровень знаний, они не смогли понять причины подобного движения, а я в то время тоже не мог толком объяснить, почему это движение происходит. И только спустя несколько лет, продолжая изучать это явление, я понял, где надо искать причину этого парадоксального движения.

Схожесть механизма «Машины Романова» с механизмом атома — это не досужие размышления и доводы.

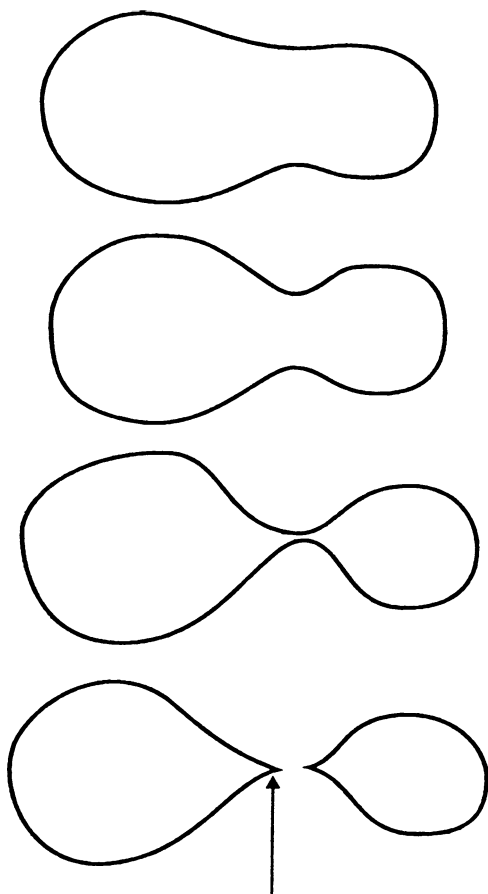
Однако нужно помнить, о чем уже было сказано ранее: парадоксальное движение — это внутриатомные процессы. Их предназначение — нарушать баланс сил между противоположными зарядами атома-протона с магнитным полем, способствуя образованию молекул, создавать материю газообразного вещества, имеющего свойство занимать неограниченное пространство, расширяя Вселенную, а также твердое вещество с иными свойствами.

То, о чем я пишу, должны были бы почитать те ученые, которые пишут научные статьи о квантовой механике. К сожалению, на все мои размышления, описанные явления и закономерности в сфере физической науки тщетно ожидать каких-либо быстрых реакций и откликов.

Однако рано или поздно появятся союзники (к сожалению, поздно). Но я не сетую на это.

Идет естественный, закономерный процесс познания истины.

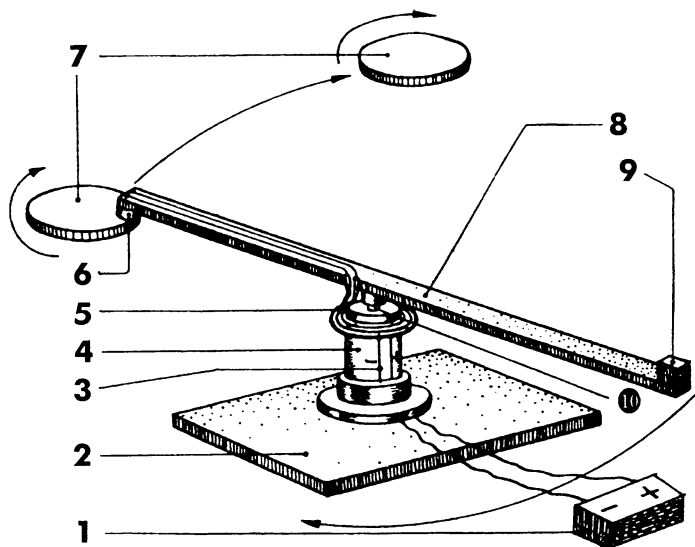
Деление звездного вещества на парные звезды

След деления,
из которого рождаются
планеты

Рис. 5

Прибор, демонстрирующий
отделение диска (объекта),
его движение и вращение,
совпадающие с вращением планки
(основным компонентом)

1. Питание.
2. Устойчивая площадка.
3. Проводка питания электромагнита.
4. Электродвигатель.
5. Контактная система.
6. Электромагнит.
7. Металлический диск.
8. Планка.
9. Противовес.
10. Ось электродвигателя.

Рис. 6

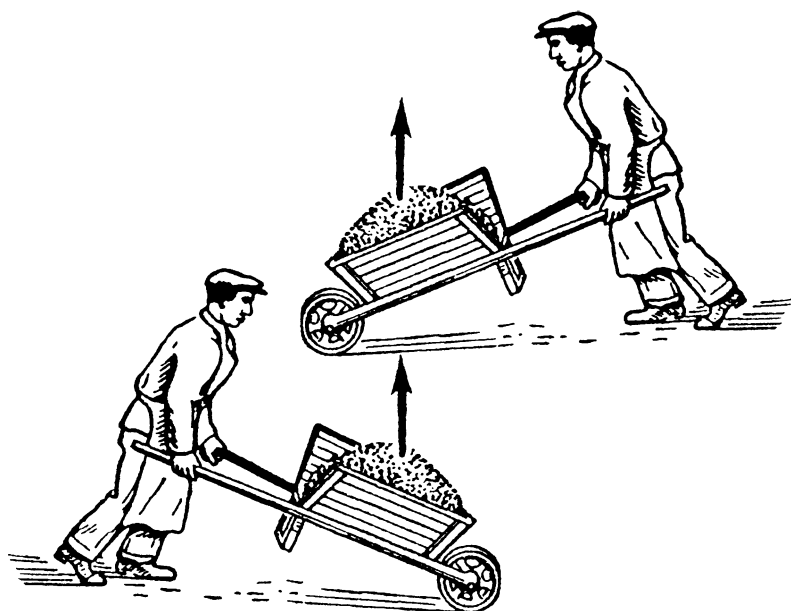

Рисунок в статике показывает, как в динамике происходит последовательное чередование приложения силы действующих электродвигателей.

Рис. 7

«Машина Романова»

1. Основание.

2. Плот.

3. Большой электродвигатель.

4. Пластина.

5. Большая шестерня.

6. Малый электродвигатель с шестерней.

7. Планка.

8. Дифференциал.

9. Контактная система.

10. Уравновешивающий груз.

11. Шестерня дифференциала.

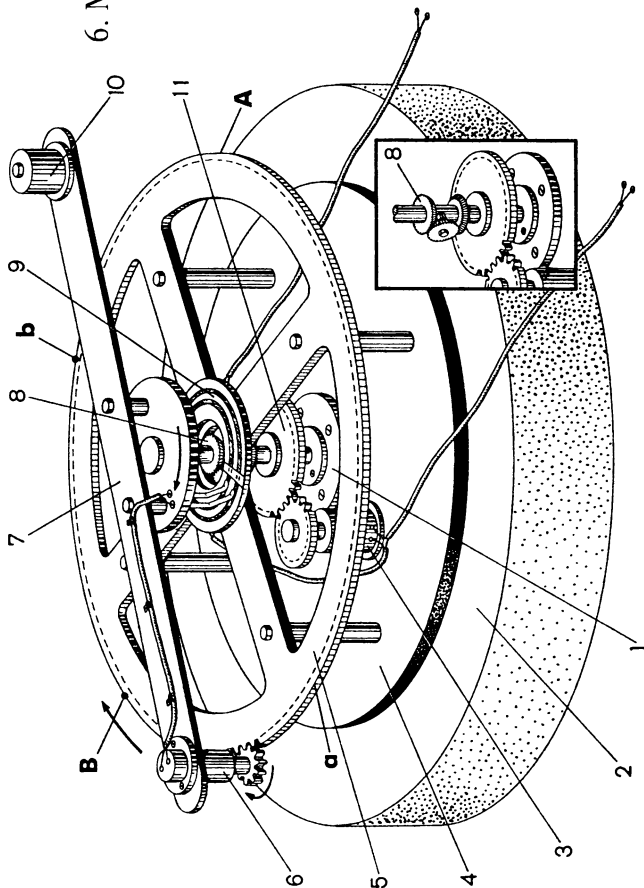

Рис. 8

Не Оноре де Бальзак, а Роман Романов

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ (Мини-роман)

В какое-то время, в каком-то месте появится умный человек и, терпеливо прочитав эту книгу и подумав, скажет: «Если эта «Машина Романова» перемещается на поверхности воды и не опирается о воду, то значит, она может перемещаться не только на поверхности, но и в глубине воды. Конечно, для этого ее нужно поместить в закрытый сосуд вместе с аккумулятором, и она будет перемещаться, как подводная лодка. Правда уже имея другую форму — круглую, форму чечевицы. У нее не будет снаружи вала и винта, поэтому машина будет перемещаться в этом водном царстве бесшумно...»

В какое-то время, в каком-то месте появится еще один умный человек и тоже, терпеливо прочитав эту книгу и внимательно подумав, скажет: «Если эта «Машина Романова» перемещается на поверхности воды и не опирается о воду и на атмосферу, тогда ее можно заключить в закрытый сосуд в форме тарелки и «забросить» на орбиту Земли, где вакуум и невесомость. В этом космическом пространстве она будет перемещаться, не требуя топлива с Земли, так как ее будут перемещать электродвигатели, которые могут питаться от солнечных батарей...»

В мире появится новый принцип движения.

Да, конечно, так будет. Только тогда это будет, когда меня уже не будет...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
-----------------	---

Часть первая

Теория парадоксального движения

Теория парадоксального движения	13
«Машина Романова»	24
Свойство газов	36

Часть вторая

Научно-иронические откровения

Научно-иронические откровения	57
Первая беседа	72
Закон подлости	79
У потухшего костра	93
Сон	115
А жизнь продолжается	124
Вторая беседа	150
Третья беседа	155
Четвертая беседа	180
Пятая беседа	185
Бенефис	191
Веселый и трагический спектакль	199
Неудачная авантюра, или С чего все началось	208
Взгляд в одну точку	224
Размышления о сотворении мира	248
Послесловие	262
Утраченные иллюзии	270

Романов Роман Иванович
Мастер без Маргариты

Редактор
Л. С. Калюжная

Художественный редактор
Е. А. Ененко

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь
и поддержку в издании книги
директору — художественному руководителю
Центрального дома работников искусств
Энгелисе Георгиевне Погореловой,
а также
Гетте Марковой.

*Роман Романов,
заслуженный артист России*

Изд. лиц. № 02635

Подписано в печать 28.11.2001. Бумага офсетная.

Формат 60х90 $\frac{1}{16}$. Гарнитура «Академическая».

Печать офсетная. Уч.-печ. л. 17.

Тираж 1 000 экз.

Заказ № 2821.

Издательский дом «Звонница».

101503, Москва, ул.Сушевская, 21.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУИПП «Курск»

305007, Курск, ул.Энгельса, 109.

OCR Давид Титиевский, июнь 2020 г., Хайфа

צומת ספרים

רוסית קשה 20 ש"ח

4 444606 956358

20 ש"ח